

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

Серия: Философия и право

№ 1, 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Целищев В.В.</i> История тезиса Черча	3
<i>Головкин Н.В.</i> Д. Дэвидсон, инструментализм и необходимость теории указания	8
<i>Карпович В.Н.</i> Понятие истины и логическая онтология	12
<i>Симанов А.Л.</i> Наблюдаемость, простота, толерантность и понятийный аппарат в физике	16

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Горан В.П.</i> Кризис древнегреческой демократии и философия Сократа (IV)	24
<i>Любутин К.Н., Кондрашов П.Н.</i> Три модели исторического процесса в философии истории Карла Маркса	31

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

<i>Бобров В.В.</i> Возвращаясь к предмету социальной философии	38
<i>Изгарская А.А.</i> Пространство социальных отношений в миросистемном и геополитическом аспектах	42
<i>Шмаков В.С., Сердюкова Ю.С.</i> К проблеме моделирования социальных процессов	46
<i>Цибриенко Р.Я.</i> Методологические проблемы исследования адаптационных процессов в обществе глобальных трансформаций	50
<i>Ермаханова С.А.</i> Развитие представлений о социокультурных аспектах модернизации в социологии	55
<i>Бодрякова Е.А.</i> Методологические аспекты интерпретации понятия качества в экономической теории	60
<i>Мархинин В.В., Удалова И.В.</i> Демографические процессы и межнациональные отношения в Югре	64
<i>Мусийчук М.В.</i> Коммуникативный механизм юмора через призму иронии как приема остроумия	68

ПРАВО И ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

<i>Дидикин А.Б.</i> Историко-правовые предпосылки формирования науки государственного (конституционного) права в России	73
<i>Черненко А.К.</i> Инновация как способ формирования современной российской правовой системы	77
<i>Марков Ю.Г.</i> Хозяйство будущего: право коллективной собственности	81
<i>Нечаева Ю.В.</i> Формирование структуры органов местного самоуправления: проблемы реализации конституционного принципа самостоятельности	86
<i>Цихоцкий А.В.</i> Процессуальное принуждение в гражданском судопроизводстве	89
<i>Лисица С.В.</i> Допуск иностранных лиц к осуществлению инвестиционной деятельности	94
<i>Бухтоярова О.А.</i> Право на иск в защиту интересов неопределенного круга лиц	98
<i>Зыков С.В.</i> Отличимость как критерий объектов интеллектуальных прав	103
<i>Чернущь Н.Ю.</i> Гражданско-правовой оборот археологических находок	106

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. РЕЦЕНЗИИ

<i>Вольф М.Н.</i> Рецензия на кн.: <i>Mourelatos, Alexander P.D.</i> The Route of Parmenides: revised and expanded edition; with a new introduction, three supplemental essays, and an essay by Gregory Vlastos (originally published 1970). Las Vegas: Parmenides Pub., 2008. lix, 408 p.	110
Политика и право: проблемы интеграции и пути их решения. II <i>Международная научно-практическая конференция</i>	113
<i>Summary</i>	114

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
“ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ”**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А.Ламин* (председатель совета, Новосибирск), чл.-кор. РАН *Б.В.Базаров* (Улан-Удэ), чл.-кор. РАН *В.И.Бойко* (Новосибирск), канд. ист. наук *Н.М.Екеева* (Горно-Алтайск), д-р техн. наук *Б.С.Еленов* (Новосибирск), канд. ист. наук *В.Д.Март-оол* (Кызыл), д-р филол. наук *Л.Г.Панин* (Новосибирск), академик РАН *Н.Н.Покровский* (Новосибирск), д-р филол. наук *В.А.Роббек* (Якутск), чл.-кор. РАН *Е.К.Ромодановская* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А.Томилев* (Омск), д-р ист. наук *В.Н.Тугужекова* (Абакан), д-р филос. наук *В.В.Целищев* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А.Ильиных*
Ответственный секретарь д-р ист. наук *Н.Н.Аблажей*

Д-р ист. наук *Н.А.Алексеев*, чл.-кор. РАН *А.Е.Аникин*, канд. филол. наук *Э.А.Бальбуров*, д-р ист. наук *А.В.Бауло* (зам. гл. редактора), канд. филол. наук *Б.В.Болдырев*, д-р ист. наук *Ф.Ф.Болонев*, д-р ист. наук *С.С.Букин*, д-р филос. наук *В.П.Горан* (зам. гл. редактора), д-р филос. наук *А.А.Гордиенко*, д-р ист. наук *Н.С.Гурьянова*, д-р филос. наук *В.Н.Карнович*, д-р ист. наук *С.А.Красильников*, д-р филол. наук *Е.Н.Кузьмина*, д-р ист. наук *В.Е.Ларичев*, канд. филол. наук *А.А.Мальцева*, д-р филос. наук *Ю.В.Попков*, д-р ист. наук *А.Л.Посадсков*, канд. филол. наук *Е.Н.Проскурина*, д-р ист. наук *Д.Я.Резун*, д-р филос. наук *А.Л.Симанов*, д-р юр. наук *А.В.Цихоцкий*, д-р ист. наук *М.В.Шиловский*, д-р филол. наук *Н.Н.Широбокова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.И.Шишкин* (зам. гл. редактора)

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН,
к. 301, тел. 333–24–37. <http://www-psb.ad-sbras.nsc.ru>
ablazhey@history.nsc.ru
З а в. р е д а к ц и е й *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93, №0110807

Редактор *В.И.Смирнова*
Компьютерная верстка и макет обложки *Г.Я.Симановой*

Подписано к печати 20.03.09. Формат 60 x 84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 15. Тираж 700 экз. Заказ № 93.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

В.В. ЦЕЛИЩЕВ

ИСТОРИЯ ТЕЗИСА ЧЕРЧА

Д-р филос. наук, директор
Института философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
director@philosophy.nsc.ru

Тезис Черча рассмотрен с исторической точки зрения. Показано, что первоначальная версия тезиса была реализована с помощью λ -исчисления, и только впоследствии он был обоснован с помощью машины Тьюринга.

Ключевые слова: *тезис Черча, машина Тьюринга, аксиоматический метод, проблема вычислимости, формальная система, рекурсивность.*

Аксиоматика, алгоритмы и механизм

Тезис Черча следует понимать в контексте развития логики и оснований математики. Это, в общем-то, тривиальное соображение, тем не менее необходимое, потому что оно подчеркивает двойственную природу тезиса. Его двойственность коренится в двойственности программ в философии математики. С одной стороны, это математические программы, а с другой – в них много чисто философских установок. Например, типичным вопросом, в котором пересекались математические и философские аспекты, было понимание природы иррациональных чисел. Поскольку эти числа представляли собой конструкции, апеллирующие к бесконечности по характеру своего конструирования, математики, с подозрительностью относившиеся к понятию бесконечности, должны были отвергнуть понятие иррационального числа. Действительно, Л. Кронекер полагал, что концепции должны быть разрешимы в конечном числе шагов. Помимо этого он, как и впоследствии интуиционисты, считал, что доказательства существования должны представлять в результате математические объекты. Ясно, что для Кронекера иррациональные числа не представлялись математическими объектами.

Подобная критика математической онтологии в значительной степени влияла и на тех, кто вполне допускал бесконечность в математике. Так, Р. Дедекин, видимо, по этой причине отказался от индивидуации математических объектов, склонившись к тому, что значимой в математике является структура, а не индивидуальный объект. Структурализм Дедекинда

как философская установка выразился в техническом плане в том, что он предпочитал чисто логические доказательства существования моделей аксиоматически характеризуемых понятий, а не индивидуальных математических объектов. Аксиоматический метод имел то преимущество, что важнейшим критерием существования соответствующих сущностей была непротиворечивость аксиоматической системы.

Понятие аксиоматической системы ведет непосредственно к понятию формальной системы, хотя исторически взаимоотношение этих двух направлений в математике имеет более сложный характер. Если мы ограничиваемся при характеристике математических объектов строго аксиомами и помимо этого делаем понятие доказательства, или вывода утверждений из аксиом, строгим в той степени, в какой это соответствует строгости характеристики объекта аксиомами, то имеем строгую систему получения математических заключений, которые неизбежны в той же степени, в какой неизбежны элементарные математические заключения.

Именно так понимал эту ситуацию Г. Фреге, считавший, что логическая система вывода подобна вычислению. При этом он подчеркивает, что в вычислении главную роль играет понятие алгоритма как некоего общего правила.

«Я не имею в виду (вычисления) в узком смысле, как если бы оно было предметом алгоритма типа обычного сложения и умножения, но только в том смысле, что вообще алгоритм, то есть, совокупность правил, которые управляют переходом

от одного предложения или двух предложений к новому таким путем, что ничего не случается кроме того, что удовлетворяет этим правилам» [1, р. 237].

При этом предполагается, что вычисление является эффективным в том смысле, что при выполнении алгоритма не возникает никаких двусмысленностей и неоднозначностей. Действительно, хотя во времена Фреге терминологии «эффективное вычисление» еще не было, тем не менее само это понятие возникло на стыке двух традиций в логике и математике, в которых рассматривались символическое представление проблем и их алгоритмическое разрешение.

Машины и алгоритмы

Понятие алгоритма, как известно, восходит к античным временам, в частности, его уже знали вавилоняне. Самым знаменитым «учебным» алгоритмом в истории математики является поиск наибольшего общего делителя, разработанный Евклидом. Понятие алгоритма подразумевает исполнение фиксированных команд, так что не нужно задумываться над их смыслом. Поэтому такие команды могут исполняться не только человеком, но и механическим устройством. Практически с самого начала развития математических алгоритмов «механическая» составляющая занимала умы математиков в весьма значительной степени. Первым «цифровым калькулятором» для операции сложения стала машина, изобретенная Блезом Паскалем в 1642 г. Г. Лейбниц изобрел машину, которая могла уже и умножать. Быть может, одним из важнейших следствий развития Лейбницем механических устройств явилась демонстрация преимущества двоичной системы счисления над десятичной. Хотя это преимущество было «машинным», оно со временем приобрело принципиальный характер. Наконец, в 1834 г. Бэббидж осуществил идею построения «аналитической машины», которая могла производить довольно сложные вычисления. В контексте общего европейского увлечения механическими устройствами в XVII–XVIII вв. построение вычислительных машин казалось незначительным достижением, но со временем стало ясно, что это одно из самых влиятельных достижений человеческой мысли.

Дело в том, что такие машины были не столько достижением инженерного искусства, сколько шагом по пути расширения знания о понятии вычислимости в математике. Теоретические исследования в этой области, как стало ясно позднее в связи с тезисом Черча – Тьюринга, в определенном смысле обосновываются апелляцией к «механике» или элементарным человеческим когнитивным способностям. Оба аспекта в определенном смысле слились при анализе того, что же представляет собой выполнение алгоритма, или

же вычисление. А. Тьюринг поставил вопрос о том, что такое «эффективно вычислимая функция?», и дал ответ на него через концепцию идеализированной математической вычислительной машины. В ней были математически точная формулировка проблемы и, кроме того, анализ того, что представляет собой вычисление с точки зрения выполнения человеком простейших вычислительных действий. Это обстоятельство было схвачено в замечании Витгенштейна по поводу машины Тьюринга (даже если Витгенштейн не совсем понимал суть этого математического понятия).

Машины Тьюринга – это просто люди, которые вычисляют [2]. Ясно, что анализ человеческих способностей относится к философии, в частности, к эпистемологии, в то время как сама машина Тьюринга представляет собой математическое понятие. К. Гедель полагал, что в случае машины Тьюринга мы имеем математическое определение эпистемологического понятия. Диалектика (если можно так выразиться) математического творчества проявила себя в случае понятия вычислимости в самой полной мере. Начиная с 1930-х гг. наибольший интерес приобрели не столько исследования концепции вычислимости, сколько концепции невычислимости. Другими словами, совершился переход от тезиса к антитезису, к полному возможному удовлетворению гегельянцев. Такой переход был напрямую связан с знаменитой финитистской программой Гильберта.

Рождение тезиса

Вычислимость функций в интуитивном смысле следовало уточнить (терминологически такое уточнение приобрело название уточнения эффективно вычислимой функции). Первое такое уточнение было связано с понятием λ -определимости. Черч начал развивать свое λ -исчисление в 1931 г., и в этом же году он знал о λ -определимости только функции последующего элемента. Но уже к 1934 г. он показал, что все обычные теоретико-числовые функции λ -определимы. Основываясь на такого рода свидетельствах, Черч предложил первую версию своего тезиса:

Функция эффективно вычислима, если и только если, она λ -определима.

С первого взгляда, понятие вычислимости, по Черчу, не связано с вычислительными машинами. Действительно, абстрактная природа λ -исчисления отпугивала поначалу многих исследователей. Даже Клини, принявший самое непосредственное участие в разработке теории, отдавал предпочтение другой теории вычислимости:

«Сам я, вероятно слишком чрезмерно, подпал под влияние холодного приема со стороны публики

к исследованиям λ -определимости в 1933–1935 гг., и выбрал для представления своих работ подход в терминах общей рекурсивности» [3, р. 52–67].

Под влиянием всех этих событий Черч переформулировал свой тезис, только вместо λ -определимых понятий он использовал понятие общерекурсивных функций Эрбрана – Геделя. Черч, хотя и был крайне заинтересован в реакции Геделя, тем не менее без всякой консультации с ним представил на конференции Американского математического общества в 1935 г. свой тезис, который и имеет с тех пор хождение в этом виде. Сам тезис был опубликован в 1936 г. В этой статье Черч представил тезис как определение понятия эффективного вычисления, приравняв его к понятию рекурсивной функции. Как будет показано далее, содержание тезиса уже не ограничено в нынешнем понимании статусом определения. Но и само название «тезис Черча» вошло в обиход, начиная с известной книги С.К. Клини «Введение в метаматематику», вышедшую в 1952 г. Таким образом, тезис Черча в новой редакции, закрепленной в статье 1936 г., имеет следующий вид:

Функции от положительных чисел эффективно вычислимы, если и только если, они рекурсивны.

Но замена λ -определимых функций на рекурсивные функции Эрбрана – Геделя не означала чего-то принципиального помимо психологического обстоятельства большей приемлемости по некоторым критериям понятия рекурсивной функции. Дело в том, что вскоре Черч и Клини доказали формальную эквивалентность рекурсивных функций Эрбрана – Геделя и λ -определимых функций.

Но даже «переход» тезиса Черча на рекурсивные функции Эрбрана – Геделя не повлиял на отрицательное, в общем, мнение Геделя. Конечно же, этот переход был сделан в определенной степени для того, чтобы получить одобрение Геделя – к тому времени наиболее значимого исследователя в области математической логики. И тем не менее, Гедель не был убежден, что эффективная вычислимость должна быть отождествлена с λ -определимостью. Известно, что в разговоре с Черчем он назвал предположение Черча (собственно, тезис Черча в его раннем виде) «совершенно неудовлетворительным». И как уже было упомянуто выше, Черч все равно обнародовал на конференции свое предположение о природе эффективной вычислимости. Вот как сам Черч описывает ситуацию

«Следуя предложению Эрбрана, модифицировав его в важном аспекте, Гедель (лекции в Принстоне 1934 г.) дал определение в терминах *рекурсивной* функции, в самом общем смысле. В предлагаемой здесь статье было принято определение рекурсивной функции от целых положительных чи-

сел, в существенной степени в геделевской формулировке. И в ней утверждалось, что понятие эффективно вычислимой функции должно быть отождествлено с понятием рекурсивной функции, так как другие правдоподобные определения эффективной вычислимости оказываются либо эквивалентными рекурсивности, либо слабее ее. Есть много проблем элементарной теории чисел, в которых требуется найти эффективно вычислимую функцию, удовлетворяющую определенным условиям, как и большое число проблем в других областях, сводимых к проблемам теории чисел» [4, р. 332–333].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы предложить определение эффективной вычислимости, которое вполне соответствует расплывчатому интуитивному понятию, в терминах которой проблемы этого класса установлены. Кроме того, показать посредством примера, что не каждая проблема этого класса разрешима.

Как был воспринят тезис Черча?

Почему Гедель не принял тезис Черча, несмотря на убедительные аргументы о формальной эквивалентности λ -определимости и рекурсивности? Ведь эти аргументы свидетельствовали об экстенциональном совпадении двух понятий. Дело в том, что подобные формальные аргументы не принимались человеком, который уделял важнейшее внимание философской стороне проблем. Гедель был заинтересован в интенциональном анализе конечной процедуры. Это поднимает важный вопрос об эквивалентности в более общем смысле. Ведь, как было показано позднее, машина Тьюринга была экстенционально эквивалентна общерекурсивным функциям, а если эти последние эквивалентны тому же λ -исчислению, то Гедель должен был бы признать все эти определения эффективной вычислимости равнозначными. Но этого он не сделал, отдав предпочтение анализу конечной процедуры Тьюринга.

Это предпочтение видно из нескольких свидетельств самого Геделя:

«Это на самом деле правильное определение механической вычислимости было установлено, без всяких сомнений, Тьюрингом. Я был полностью убежден только статьей Тьюринга» [5].

Именно Тьюринг первым преуспел в абсолютном определении интересного эпистемологического понятия [6, р. 84–88].

В отношении концепции вычислимости, хотя она и является просто специальным видом доказательства или разрешимости, ситуация отлична от последних.

Как по волшебству, нет необходимости различать порядки, и диагональная процедура не ведет за пределы определенного понятия [6].

«Величайшее продвижение стало возможным посредством точного определения концепции конечной процедуры... Это концепция эквивалентна концепции “вычислимой функции”. ... Наиболее удовлетворительный способ, с моей точки зрения, состоит в сведении концепции конечной процедуры к концепции машины, состоящей из конечного числа частей, как это было сделано британским математиком Тьюрингом» [7].

Благодаря работе Тьюринга сейчас может быть дано совершенно адекватное определение общей концепции формальной системы и могут быть строго доказаны существование неразрешимых арифметических утверждений и недоказуемость непротиворечивости системы в рамках самой системы для каждой непротиворечивой формальной системы, содержащей определенную часть конечной теории чисел [8].

Вычислимость по Тьюрингу внутренне убедительна, а λ -определимость не является внутренне убедительной [9, p. 49].

«Вычислимость машиной Тьюринга имеет то преимущество, что делает отождествление с эффективностью в обычном (не точно определенном) смысле ясным непосредственно, – то есть, без необходимости доказательства предварительных теорем» [10, p. 42–43].

Социология ярлыков

В научном сообществе присваивание имен законам и теоремам, и вообще приписывание имен к интересным результатам, зачастую происходит достаточно прихотливо. В этом отношении представляет интерес происхождение самого термина «тезис Черча». Дело в том, что поначалу, как известно, «тезис» понимался, да и сейчас многими понимается, как определение эффективной вычислимости. Но присваивание имени определению не очень распространено в научной практике. И действительно, более полутора десятка лет «тезис» не обзывался никак, пока в 1952 г. Клини в своей знаменитой книге «Введение в метаматерику» [11] не запустил в оборот термины «тезис Черча» и «Тезис Тьюринга». Интерес представляет то обстоятельство, что хотя Клини в той же книге употреблял термин «тезис Тьюринга», более общим термином все-таки для него был «тезис Черча». Но это означало, что для Клини не было особой разницы между интенциональными и экстенциональными аспектами экспликации понятия эффективной вычислимости, поскольку именно формальная эквивалентность различных эксплика-

ций не удовлетворяла, например, Геделя в качестве основания для экспликации. Позднее, в книге «Математическая логика» он употребляет уже термин «тезис Черча – Тьюринга». Однако соотношение между тезисом Тьюринга и тезисом Черча при этом не рассматривается как полностью взаимозаменяемые концепции: все-таки отдается некоторое предпочтение тезису Черча. Так, в стандартном учебнике Роджерса «Теория рекурсивных функций и эффективная вычислимость» эта взаимозаменяемость используется как средство для выяснения природы эффективной вычислимости. Так, доказательство тезиса Черча понималось как написание точного, но не формального алгоритма для интуитивно вычислимой функции. Это означало, что эффективная вычислимость есть наличие алгоритма, который легко перевести в формальный язык. Возможно, само наличие λ -исчисления как формальной системы, при всей ее искусственности, и позволяло сделать такой вывод. И вот далее искусственность эта преодолевается Роджерсом апелляцией к тезису Черча, которая позволяет говорить о существовании соответствующей машины Тьюринга, более интуитивно понятной концепции. Такая «королевская дорога» к концепции вычислимости через машину Тьюринга сделала книгу Роджерса более удобной, поскольку она принимает во внимание не только формальную эквивалентность, но и интенциональную составляющую: аппарат в книге Клини более сложен, чем понятие машины Тьюринга.

Но как бы то ни было, более правильно говорить о «тезисе Черча – Тьюринга», который имеет следующий вид:

Функция интуитивно вычислима, если и только если она вычислима машиной Тьюринга или, эквивалентно, рекурсивной функцией.

Еще один любопытный социологический фактор в принятии терминологии и понятийного аппарата вообще. От терминологии λ -определимости Черч и Клини перешли к новой «рекурсивной» терминологии и при этом еще не знали о работе Тьюринга. Более точная терминология «вычислимая функция» (а не рекурсивная функция) в 1935 г. вряд ли могла привлечь внимание математического сообщества, поскольку сама этимология слова «вычислимость» подразумевает «земные» вычисления, проводимые человеком. А это обстоятельство рассматривалось как нечто такое, что вряд ли может встать в один ряд с важными математическими концепциями. По иронии судьбы, именно концепция «человека вычисляющего» лежит в основе концепции Тьюринга. Термин «вычислимость» стал вполне уместным в чистой математике в значительной степени под влиянием современных компьютеров, а вычислимость стала технологической средой людей далеко за пределами собственно математического сообщества.

Но каким образом в эту совершенно оправданную терминологию «вычислимость» вмещалось понятие рекурсивности? Происходит достаточно парадоксальная вещь – при использовании некоторого формализма, скажем формализма машины Тьюринга, результаты исследования излагаются на языке рекурсивных функций. Это противоречит тому факту, что сам Тьюринг не употреблял практически термин «рекурсивные функции». Дело тут не в разнообразии терминологических установок. С интенциональной точки зрения рекурсивная теория не имеет дело с вычислениями, так как они производятся вычислителями или же компьютерами. Ведь у Тьюринга компьютеры (машина Тьюринга) делают то, что в принципе может делать идеальный вычислитель. А теория рекурсивных функций имеет дело с общерекурсивными функциями, концепцией индукции, рекурсией, вызовом функций (рефлексивным?) и неподвижными точками.

В качестве чисто исторического замечания следует отметить, что сам Гедель после введения им в оборот общерекурсивных функций практически не употреблял термина «рекурсивный» в смысле «вычислимый». Больше того, он даже возражал против такого отождествления. М. Дэвис свидетельствует:

«При обсуждении с Геделем в Институте высших исследований в Принстоне где-то в 1952–1954 гг. Мартин Дэвис употребил термин «рекурсивная теория функций», как это было принято в то время. По словам Дэвиса, Гедель, к его удивлению, довольно резко среагировал на это, сказав, что этот термин следует употреблять применительно к тем исследованиям, которые ведет Роза Петер» [12, р. 27].

И тем не менее, большая часть логиков предпочитала термин «рекурсивный» более уместному термину «вычислимый» в течение долгого времени. Между тем стало ясно, что терминологические различия отражают весьма важные оттенки в определении областей исследований.

Так называемая Рекурсивная конвенция подразумевает следующее:

Во-первых, терминология соответствующих формализмов (например, «рекурсивный», «рекурсивно перечислимый» и т.д.) описывает результаты, относящиеся именно к этому предмету, даже если доказательства основаны на концепциях и формализме вычислимости по Тьюрингу. Во-вторых, термин «тезис Черча» употребляется без всякого различия для целой серии утверждений, в том числе похожих на собственно тезис Черча, собственно тезис Тьюринга, собственно тезис Поста. Между тем исходная форма тезиса Черча относится к формализму λ -определимости и более приемлем в своем интенциональном прочтении скорее как тезис Тьюринга. Наконец, многие исследова-

ния, которые скорее связаны с концепцией вычислимости, все-таки носят не совсем релевантное название, например, область высших рекурсий.

Принятие этой конвенции в течение полувека привело к полному дидактическому разбросу в изложении материала. Это приводит к значительной путанице, потому что при употреблении, скажем, преподавателем термина «рекурсивный» может иметься в виду «определяемый по индукции», «относящийся к неподвижным точкам и рефлексивным вызовам программ» или же «вычислимый». Для тех, кто приходит в область исследований, такая неоднозначность в терминологии затрудняет освоение предмета.

Опять-таки следует подчеркнуть, что дело не только в терминологической путанице, хотя китайские мудрецы Лао Цзы и Конфуций полагали, что все несовершенство в мире происходит от неправильного именованья вещей. Дело в том, что в терминологии отражаются концептуальные основы предмета, и очищение терминологии ведет к переосмыслению концептуальных основ предмета. Такое переосмысление является необходимым для любого рационального исследования, тем более в самом из рациональных предприятий – математике. Вычислимость как отдельная дисциплина требует определенной «автономии», а между тем она является в настоящее время подлинным смешением концепций, целей, тем, будучи связана со многими другими областями математики и компьютерных исследований. Соар перечисляет такие темы и пересечения [12]:

Вычислимость; перечислимость; относительная вычислимость; информационное содержание; вычислительная сложность и вычисления с ограниченными пространственными и временными ресурсами; полиномиальная иерархия вопросов; определимость; инвариантность и автоморфизмы; элементарная теория; отношение вычислимости, перечислимости и информационного содержания к алгебраическим структурам; отношение вычислимости к теории моделей и теории множеств; теория доказательства (в том числе модели арифметики); доказуемо вычислимые функции, уровни арифметической иерархии; отношение вычислимости к топологии, алгебре и комбинаторике, к анализу (например, к дескриптивной теории множеств); отношение к теории чисел (например, 10-я проблема Гильберта); соотношение вычислимости и компьютерных исследований; арифметическая иерархия Клини и иерархия Майера – Стокмайера для полиномиальной редукции, со структурами сложности; соотношение вычислимости с другими областями науки (например, биологией, квантовой физикой, экономикой и т.д.).

Несмотря на этот впечатляющий перечень, все-таки можно выделить те области исследований, где те-

ория рекурсивных функций и теория вычислимости доминируют. Действительно, мы можем более или менее определенно говорить о том, что теория вычислимости связана с понятием собственно вычислимости, с понятием алгоритма и с функциями, определенными машиной Тьюринга, а также с понятием относительной вычислимости Тьюринга. А вот теория рекурсивных функций связана с определением по рекурсии, включая индукцию, общерекурсивными функциями в смысле Эрбрана – Геделя, неподвижными точками, как это имеет место в Теореме Рекурсии Клини или же в формализме μ -рекурсивных функций Клини.

Таким образом, Соар рекомендует развести употребление терминов «рекурсивность» и «вычислимость», объясняя их прежнюю взаимозаменяемость чисто историческими причинами, связанными с работами Черча и Клини, и отмечая в то же время, что работы Тьюринга и Геделя сторонились использования терминологии рекурсивности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Frege G. Basic Laws of Arithmetic. University of California Press, 1967.

2. Виттгенштейн Л. Заметки по философии математики. М.: Гнозис, 1996. Т. 1, раздел 1096.

3. Kleene S.C. Origins of Recursive Function Theory // Annals of the History of Computing. 1981. Vol. 3. P. 52–67.

4. Church A. An Unsolvable Problem of Elementary Number Theory // Bulletin of the American Mathematical Society. 1935. Vol. 41. P. 332–333.

5. Godel K. Letter to Kreisel, 1 May 1968 // Sieg W. Mechanical Procedures and Mathematical Experience // Mathematics and Mind / ed. George A. Oxford University Press, 1994.

6. Godel K. Remarks before the Princeton Bicentennial Conference of Problems in Mathematics // Undecidable / ed. M. Davis. Raven Press, Hewlett, N.Y., 1965. P. 84–88.

7. Godel K. Postscriptum. On Decidable Propositions of Formal Mathematical Systems // Undecidable / ed. M. Davis. Raven Press, Hewlett, N.Y., 1965. P. 84–88.

8. Godel K. Some Basic Theorems on the Foundations of Mathematics and Their Implications // Godel K. Collected Works, vol. III / ed. S. Feferman. Oxford University Press, 1995.

9. Kleene S.C. The Theory of Recursive Functions, Approaching Its Centennial // Bulletin of American Mathematical Society. 1981. Vol. 5. P. 49.

10. Church A. Review of Turing // Journal of Symbolic Logic. 1937. P. 42–43.

11. Клини С.К. Введение в метаматематику. М., 1957.

12. Soare R. Computability and Recursion // <http://people.cs.uchicago.edu/~soare/References/compute.pdf>

Н.В. ГОЛОВКО

Д. ДЭВИДСОН, ИНСТРУМЕНТАЛИЗМ И НЕОБХОДИМОСТЬ ТЕОРИИ УКАЗАНИЯ*

канд. филос. наук, старший научный сотрудник, доцент
Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: golovko@philosophy.nsc.ru

Позиция Д. Дэвидсона по вопросу об объясняющем характере истинности традиционно вызывает интерес, который продиктован в первую очередь вниманием к проблемам семантического реализма. Он стремится сохранить представление об истине как соответствии «по Тарскому», используя дефляционное представление об истине и отрицая необходимость теории указания. В статье показано, что по большей части аргументация Д. Дэвидсона не достигает своей цели, он – инструменталист. Рассуждения Д. Дэвидсона представляют особый интерес, но не для занимающихся разработкой семантического реализма.

Ключевые слова: принцип Доверия, принцип Рациональности, семантика без указания.

Один из наиболее фундаментальных результатов в области семантики, полученных во второй половине XX в., – несомненно, это анализ Х. Филдом представления об истинности как соответствии «по А. Тарско-

му» [1]. Х. Филд показал, как можно проинтерпретировать построения А. Тарского [2], чтобы истина объясняла реальность. Необходимо связать истинность и отношение указания, которое должно в несемантических терминах выразить суть отношения, связывающего слова языка и реальность. Только в этом случае истинность как соответствие будет играть решающую роль,

* Статья представляет собой сокращенную версию доклада, прочитанного в июне 2008 г. на семинаре Томской онтологической школы на кафедре истории философии и логики в Томском государственном университете. Я благодарен моим друзьям Евгению Борисову и Всеволоду Ладову за приглашение выступить на семинаре и за дискуссии, которую вызвал доклад. Данная статья является первой работой, посвященной анализу в широком смысле аргументации против семантического реализма, в дальнейшем мы также обратимся к анализу точек зрения М. Дамита, П. Грайса, Х. Патнэма и др.

Работа поддержана Программой грантов Президента РФ, проект МК-159.2008.6, «Теоретические и операциональные ограничения в эпистемологии науки: понятие намеренной интерпретации языка научной теории в натурализованной семантике» и Российским гуманитарным научным фондом, проект № 08-03-000397 «Формализация истины и реализм теоретического знания».

например в понимании научной теории. Не удивительно, что позиция Х. Филда вызвала настоящий шквал критики со стороны ортодоксально настроенных философов. Д. Дэвидсон является одним из наиболее последовательных критиков необходимости теории указания. Ниже мы покажем, что его позицию можно классифицировать как инструментализм в отношении указания. Соответственно этому получают подходящую интерпретацию принципы доверия и рациональности, которые, по сути, являются такими же методологическими основаниями инструменталистской позиции Д. Дэвидсона и играют ту же роль, как, например, представление об эмпирической адекватности – основание другой широко известной инструменталистской доктрины – теории конструктивного эмпиризма Б. ван Фраассена [3].

Д. Дэвидсон против теории указания

В своей, ставшей уже классической, работе «Истина и значение» Д. Дэвидсон указывает, что «значение предложения зависит от значений входящих в него слов» [4, с. 304]. Однако отсюда он делает вывод, что собственно интерпретации истинности «по А. Тарскому» достаточно для того, чтобы предложить хорошую теорию значения. Д. Дэвидсон пишет: «Достаточно сложно представить, что мы можем оказаться от теории указания, но мы должны это сделать» [5, с. 251]. Вопрос состоит в том, каким образом он предлагает сохранить теорию истинности без теории указания? На наш взгляд, ответ может заключаться в том, что позицию Д. Дэвидсона можно классифицировать как инструментализм в отношении указания.

Приведем пример, демонстрирующий то, что позицию Д. Дэвидсона действительно можно интерпретировать как инструментализм. Пусть S – предложение, которое высказывает субъект A . И пусть у нас имеется какая-то семантическая теория, которая предсказывает, что S истинно, если выполняется условие истинности, скажем P . Тогда нам остается лишь проверить истинность T -предложения:

(*) S истинно, если и только если P .

Для того чтобы проверить (*), необходимо привести ряд дополнительных соображений, например: имеет ли место P , насколько A принимает P , что является достоверными данными в пользу P , принимает ли A то, что S истинно и т.д. На наш взгляд, приведенные рассуждения справедливы для оценки любой семантической теории. Зафиксируем рассуждения, характерные именно для инструменталистской позиции в области семантики.

С точки зрения инструментализма, единственный доступный нам семантический факт относительно S выражает приведенное T -предложение. За T -предложе-

ниями нет «скрытой» или «настоящей» реальности, реальности отношений указания, существование которой утверждают семантические реалисты. Семантическая теория, однажды задав референты терминам некоторого конечного базисного словаря, представляет собой просто инструмент для производства T -предложений вида (*). Указание не является реальным семантическим отношением и не требует объяснения. Теория указания не требуется, поскольку мы можем и без нее, пользуясь интерпретацией истинности «по А. Тарскому», определиться со значением S .

В общем случае инструментализм опирается на то, что существует четкая граница между наблюдаемым и ненаблюдаемым. Роль теоретических объектов состоит в том, чтобы служить вспомогательными средствами для построения предложений относительно наблюдаемого, которые можно проверить и которые, соответственно, отражают наше знание о реальности. На наш взгляд, здесь могут быть показательны рассуждения Б. ван Фраассена по поводу преимуществ рассуждений относительно наблюдаемого. Принять научную теорию возможно только в том случае, если она является эмпирически адекватной, т.е. корректно описывает то, что является наблюдаемым [7, с. 4], и все потому, что «истинность утверждений относительно ненаблюдаемого нельзя увидеть в опыте» [3, с. 178]. Ранее мы уже обращались к анализу инструментализма Б. ван Фраассена [6]. И если с точки зрения реалиста его рассуждения можно охарактеризовать как селективный скептицизм в отношении ненаблюдаемого, продиктованный тем эпистемологическим значением, которое приписывается наблюдаемому, то, по-видимому, позицию Д. Дэвидсона можно охарактеризовать как скептицизм в отношении теории указания, вызванный неопределенностью (для него) понятия «нелингвистические термины». Он полагает, что мы в принципе не сможем дать указанию интерпретацию «в нелингвистических терминах», поскольку, если бы это было возможно, то наличие указания означало бы, что «существует непосредственное взаимодействие между лингвистической теорией и событиями, действиями или объектами, описанными в нелингвистических терминах. ... Невообразимо, чтобы кто-то мог объяснить отношение указания между словом и миром прежде, чем объяснит роль слов в предложении» [5, с. 252–253]. С точки зрения реалиста, позиция Д. Дэвидсона выглядит странно; предполагается, что просто глядя на мир можно обнаружить истинность (*). Инструментализм в области семантики, очевидно, выглядит даже менее привлекательно, чем в области философии науки.

Не помогает в данном случае и обращение Д. Дэвидсона к физике: «Мы объясняем макроскопические явления, постулируя ненаблюдаемые сущности. Но теория проверяется именно на макроскопическом уровне» [5, с. 254]. Аналогичным образом, мы объясняем истинностное значение предложения, постулированием указания, предполагая, что слова в предложении

являются указующими, но проверка теории указания проводится на уровне истинности предложений. С точки зрения реалиста, физика заинтересована в том, чтобы раскрыть природу макроскопического явления, выясняя природу теоретических сущностей. Аналогичным образом, семантика должна дать возможность раскрыть природу указания. Уровню «наблюдаемого» в области семантики принадлежат сами предложения, а не их истинностные значения. В то время, как указание само по себе связано именно с приписыванием истинностных значений.

Проблема заключается в том, что если мы видим, что предложение истинно, то нам необходимо объяснить, почему оно истинно. В силу чего данное предложение истинно? В силу того, что оно находится в определенном отношении с реальностью. Хорошая семантическая теория должна учитывать и интерпретацию истинности «по А. Тарскому», и представление о теории указания «в духе Х. Филда». Невозможно объяснить истинность, не прибегая к объяснению указания. Предложение не может быть истинным, если оно не составлено из слов, которые являются указующими; слово не может быть указующим, если оно не играет определенную семантическую роль в предложении, которое, предположительно, истинно. Уровень «наблюдаемого» в данном случае – это уровень предложения. Истина – это свойство предложения, а указание – это свойство слова. Инструментализм настаивает на том, что наблюдаемого достаточно для того, чтобы заключать о значении. Однако, более правильно было бы говорить о том, что роль наблюдаемого состоит в том, чтобы предоставлять эмпирические данные для проверки теории. Семантическая теория, включающая понятия «истинность» и «указание», должна проверяться эмпирически, посредством обращения к тому, что мы понимаем под наблюдаемым в области семантики. Истинностное значение предложения зависит от объективного отношения указания, которое, в конечном счете, отвечает объективной реальности.

На первый взгляд, теория Д. Дэвидсона ничем не лучше других инструменталистских концепций. В то же время определенный интерес для анализа представляют собой дополнительные, по сути, методологические соображения, которые были приведены для ее уточнения. В частности, неоднократно отмечается необходимость дескриптивной теории имен и верификационизма в духе М. Дамита [5, с. 252–254]. Однако, несомненно, наибольший интерес в данном случае вызывают выдвинутые Д. Дэвидсоном принципы Доверия (Charity) и Рациональности (Rationality).

Принципы Доверия и Рациональности

Д. Дэвидсон приводит несколько формулировок принципа Доверия. Отметим, что в отечественной литературе до сих пор отсутствует согласие в отношении

того, как следует переводить в данном случае «charity». На наш взгляд, поскольку речь идет о методологическом принципе, закрепляющем позицию Д. Дэвидсона, «charity» можно перевести как «доверие» или «доброжелательность», исходя из смысла методологического требования. Классическая версия принципа звучит так: «Лингвисту потребуется сконструировать то, что составляет истину-для-пришельца, а это, в свою очередь, потребует связать предложения, которые являются истинными (или ложными) с точки зрения пришельца, с предложениями, которые являются истинными (или ложными) с точки зрения лингвиста» [7, с. 313]. Для Д. Дэвидсона принцип Доверия представляет собой не только важное методологическое, прагматическое или эпистемологическое требование; он является необходимым дополнением к той версии теории значения, которую он разрабатывает. Мы не можем приписать инопланетянину даже наличие каких-либо убеждений, если не предположим, что он обладает такими истинными убеждениями, которые находятся в определенном соответствии с нашими. Интерпретируя язык говорящего, мы, во-первых, должны быть убеждены в том, что говорящий действительно полагает в качестве истинного то, о чем говорит, и, во-вторых, мы должны быть убеждены в том, что полагаемое им истинным на самом деле является таковым, т.е. мы должны быть убеждены в том, что он, так же как и мы, способен к адекватному познанию мира, что он видит мир таким, каков он есть.

Отказывая в необходимости теории указания, Д. Дэвидсону нужно как-то закрепить возможность говорить о значении, не используя понятие указания, и он воспользовался понятием интерпретации – мы ищем понимание, налагая интерпретацию. Для данной интерпретации предложения, которое произносит инопланетянин на своем языке, принцип Доверия закрепляет то, что инопланетянин, по крайней мере, находится в определенного рода согласии с нами. Согласно принципу Доверия, убеждения субъекта являются, по крайней мере, правдоподобными относительно чьей-то точки зрения; как следствие, предполагается, что мы сами по большей части правы относительно своих убеждений.

С точки зрения реалиста, эта часть аргументации Д. Дэвидсона также достаточно проблематична. Инопланетянин также может ошибаться относительно того или иного объекта, но тем не менее, считать объект существующим. В этом смысле показателен пример «верующего инопланетянина» М. Девитта [8, с. 116]. Будучи проинтерпретированы доброжелательно, убеждения инопланетянина не позволят нам раскрыть его религиозность, поскольку она является частью невербальной культуры. Приписывание убеждений имеет целью объяснить поведение субъекта (М. Девитт). Вопрос о том, являются ли убеждения субъекта истинными, – эмпирический. Д. Дэвидсон согласен с тем, что наши представления все же могут включать представ-

ления об ошибке интерпретируемого субъекта. Однако, почему мы должны вводить особое ограничение на интерпретацию – ограничение, связанное с принципом Доверия, остается непонятным. В любом случае, наше объяснение убеждений инопланетянина будет эмпирической процедурой.

В контексте приведенной трактовки принципа Доверия принцип Рациональности гласит, что мы не можем приписать инопланетянину убеждения, не допустив, что его рассуждения являются в той или иной степени рациональными. Применительно к субъекту это означает, что мы не только способны получать истинные убеждения, но и получать при этом их рационально, и даже получив ложное убеждение, мы все равно остаемся рациональными. Принцип Рациональности, допуская, что инопланетянин рационален, является еще одним свидетельством в пользу интерпретации, не принимающей во внимание теорию указания. Опустив разговоры о том, как следует понимать рациональность и что значит быть «в той или иной степени» рациональным, отметим, что в общем случае считается, что, например, поведение человека является рациональным именно в контексте приписанных ему убеждений. Объяснить поведение – это значит сделать поведение рациональным относительно приписанных убеждений. Однако это не всегда так, убеждения могут быть ложными, но с точки зрения субъекта вполне рациональными. Объяснить поведение – еще не означает сделать его рациональным. Более того, совершенно не обязательно, чтобы субъект имел возможность получить истинное убеждение, используя рациональный способ рассуждения или хорошее правило вывода, исходя из ранее полученных убеждений, или из того, что система убеждений субъекта, по определению, должна быть согласованной относительно какого-то заданного правила. Наоборот, система убеждений субъекта может контролироваться, например, внерациональными, неформализуемыми факторами (эмоциями и т.д.).

Выше мы уже отмечали, что роль принципов Доверия и Рациональности аналогична роли представления об эмпирической адекватности у Б. ван Фраассена – это методологические принципы, которые необходимы любой инструменталистской концепции как требования, закрепляющие селективный скептицизм.

У Б. ван Фраассена требование эмпирической адекватности теории закрепляет представление о том, что в достаточно степени обоснованным может быть знание только в отношении наблюдаемого. У Д. Дэвидсона принципы Доверия и Рациональности обосновывают отказ от использования теории указания. Однако, как и в случае с эмпирической адекватностью [6], в данном случае рассуждения Д. Дэвидсона следует признать неудачными, но не в силу сомнений в достоверности абдуктивного вывода, связывающего наблюдаемое и ненаблюдаемое, или сомнений в том, что «непосредственная взаимосвязь между лингвистической теорией и событиями, описываемыми в нелингвистических терминах», невозможна, а в силу слабости философской позиции, допускающей селективный скептицизм. Значение приписывается с той целью, чтобы объяснить мир (поведение, эмоциональное состояние и т.д.), а хорошее объяснение далеко не всегда обязательно подчиняться принципам Доверия или Рациональности. Хорошее объяснение должно претендовать на связь наших представлений с объективной реальностью, в то время как для Д. Дэвидсона достаточно того, чтобы «каждый говорящий преднамеренно делал себя интерпретируемым для другого (говорящий должен “действовать” более или менее так, как от него ожидает другой, или, по крайней мере, быть доступным для интерпретации)» [5, с. 260].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Field H.* Tarski's Theory of Truth // *J. of Philosophy*. 1972. Vol. 69. P. 347–375.
2. *Tarski A.* The Semantic Conception of Truth and the Foundations of Semantics // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1944. Vol. 4. P. 341–375.
3. *Fraassen van B.* The Scientific Image. Oxford: Clarendon Press, 1980.
4. *Davidson D.* Reality Without Reference // *Dialectica*. 1977. Vol. 31. P. 247–258.
5. *Davidson D.* The Second Person // *Midwest Studies in Philosophy*. 1992. Vol. 27. P. 255–267.
6. *Головки Н.В.* Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. III. Абдуктивный вывод // *Вестн. НГУ. Сер. Философия*. 2008. Т. 6, вып. 1. С. 9–15.
7. *Davidson D.* Truth and Meaning // *Synthese*. 1967. Vol. 17. P. 304–323.
8. *Devitt M.* Designation. N.-Y.: Columbia Univ. Press, 1981.

В.Н. КАРПОВИЧ

ПОНЯТИЕ ИСТИНЫ И ЛОГИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ

д-р филос. наук, профессор, зав. сектором,
Институт философии и права СО РАН.
Новосибирский государственный университет
e-mail: kvn@philosophy.nsc.ru

Философы различных направлений по-разному решали вопрос о логической онтологии, т.е. о том, какие сущности следует допустить для адекватного решения вопроса об истинности. Один класс сущностей рассматривается как носитель свойств истинности/ложности, другой – как определяющий истинность/ложность первых. В статье обоснована точка зрения, согласно которой истинность определяется пространственно-временными чертами ситуаций, включающих в себя как части вещи и отношения.

Ключевые слова. *Логика, истина, понятие, суждение, умозаключение, факт, ситуация.*

Одной из главных тем в философии является трактовка понятия истины. С одной стороны, эта тема возникает из-за различий в обыденном словоупотреблении, когда истину понимают и как соответствие знаний действительности («истинное утверждение»), и как характеристику подлинности предмета или отношения («истинная любовь»), и как обозначение выделенности некоторых утверждений из множества остальных («истина в последней инстанции»). С другой стороны, даже попытки ограничиться каким-то одним значением слова и постараться его как-то подробно описать тоже не приводят к однозначному результату. В логических, и шире, гносеологических исследованиях выделяют обычно понятие истины как характеристику знаний о мире – но и здесь можно назвать разные теории истины. Обычно упоминают истину как соответствие действительности (корреспондентная теория), истину как практический успех (прагматическая теория) или истину как согласованность знаний между собой (когерентная теория). Наиболее «простой» в этом плане является идея истины как соответствия, поскольку она опирается на самое очевидное из словоупотреблений. Однако опять все не так просто. Возникает масса вопросов, например: Что именно характеризуется как истинное или ложное (носитель истины)? Как установить само соответствие между носителями истины и действительностью (критерий истины)? Как охарактеризовать действительность в ее отношении к носителям истины (онтология истины)?

Многое зависит от того, какой теории мышления, т.е. логики в самом широком смысле этого слова, придерживается тот или иной философ. Так, на простой вопрос – что есть истина, Аристотель отвечает довольно вычурной фразой: «Истина заключается в том, чтобы полагать соединенное соединенным, а разделенное разделенным; ложь же состоит в том, что соединенное полагают разделенным, а разделенное – соединенным». Спрашивается, почему так сложно? А дело в том, что носителями истины он полагает суждения – как и многие философы после него. В свою очередь, простое суждение для него состоит из двух понятий, которые объединяются либо утверждением, либо отрицанием их связи. И вот такая мо-

дель мышления приводит к особому пониманию истины, зафиксированному в приведенном ответе. Аристотель мыслит логическую онтологию, т.е. онтологические предпосылки логики как мир понятий (форм, идей, сущностей), и реальные носители признаков, которые попадают под соответствующее понятие, его особенно не интересуют в логике. Даже суждение «Сократ смертен», вошедшее во все учебники традиционной логики, на самом деле логике, по Аристотелю, вовсе не принадлежит. Собственное имя «Сократ» не может быть высказано как признак ни о каком предмете, оно прямо обозначает предмет, независимо от признаков, а потому не представляет понятия. Логика же – учение о соотношении понятий в суждениях, суждений – в умозаключениях.

Другой пример. Как известно, А. Тарский создал теорию истины для формализованных языков, целью которой было исследовать возможность определить понятие истины при фиксированных логических средствах. Разрабатывая предварительно накладываемые на определение истины ограничения, он формулирует некоторое соглашение, пресловутую «конвенцию Т», которая бы задавала форму любого утверждения, конкретизирующего определение истины для предъявленного случая. И вот здесь носителями истины у него выступают уже не мысли, не суждения, а языковые выражения – предложения. Напомним, как звучит расхожий пример частного случая применения понятия истины: «Снег бел» истинно, если и только если снег бел. Несмотря на кажущуюся тривиальность, этот пример многое показывает – и то, что нам фактически нужны два языка – объектный язык и метаязык; и то, что метаязык содержит способы обозначения выражения объектного языка – здесь это кавычки; и то, что лишь метаязык содержит семантические термины – в примере это слово «истинно»; и то, что метаязык должен содержать перевод всех предложений языка – в примере объектное выражение «Снег бел» переведено в соответствующее предложение метаязыка уже без кавычек, что между прочим показывает, что метаязык не может быть беднее объектного языка; наконец, видно, что метаязык должен содержать логический аппарат – в примере это логическая эквивалентность, выраженная словами

«если и только если». Почти все трудности строгого определения истины выражены в приведенном простом примере. Специфическая позиция Тарского по вопросу о носителях истины определяется задачей – дать определение истины для формализованных языков. Здесь мы не можем обращаться к мыслительным конструкциям. Поэтому носителями истины оказываются языковые конструкции – предложения.

Итак, возможны споры по поводу носителей истины, того, что характеризуется как истинное или ложное. Споры нередко носят и чисто терминологический характер, приобретают вид споров о том, как называть носителей истины – пропозициями, высказываниями, суждениями, предложениями, мыслями и т.д. Иногда же это существенно, как показывает различие позиций Аристотеля и Тарского: один явным образом апеллирует к мыслям (суждениям, пропозициям), другой – к предложениям (высказываниям). Здесь различие уже в предмете исследования, в качестве которого выступает в одном случае мышление, в другом – формальные преобразования одних последовательностей знаков в другие.

Еще более запутанным является вопрос о том, что обуславливает истинность или ложность предложений или суждений. Здесь говорят уже о тех объектах (сущностях) и их свойствах (отношениях), которые позволяют утверждать истинность или ложность. В случае с когерентной теорией истины особых проблем не возникает, в ней оба класса объектов совпадают. Для прагматистского понимания истины здесь уже возникают сложности. Что же касается корреспондентной теории истины, то онтология практически в буквальном метафизическом смысле слова является неотделимой частью этого подхода. Формализованная теория истины Тарского здесь решения очевидным образом не дает. В ней сопоставляются два вида языковых выражений – объектного языка и метаязыка. Поэтому вопросы онтологического свойства отодвигаются «на потом», считаются как бы уже решенными вполне в научном, можно сказать, даже позитивистском ключе. Тарский отвечает на вопрос о том, как построить определение истины; что именно по сути происходит – это метафизика, темная философия, и, как бы отмахиваясь от нее, он предлагает самое простое: считать истину соответствием действительности. Это замечание вовсе не умаляет достижений автора теории истины для формализованных языков, просто описывает контекст его исследования. Да и результат интересен: даже если предположить разрешимость вопроса об истине атомарных предложений, то для теорий с достаточно сложным аппаратом определение истины построить эффективно невозможно. С философской точки зрения можно считать, что мы имеем пример, когда интуитивно очевидное понятие невозможно эксплицировать формально, а поэтому надеяться на абсолютную ясность не приходится – эта мечта неосуществима.

И все-таки – что делать с отношением знания (мысли, языка, как форм существования знания) и мира? Что именно, какие объекты нужно изучать, чтобы сказать, что

предложение или суждение истинно? Это и будет как раз вопросом об онтологическом содержании проблемы истины, ее онтологических предпосылках. Разные давались ответы на этот вопрос. Сразу вспоминается самое простое, пресловутые «вещи, свойства, отношения». Но тут же всплывает знаменитое высказывание в «Трактате» Витгенштейна: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей». Факт же – это не вещи, это их связь. Мир не склад, мир – взаимосвязанное целое. Более того, вещи в своих характеристиках определяются отношениями. Взятая в определенном отношении вещь может выполнять роль, которая ей не свойственна – гантелями вполне можно забивать гвозди, и тогда это будет молоток, а не спортивный снаряд.

Но и здесь есть трудности. Первая из них – как различить факт и суждение? При некоторых логических моделях языка это сделать очевидным образом затруднительно. Например, Рассел, создавая свою концепцию логического атомизма, вслед за Муром решительно отождествлял факт и суждения. Впоследствии эта философская установка получила громкое название «теории идентичности истины» (identity theory of truth). Начинается все с суждений, трактуемых как объекты убеждений, и других познавательных установок. Суждения – это то, в чем мы убеждены, в чем мы сомневаемся, что мы проверяем. Суждения составляют содержание этих самых познавательных установок. Они же, суждения, являются и носителями свойств истинности или ложности, поскольку именно они бывают истинными или ложными¹. Теперь, если суждение истинно, то оно тождественно факту, и поэтому наше убеждение в нем верно – так гласит «теория идентичности» Мура и Рассела. Как выразился вполне недвусмысленно Мур, нет разницы между истиной и реальностью, которой она должна соответствовать.

Странная теория. Уже Витгенштейн и другие теоретики логического анализа все-таки отличают факты и суждения. Суждения – носители свойств истинности, факты – то, что делает суждения истинными или ложными. Мы имеем как бы два параллельных мира, соотносящихся между собой, – мир истинных суждений и мир фактов. Об этом и говорит первое предложение «Трактата», цитированное выше. Кроме Витгенштейна, значительный вклад в этот подход внес и Рассел. Это его логический атомизм привел к «фактам» и «положениям дел» как онтологии, якобы необходимо связанной с теорией истины. Дело в том, что по сравнению с традиционной логикой в это время радикально изменились представления о соотношении языка и реальности. Исходя из первичности отношений (теории «внешних» отношений, которые определяют свойства предметов, в отличие от

¹ Следует заметить, что люди, не привыкшие к систематическому изложению логики, часто употребляют слова «истинный/ложный» применительно к понятиям и умозаключениям, что неверно. Определения понятий и умозаключения не могут быть истинными или ложными, они могут быть правильными или неправильными, соответствующими правилам или не соответствующими им.

теории «внутренних» отношений, которые вытекают, наоборот, из свойств), Рассел в своем логическом атомизме видит реальность состоящей из объектов и отношений между ними. При этом то, что считается объектом, строго должно соответствовать идее собственного имени в языке; наоборот, отношения и свойства должны соответствовать идее нарицательного имени. Такое соответствие в реальном языке не всегда соблюдается – собственными именами и указательными местоимениями называют то, что должно называться нарицательными, и наоборот. Вот парафраз примера Рассела: «мой стол». Но ведь на самом деле я его вижу при разном освещении, под разными углами зрения, в разном субъективном состоянии и т.п. Все эти впечатления собираются под одним наименованием – «мой стол», которое на самом деле не является наименованием одного объекта, а прилагается к разным восприятиям, объединяет их. Так Рассел создает особую онтологию через различие «знания по знакомству» (непосредственное) и «знания по описанию» (опосредованное), и эта онтология, вытекающая из теории языка и теории истины, оказывается онтологией чувственных данных. Необходимо отметить, что логический атомизм не обязательно ведет к такой онтологии. Карнап реализовал и «вещный» вариант логического атомизма, однако в основе подхода лежал все тот же принцип: есть собственные имена (внелогические константы) и нарицательные имена (предикатные знаки). Остальное конструируется из них, а с помощью фактов – «положений дел» (state of affairs), как он выражается, – проверяются исходные атомарные структуры вроде пресловутого «Сократ смертен».

Опять имеем онтологию фактов, а не вещей, и даже не отношений, что ведет к отождествлению суждений и фактов.

Более позднее развитие этих идей как раз и привело к возникновению другого варианта логической онтологии – теоретико-множественной онтологии. Исходим из фактов (положений дел) и трактовки истины, предложенной Тарским. В качестве метаязыка выбираем теорию множеств, выражения которой как раз и составляют факты. Получаем теорию моделей. Однако, на наш взгляд, как философская позиция такой подход не очень оправдан. Действительно, возьмем пример попроще. Можно заменить понятия истины и лжи на 1 и 0, как в булевой алгебре, а суждения – на переменные. Эта замена позволяет воспользоваться алгебраическим аппаратом в анализе логической проблематики. Да, видно, что при формальном следовании истинность должна сохраняться от посылок к заключению, и эффективным образом можно отличить законы логики от случайно истинных и тем более противоречивых сложных суждений. Но про само понятие истины и соответствующие ему онтологические предпосылки здесь ничего не узнаешь. То же самое верно и относительно теории моделей вообще. На самом деле это всего лишь сильно ограниченная модель соотношения языка (знания) и мира (реальности); это сопоставление двух формальных знаковых конструкций, одна из которых в принципе формальна (язык логики), другая –

в значительной степени формализована. Получаем разновидность критерия истины по Тарскому, что-то вроде следующего соглашения для случая свойства: Ра истинно, если и только если а € R. Ясно, что теория множеств достаточно разработана, чтобы позволить эвристически использовать ее аппарат для исследования логических структур. Однако почему то или иное предложение истинно или ложно, эта модель не объясняет, как и вообще теория истины Тарского, – они для этого и не предназначены.

Поэтому вопрос остается: все-таки, что делает наши знания (суждения, предложения) истинными или ложными? Каковы онтологические предпосылки учения об истине? Многие философы пытались как-то выяснить этот вопрос. Характерный ход – поговорить о «протокольных предложениях», с которых все начинается. С помощью протокольных предложений пытаются как-то «зацепить» истину за реальность, данную в опыте. Дальше уже можно применять логический аппарат, а его оправдание искать в максиме Гильберта: пользоваться можно всем, воздействие чего на исходный материал можно устранить. Логическая техника позволяет поставить вопрос таким образом, поскольку не вносит изменения в преобразуемые в процессе вывода посылки – так устроены логические правила со времен Аристотеля.

И вот здесь, при обсуждении «начал», появляются абсолютно метафизические подходы. В частности, начинает работать философская идея «тождества бытия и мышления». Чтобы познание было возможно, нужно, чтобы познающее и познаваемое в чем-то совпадали. С философской точки зрения, слово «тождество» вовсе не означает полного совпадения; философы хорошо знают, что даже Лейбницево «тождество неразличимых» на самом деле базируется на нумерическом различии: различить нельзя, но сказать, что предмета два, – можно. Таким образом, речь идет о существенном сходстве, которое позволяло бы одно отобразить в другом. В принципе, логический атомизм Рассела тоже представляет собой вариант отождествления бытия и мышления – мысль оперирует логическими собственными и логическими нарицательными именами, а мир состоит из объектов и отношений, причем между этими парами имен и сущностей имеется соответствие. Идеальный язык мысли соответствует структуре реальности. Содержание знания и структура мира подобны друг другу и в этом «тождественны». Однако возникает вопрос: в достаточной ли степени?

Существующие трудности с логикой и истинностью показывают, что вряд ли. Здесь вспоминается известный польский логик К. Твардовский – представитель Львовско-Варшавской школы. Рассматривая суждение «Идет дождь», он отмечает, что если его брать в том виде, как оно сформулировано в приведенном предложении, то получится, что для определенного места в одни моменты времени оно истинно, а в другие – ложно, в зависимости от погоды на улице. Значит, истинность суждений относительна к месту и времени высказывания этих суждений. Но в логике истинность рассматривается как аб-

солютное свойство элементарных суждений, достаточно посмотреть на так называемые «основные законы логики» – исключенного третьего, противоречия, тождества. Как же быть? Твардовский применил прием, известный еще со времен Аристотеля.

Как известно, Аристотель отвлекался от формулировки суждения, т.е. от предложений. Берутся два понятия, смотрят, как они соотносятся. Любая формулировка должна показать, все или некоторые предметы из объема субъекта являются или не являются всеми или некоторыми предметами из объема предиката. Если это ясно из контекста или грамматической структуры, то этого и достаточно, поскольку все и так ясно. Так и Твардовский: каждое суждение мыслится с характеристиками времени и места. Когда говорят «Идет дождь», то где и когда это происходит, уже подразумевается, и это должно быть ясно, иначе суждение неосмысленно, его как бы и нет, есть лишь предложение, синтаксически правильно организованный набор слов. Здесь различие суждения и предложения очень важно. С реальностью сопоставляются суждения, а не предложения, мыслительное содержание, а не форма. В лучшем случае, можно попытаться потребовать вносить в предложения обстоятельства места и времени. Однако удастся ли это настолько, насколько схоластам удалось записать в количественно-качественных формах интуиции Аристотеля – это не ясно, да и вряд ли это нужно делать. Лучше это подразумевать, и тогда получится не двухзвенная современная, а трехзвенная традиционная семантика – предложение, суждение, мир.

Исходя из этой семантики, с миром соотносятся суждения. А они, как показывает анализ Твардовского, всегда пространственно и во времени определены, относятся к вполне определенной ситуации. Из этого и будем исходить. Тогда логическая онтология состоит не из вещей, свойств и отношений; и не из фактов и положений дел. Она состоит из ситуаций, в которую включены вещи, свойства, отношения, текущее положение дел в определенном промежутке времени и в определенной области пространства. Здесь полезно обратиться к так называемым «регистрирующим понятиям». Есть такая разновидность понятий в традиционной логике. Отличается она от других тем, что в составе признаков, составляющих понятие, имеется прямая или косвенная ссылка на обстоятельства места и времени. Прямо, например, выделяется категория «вчерашних газет», или «новосибирских газет», или «вчерашних новосибирских газет». Есть примеры и поинтереснее – «точки на этой прямой». Количество элементов объема бесконечно в последнем случае, но это ничему не противоречит – понятие считается регистрирующим. Можно задать пространственно-временные ограничения косвенно, сославшись на предмет, су-

ществующий в определенном пространстве и времени. Примеры здесь многочисленны, и особенно наглядны юридические – «имущество такого-то (юридического или физического) лица». Как бы то ни было, мы привязываем понятия к миру, а еще точнее, – к ситуациям, причем изменяющимся, поскольку, например, и состав имущества, и его местонахождение могут измениться. Кстати, среди «первых сущностей» Аристотеля фигурировала «белизна этого лебедя», отличающаяся от белизны вообще тем, что была индивидуализирована (приписываться ничему не могла) и могла меняться (не универсалия).

Если привязывать суждения к ситуациям, то возникает некоторое несоответствие с привычным теоретико-множественным подходом и укоренившейся уже процедурой рекурсивного определения истины от простых суждений к сложным по построению. Связки сложных суждений в логике истинностно-функциональны и должны однозначно определять истинностное значение сложного суждения в зависимости от истинности простых составляющих. Это свойство связей переносится на отношение суждений и реальности, например, Расселом. Тогда получается, что простое суждение должно зависеть в своей истинности или ложности от одного фактора, в нашем случае, одной ситуации. Сложное же может зависеть от нескольких факторов (ситуаций). Суть анализа определенных дескрипций у Рассела в этом и состоит: «Человек, который является действующим Президентом России, по образованию юрист» – суждение сложное, а значит, многофакторное: сюда включается признак «Действующий Президент России» и признак «быть единственным». Если два человека обладают первым из указанных признаков, то предложение уже ложно. Логическая структура предложения как (логически, не грамматически) простого не отражает действительной сложной логической структуры мысли.

С нашей точки зрения, когда истинность и ложность соотносятся с ситуацией, мы имеем один фактор истинности или ложности для аналогичных суждений – ситуацию, длящуюся во времени и относящуюся к определенному месту. Но в этой ситуации выделяются разные составляющие. Поэтому и простые предложения могут зависеть в своей истинности или ложности от разных аспектов самой ситуации, что производит впечатление зависимости от разных фактов. Как уже указывалось, онтология фактов вообще-то философски сомнительна и ведет к таким парадоксам, как отождествление факта и суждения. Так что для логики лучше принять ситуативную онтологию. В конце концов, это больше отвечает философским идеям тождества бытия и мышления, конкретности истины и диалектическим взглядам на развитие.

А.Л. СИМАНОВ

**НАБЛЮДАЕМОСТЬ, ПРОСТОТА, ТОЛЕРАНТНОСТЬ
И ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ В ФИЗИКЕ**д-р филос. наук, профессор, зав. сектором,
Институт философии и права СО РАН
e-mail: simanov@philosophy.nsc.ru

В статье исследуется методологическая роль принципов наблюдаемости, простоты и толерантности в формировании понятийного аппарата физики. Показано, что эти принципы могут служить в качестве одних из оснований для отбора понятий в процессе формирования и развития физической теории.

Ключевые слова: *наблюдаемость, простота, толерантность, понятие, теория.*

Объяснение должно соответствовать опытным данным, и это требование выражено в принципе наблюдаемости. При математическом моделировании этот принцип сводится к требованию нахождения правильного «словаря» для перевода с языка математической схемы на язык физической интерпретации. В случае аксиоматического подхода как высшей формы математического объяснения принцип наблюдаемости требует существования соответствия между тем, что дает математический и логический формализм, и экспериментальными фактами.

В явной форме принцип наблюдаемости получил свое развитие в теории относительности и в квантовой теории, но его идея возникла еще в классической физике. Еще во времена Галилея физики руководствовались соображением, согласно которому имеет смысл то, что наблюдаемо, и необходимо избегать всего, что ненаблюдаемо. Галилей понимал, что проблема установления соответствия между теорией и экспериментом чрезвычайно сложна и что нельзя абсолютизировать критерий наблюдаемости, так как наши непосредственные восприятия могут и не получить подтверждения в ходе более глубокого анализа явления. Наблюдения могут быть основой теоретических представлений, но при этом они могут быть верными или неверными.

Пути разрешения данной проблемы Галилей видел в том, чтобы разграничить видимость и действительность, реальность. Видимость – это отдельные, не связанные между собой наблюдения, результат непосредственных ощущений. Реальность же есть нечто большее – то, что соответствует высшей степени отражения природы, возможной на уровне человеческого сознания. Реальность – это система осмысленных результатов наблюдения, истолкованных с определенных теоретических позиций. Галилей считал, что экспериментальный факт имеет концептуальную наполненность: наблюдение становится экспериментальным фактом, когда оно осмысливается на основе определенной концептуальной точки зрения. Наблюдения и теория не противостоят друг другу, они суть элементы целостной системы. Внутреннее согласование между элементами этой системы Галилей трактовал как наблюдательный критерий истинности теоретических построений и как теоретический критерий верности наблюдения.

И. Ньютон также понимал принцип наблюдаемости в широком смысле. Наблюдаемое, полагал он, – это не только то, что дается непосредственно в ощущениях, но и то, что зависит от теоретического истолкования. Ньютон принимал за истину абсолютное пространство и абсолютное время вопреки тому, что они непосредственно не наблюдаемы, а относительное пространство и относительное время, хотя они наблюдаемы, считал неистинными.

В дальнейшем в классической физике оформился широкий спектр возможных решений проблемы отношения между наблюдением и теорией: от категорического требования соответствия всех элементов теории восприятия до совсем умеренного требования проверяемости следствий теории. Особого внимания заслуживают две позиции – позиции энергетической школы и атомизма, которые окончательно сформировались к концу XIX в. В русле радикального энергетизма, развиваемого В. Оствальдом и др., отстаивалась идея, что критерием реальности какого-либо элемента является его измеримость. Энергетическая картина мира требовала только создания «концентрированных фактов» без каких-либо гипотез. Программа энергетизма отрицала и атомизм, так как само существование атомов было гипотетическим: они не могли быть непосредственно наблюдаемыми. Но эта программа оказалась несостоятельной. Даже такие видные представители энергетизма, как, например, П. Дюгем, вынуждены были согласиться с тем, что нет «голых» наблюдательных данных и некоторые гипотетические элементы всегда неизбежны.

Приверженцы атомизма, начиная с Л. Больцмана, отстаивали необходимость гипотезы и считали, что наблюдаемость надо сводить к проверяемости следствий теории. Г. Герц скептически относился к атомизму, но вместе с тем был противником феноменологизма, так как допускал, что видимость, данная в ощущениях, имеет другие, скрытые факторы, которые обуславливают движение материи. Больцман же решительно отстаивал атомистическую гипотезу. В одной из своих популярных лекций он говорил: «Что... чрезвычайно маленькие тельца существуют, и что их совокупное действие образует тела, воспринимаемые органами чувств, является, конечно, только гипотезой. Совершенно точно такой же гипотезой

представляется допущение, что то, что мы видим на небе, обуславливается столь громадными и столь далеко удаленными телами; то же в сущности можно сказать и про гипотезу, что, кроме меня, существуют другие люди, чувствующие радость и боль, что существуют также животные, растения и минералы. Быть может, гипотеза, что звезды являются только светящимися искрами, еще лучше будет объяснять небесные явления, чем наша современная астрономия. Может быть, но маловероятно. Может быть, атомистическая гипотеза будет вытеснена какой-либо другой гипотезой. Может быть, но маловероятно» [1, с. 8–9].

Сторонники энергетизма отрицали атомную гипотезу потому, что атомы не могут быть непосредственно наблюдаемы, а сама эта гипотеза слишком общая. Больцман же, проводя определенную аналогию между гипотезой о звездах и гипотезой об атомах, признавал за гипотезой ведущую роль в научном познании. Энгельс утверждал, что естествоиспытатели мыслят гипотезами, и одна из этих гипотез – атомная. Весь ход исторического развития физического познания до сего дня опровергает энергетизм и подтверждает атомизм: Р. Фейнман по этому поводу писал: «Если бы в результате какой-то мировой катастрофы все накопленные научные знания оказались бы уничтоженными, и к грядущим поколениям живых существ перешла бы только одна фраза, то какое утверждение, составленное из наименьшего количества слов, принесло бы наибольшую информацию? Я считаю, что это – атомная гипотеза (можете называть ее не гипотезой, а фактом, но это ничего не меняет): все тела состоят из атомов – маленьких телец, которые находятся в непрерывном движении... В одной этой фразе содержится невероятное количество информации о мире...» [2, с. 23–24].

В самом общем плане Больцман прав в том, что, действительно, все существующее вне сознания есть та же самая гипотеза, поскольку объективная материя предстает в сознании с помощью мышления, а не непосредственно. В этом смысле любое наблюдение не является непосредственным и неизбежно связано с гипотезой о том, что объективная материя существует вне сознания. Но рассматриваемая с материалистических позиций, вся человеческая практика подтверждает правильность этой фундаментальной гипотезы, которая воплощается в фундаментальной физической теории.

Дальнейшее развитие принципа наблюдаемости связано прежде всего со взглядами на него А. Эйнштейна, которые претерпели сложную эволюцию. Вначале Эйнштейн поддерживал требование измеримости физических величин, полагая, что понятия и суждения имеют смысл тогда, когда они могут быть однозначно сопоставлены с наблюдаемыми фактами. Но позднее он отказался от такого радикализма, и когда В. Гейзенберг пытался построить квантовую механику только с помощью принципиально наблюдаемых величин, Эйнштейн убеждал его: абсолютно неверна точка зрения, что теорию необходимо основывать на наблюдаемых величинах; в действительности все совсем наоборот, сама теория решает, что

именно может быть наблюдаемым, а утверждение, что вводятся наблюдаемые величины, на самом деле само есть предположение о некотором свойстве формулируемой теории (см. [3]). Позднее Гейзенберг стал придерживаться «умеренной» интерпретации принципа наблюдаемости – требования согласия между теорией и наблюдением.

В квантовой теории принцип наблюдаемости принял новую форму и превратился в принцип, в соответствии с которым реальность микрообъекта определяется по отношению к экспериментальному прибору. Именно так, через идею относительности наблюдения, В.А. Фок связывал принцип наблюдаемости с принципом дополнительности Н. Бора. В современной физической теории принцип наблюдаемости получает «умеренную» интерпретацию, которая предполагает нечто среднее между слабой формой этого принципа (требованием соответствия между теорией и экспериментом) и радикальной его формой (требованием измеримости всех теоретических элементов). Такая интерпретация, сочетающая дополнительным образом эти две формы, указывает на то, что наблюдаемость необходима, но наблюдаемость не всех теоретических конструктов, а только тех, которым можно придать онтологический смысл. Это требование известно как принцип косвенной наблюдаемости.

Теоретические конструкты вводятся как объяснительные гипотезы и могут быть математическими (формальными) и физическими (содержательными). Различие между математическими и физическими конструктами относительно. Некоторые конструкты, введенные вначале как математические, могут в дальнейшем удовлетворять принципу косвенной наблюдаемости и превращаться в физические конструкты с онтологическим смыслом. И чем большее количество фактов объясняет конструкт, тем больше оснований считать, что он имеет онтологический смысл. Чем более необходимым в теории конструкт становится, тем правомернее трактовать его как косвенно наблюдаемый образ реальности.

С таких позиций «атом» как теоретический конструкт есть наблюдаемый образ реальности. Некоторые авторы полагают, что волна де Бройля, введенная как математический конструкт, не получила онтологического смысла, поэтому неустойчивость волнового пакета не говорит об устойчивости или неустойчивости элементарных частиц. Гипотеза же Паули о существовании нейтрино, введенная как конструкт для содержательного объяснения бета-распада, приобрела онтологический смысл. А как обстоит дело с наблюдаемостью кварков? Имеют ли кварки онтологический смысл, подобно нейтрино, или это такой же математический конструкт, как волна де Бройля? То, что множество фактов успешно объясняется гипотезой о кварках, говорит о соответствии этой гипотезы принципу косвенной наблюдаемости, и нельзя не думать, что кварки имеют онтологический смысл: они суть наблюдаемый образ реальности. Кварковая гипотеза имеет длительную историю, включающую и период бурного развития физики элементарных частиц. Если бы идея квар-

ков не была правильным образом реальности, то она уже не смогла бы «работать». Но до сих пор она «работает» хорошо, и с ней связаны большие надежды. Кварк-лептонная симметрия есть конкретная форма принципа симметрии, а исторический опыт всего развития физики показывает, что идея симметрии, уже не раз подтвержденная, – одна из самых плодотворных в исследовании природы.

Возможность эволюции математических конструкций в физические в соответствии с принципом наблюдаемости подтверждается и примером так называемых виртуальных частиц. Эти частицы, осуществляющие взаимодействие между элементарными частицами, тоже «принципиально ненаблюдаемы», так как «скрыты» внутри соотношения неопределенностей. Однако на основании косвенных данных мы все более убеждаемся, что этот конструкт имеет онтологический смысл, т.е. является физическим конструктом.

Соответствие требованию наблюдаемости, т.е. требованию объяснения непротиворечивым образом опытных фактов, Эйнштейн рассматривал как один из основных критериев качества теории и называл его «внешним оправданием». Но чтобы считать теорию истинной, одного такого соответствия недостаточно. По мнению Эйнштейна, для признания истинности теории необходимо, чтобы она была простой. Он писал, что теория тем лучше, «чем проще ее предпосылки, чем разнообразнее предметы, которые она связывает, и чем шире область ее применения» [4, с. 276]. Вера в гармонию и простоту природы вдохновляет исследователя. Этот критерий – естественную и логическую простоту лежащих в фундаменте теоретической системы понятий и отношений между ними – Эйнштейн называл «внутренним совершенством».

Мысль, что правильное объяснение просто, не нова. Издавна считалось, что простое объяснение имеет больше шансов оказаться верным. Требование простоты средневековый философ У. Оккам сформулировал как правило, в соответствии с которым не следует без необходимости увеличивать число сущностей. Аристотель не выделял простоту как принцип, но использовал ее как аргумент против философии Платона. Он утверждал, что платоновский взгляд на идеи, существующие вне пространства и времени, лишь приводит к увеличению количества сущностей, ничего при этом не объясняя. С требованием простоты соотношались в своих исследованиях Коперник, Кеплер, Галилей, Ньютон, Лейбниц, Мопертюи, Лаплас, Френель, Пуанкаре и др. Переход от специальной теории относительности к общей Эйнштейн объяснял необходимостью отыскать наиболее простое обобщение из всех возможных. Специальная теория относительности имеет «внешнее оправдание», т.е. соответствует экспериментальным фактам, но все еще далека от «внутреннего совершенства» – простоты. В исследованиях Бора тоже ясно прослеживается тенденция к простым объяснениям, а Гейзенберг считал, что простота гипотезы является решающим условием ее корректности.

С развитием современной физики соображения простоты начинают играть все большую роль. Простота признается эвристическим принципом. Фейнман настаивал, что «истину можно узнать по простоте и изяществу» [5, с. 157]. «Ваша догадка, – писал он далее, – состоит в том, что нечто – очень простое. Если вы не видите сразу же, что это неверно, и если так оказывается проще, чем раньше, – значит, это верно... Истина всегда оказывается проще, чем можно было бы предположить» [5, с. 157]. Категорично и ясно мнение Л.А. Арцимовича: «Правильное просто». Едва ли можно дать более короткое определение принципа простоты.

Убеждение, что правильная теория проста, согласуется с идеей гармонии. А. Салам считал, что «наши теории есть ступени, которые ведут к внутренней гармонии... Вера во внутреннюю гармонию в прошлом принесла свои плоды. Так же будет и в будущем» (цит. по [6, с. 216]). А вот что пишет А.Б. Мигдал: «...Очень часто “некрасивое” выражение действительно оказывается с погрешностями. ...Признаем, что математические операции есть правильное сокращение сложных промежуточных выражений – это упрощает окончательный результат и придает ему красивый вид. Как сказал один физик: “Правильное выражение имеет тенденцию к сокращению”. Но значительно важнее не внешние, а глубокие признаки красоты результата. Красиво, если выражение устанавливает в простой форме связь между разнородными явлениями, если устанавливаются неожиданные связи. Одна из наиболее красивых формул в теоретической физике – это формула в теории гравитации Эйнштейна, которая связывает радиус кривизны пространства с плотностью материи. Или уравнения Максвелла, которые в компактной форме содержат информацию о всех электрических и магнитных явлениях... Требование красоты не абсолютно, но помогает находить и проверять результаты и открывать новые природные законы» [7, с. 100–101].

В историческом развитии принципа простоты можно выделить два этапа. Первый связан с метафизическим материализмом эпохи классической физики. Простота познания воспринималась как непосредственное отражение простоты самой природы, в чем естествоиспытатели были интуитивно убеждены. Так, Ньютон считал, что во Вселенной проявляется своеобразная экономия. Простотой природы Лаплас объяснял то, что малое число законов управляет множеством сложных явлений. И по мнению Френеля, «природа... имеет вид склонной к управлению многим с помощью малого. В процессе совершенствования физической науки этот принцип получает все большее подтверждение» [8].

На современном этапе методология отказывается от того онтологического понимания простоты, которое видится как наивно-реалистическое, и трактует принцип простоты как гносеологический принцип, как критерий выбора одной теории из нескольких конкурирующих. К сожалению, при такой интерпретации простоты сама природа отступает на задний план.

Трудно решить, какая из гипотез, претендующих на правильное объяснение, наиболее проста. Возможно, решению этого вопроса будет способствовать применение принципа верифицируемости (подтверждаемости). Истинно простая гипотеза наиболее верифицируема: она содержит минимальное число элементов, не поддающихся экспериментальной проверке. Принцип простоты может служить средством против необоснованного теоретизирования, формулирования теоретических положений, не проверяемых опытом. Но что значит «проверяемый опытом»? Научная практика показывает, что нет такой теории, все компоненты которой могут быть непосредственно отнесены к опытным данным. Кроме компонентов, отвечающих экспериментальным данным, в научной теории есть нечто большее, нечто «собственно теоретическое», которое не может быть непосредственно проверено опытом. С другой стороны, появление противоречивых экспериментальных фактов, «не вмещающихся» в рамки теоретической системы, не всегда означает необходимость полностью отказаться от такой теории. Приведение противоречивых фактов в согласие с теорией возможно путем ее частичного изменения. И чем сильнее факты противоречат теории, тем радикальнее может быть изменена теоретическая система.

К. Поппер связал проблему соотношения между теорией и экспериментом и проблему эвристичности принципа простоты с принципом фальсифицируемости (опровергаемости). По его мнению, единственное разумное основание выбора простейшей гипотезы заключается в том, что та может быть легко опровергнута. Поппер считал, что следует предпочитать смелую и наименее вероятную гипотезу, если она легко поддается опровержению. Так, Кеплер был прав, когда выдвинул гипотезу, в соответствии с которой планеты движутся по круговым орбитам: она легко опровергалась гипотезой о том, что движение происходит по эллипсам. Согласно Попперу, первый отрицательный результат Кеплера был фактически его первым успехом. Но такой метод элиминации можно применить только к гипотезе, которая легко опровергаема. Концепция Поппера об индуктивной простоте многократно критиковалась. Считается, что наиболее слабым ее местом является признание возможности опровержения одним-единственным опытным фактом. Поздняя версия фальсифицируемости – версия И. Лакаатоши – предполагала, что опровержение становится необходимым при многократном сравнении конкурирующих гипотез.

Концепцию динамической простоты сформулировал Ф. Шлезингер. Она близка к взглядам Ньютона, Френеля, Эйнштейна, которые понимали простоту как тенденцию развития теории и считали, что для объяснения явлений нужно минимальное количество независимых предпосылок, т.е. не допускали лишних причин. С точки зрения Шлезингера, необходимо учитывать, что в развитии науки, с одной стороны, появились и продолжают появляться противоречивые факты, а с другой – теоретическая система изменяется так, чтобы объяснить эти факты. Тогда простоту следует понимать не статично, не приме-

нительно к данной ситуации, а динамично, как критерий для сравнения на продолжительном отрезке развития знания. Так, например, специальная теория относительности значительно проще лоренцевской электродинамики, которая имела одиннадцать предпосылок. Многие из этих предпосылок были гипотезами *ad hoc*, и анализируя их, нельзя не прийти в смущение. Теория была бы убедительнее, если бы в ней не использовалось так много основных допущений. Это понял Эйнштейн, когда постулировал постоянство скорости света во всех инерциальных системах и обобщал принцип относительности. Спор между электродинамикой Лоренца и теорией относительности Эйнштейна не может быть решен экспериментально: обе теории согласуются с опытом. Но теория Эйнштейна имеет преимущество в методологическом отношении – она проще.

Концепцию динамической простоты можно критиковать. Дело в том, что в развитии теоретического знания наступают моменты, когда возможности теории исчерпаны и становится неизбежным введение новых допущений. Тогда принцип простоты требует не вводить новых сущностей, прежде чем укрепится убеждение в том, что возможности существующей теории окончательно исчерпаны. Реконструируя процесс создания общей теории относительности, Х. Рейхенбах предположил, что Эйнштейн интуитивно руководствовался принципом простоты: он стремился строить эту теорию так, чтобы не требовалось введения каких-либо универсальных сил. Такой подход Эйнштейна Рейхенбах противопоставлял подходу Пуанкаре.

Известно, что при создании общей теории относительности нужно было решить вопрос о соотношении между геометрией и физикой. Здесь существуют две возможности: или отказаться от евклидовой геометрии, или допустить необходимость такого изменения законов оптики, чтобы можно было принять, что световой луч не движется по прямой линии. Из соображений простоты Пуанкаре стремился сохранить евклидову геометрию, а Эйнштейн, наоборот, – отказаться от нее. Эйнштейн предпочел изменить геометрию, но сохранить известные законы оптики и механики. Рейхенбах показал, что путь, избранный Пуанкаре, эквивалентен введению «универсальных сил». Примером такой универсальной силы может служить гравитация в ньютоновской теории. Эйнштейн исключил понятие гравитации, когда объяснил ее через искривление пространственно-временного континуума. Такая же ситуация складывалась и при создании специальной теории относительности. Лоренцево сокращение тел в направлении движения и замедление процессов рассматривались как результат действия «универсальной силы», не доступной экспериментальному наблюдению. Фактически такой подход Пуанкаре отражает его стремление к сохранению классических понятий пространства и времени путем изменения физических законов.

Аналогична ситуация с интерпретацией квантовой механики.

Известны попытки Д. Бома, П. Вижье и др. преодолеть «неполноту» квантовой теории с помощью неких «скрытых параметров». Но оказалось, что данная теория нуждается во введении представления о некотором сложном силовом поле, а именно это противоречит требованию простоты, запрещающему без необходимости увеличивать количество сущностей. Теория «скрытых параметров» возможна, но это будет путь Пуанкаре, путь, от которого отказалась теория относительности. Если мы встанем на такой путь и вернемся к теории Лоренца, то гипотеза «скрытых параметров» не получит хорошего методологического обоснования. Однако проблема причины статистического характера явлений в микромире не имеет решения, и ответственность за такие явления возлагается на «скрытые параметры». Тогда в чем польза от введения представления об этих параметрах? Ситуация лишь осложняется, а проблема остается. Проще признать полной вероятностную интерпретацию квантовой механики и отказаться от мысли найти некие классические параметры, как во времена Эйнштейна отказались от классических представлений о пространстве и времени.

Следует кратко остановиться и на вопросе о соотношении между простотой и инвариантностью. В общем случае инвариантность означает, что нечто остается неизменным, сохраняется при некоторых определенных изменениях. Как известно, инвариантность тесно связана с симметрией. Анализ исторического пути развития физических теорий показывает, что, как правило, в основании теории, которая заменяет старую теоретическую систему, лежит широкая группа преобразований.

Классическим примером рассматриваемого соотношения является переход от электродинамики Лоренца к релятивистской электродинамике. В лоренцевской электродинамике уравнения Максвелла неинвариантны по отношению к преобразованиям Галилея. В теории относительности утверждается, что все инерциальные системы эквивалентны. Этим расширяется группа преобразований, делающих законы электромагнетизма инвариантными. Теория гравитации Эйнштейна также проще и инвариантнее по сравнению с классической теорией гравитации. Равенство инертной и гравитационной масс влечет за собой принцип относительности систем, которые движутся неравномерно относительно друг другу. Законы гравитации становятся инвариантными по отношению к более широкой группе преобразований.

В общем случае можно сказать, что более простая теория имеет более высокую степень инвариантности, т.е. более высокую симметрию. Как утверждал Эйнштейн, теория тем совершеннее, «чем проще положенная в ее основу “структура” поля и чем шире та группа, относительно которой уравнения поля инвариантны» [4, с. 287].

Если принцип наблюдаемости регулирует отношения между объяснением и фактом, то отношения между различными объяснениями определенного круга фактов регулируются принципом толерантности. Последний обусловлен действием принципа относительности познания: объяснение не должно претендовать на то, чтобы считать-

ся абсолютной истиной, любое объяснение является истиной относительной, а значит, следует допускать возможность того, что правильны и другие варианты объяснения, иными словами, следует быть толерантным.

Нетерпимость, проявляющаяся у некоторых ученых, не имеет ничего общего с наукой. Еще Пифагор говорил, что невозможно, даже защищая истину, быть нетерпимым. А Монтень высказывался так: «Если кто-то шагает не с той ноги, мы считаем его грешником. Какая животная глупость!» Нетолерантность опасна не потому, что она бесплодна, а потому, что уничтожает любого, кто выступает против нее. Но нетерпимость и самомнение рано или поздно получают заслуженное осуждение и осмеиваются. Эйнштейн часто повторял афоризм: «Всякий, кто претендует на непререкаемый авторитет в науке, терпит поражение под громкий смех людей!»

Что значит толерантность? Вольтер считал, что это человеческое свойство. «Всякий имеет грешки и слабости, – писал философ. – Надо прощать друг друга. Это основной закон человеческой природы» [9, с. 369]. Эйнштейн утверждал, что «толерантность – это способность человека принимать и доброжелательно оценивать качества, взгляды и действия других людей, которые имеют совсем иные навыки, мнения и вкусы. Быть толерантным совсем не означает быть безразличным к действиям и чувствам других. Необходимо проявлять понимание и сопричастность» (цит. по [10, с. 68]).

Несмотря на глубокие идейные разногласия и долгие споры, отношения между Эйнштейном и Бором оставались доброжелательными, и каждый из этих ученых высоко оценивал вклад другого в развитие физики. Бор твердо придерживался принципа, что в споре можно быть неправым, но нельзя быть невежливым. Он сам был образцом толерантности, всегда с пониманием относился к сотрудникам и искренне радовался их успехам. Толерантность Бора сделала его институт «столицей атомной физики» [11, с. 262]. Бор объединял людей с различными взглядами и подходами и давал им возможность чувствовать себя свободно, членами одной большой семьи. В институте царил дух дискусионности, где каждый мог высказать свою точку зрения.

Вряд ли в истории естествознания найдется много примеров такой толерантности, какой характеризовалась школа Бора. Вся история физики – это борьба между различными идеями. Когда борьба идей ведется на научной почве, она имеет форму критики. Но, к сожалению, такая борьба часто выходит за научные рамки и принимает формы, близкие к формам отношений между первобытными людьми: над идеей совершается насилие, ее запрещают, ведется преследование и физическое уничтожение ее приверженцев. Но, как говорил Ж.-Ж. Руссо, сожжение не есть возражение. Б. Спиноза писал, что нечто не перестает быть истиной лишь потому, что не получает признания. Утверждение, что нечто – «не такое», потому что с ним никто не согласен, не есть научный аргумент, а есть демонстрация собственного научного бессилия. Большие идеи не могут быть уничтожены, они всякий раз возро-

даются и становятся еще более жизнеспособными. Сама идея симметрии предполагает возрождение истины.

Но какова же цель подлинно научной критики? Цель ее – не уничтожение противоположной идеи. Цель ее, как утверждал еще И. Кант, состоит в том, чтобы внести ясность в проблему. Критика, которая не вносит такой ясности, преследует другие, ненаучные цели и поэтому не может быть названа научной критикой. А как можно прояснить проблему? Гегель считал, что для этого необходимо прежде всего вникнуть в сильные стороны критикуемой позиции, что предполагает честное, научное и толерантное отношение к ней. Известно, что Бор всегда занимал в споре позицию обороны – не атаковал и не пытался уничтожить взгляды, противоречившие его собственной точке зрения. Толерантный в споре, Бор показал, что наилучшая критика противника – это развитие своих собственных взглядов. В науке победа какой-либо точки зрения не требует искоренения противоположной – наоборот, существование противоположной точки зрения необходимо для развития и укрепления собственной позиции.

Из истории научного познания можно видеть, что нетолерантность свойственна реакционерам от науки, которые постоянно тормозят научный прогресс. Они отрицают любое мнение, которое не совпадает с их собственными взглядами. Но отрицать решительно все – означает не отрицать ничего. Как правило, приверженцы новых взглядов всегда были толерантны к старым представлениям. И это легко объяснить: новое само нуждается в условиях свободного развития, а тот, кто ищет свободы, не может искать ее только для себя. По отношению к науке «значение климата терпимости, – писал В.Л. Гинзбург, – как обязательного условия прогресса в области развития методологии естествознания трудно переоценить. Всякие попытки возвращения к наклеиванию ярлыков, не говоря уже об оскорблениях, должны быть пресечены. Естественные науки и философия не могут развиваться без “права на ошибку”» [12, с. 27].

Попытки установить научный деспотизм характерны для тех, кто мыслит консервативно. И как война есть политика, продолжаемая другими средствами, так и в науке приверженцы старых взглядов, которые не могут удержать свои позиции, чтобы сохранить их, прибегают к ненаучным методам. Но этим они сами себе выносят приговор, потому что ставят себя вне норм, обеспечивающих нормальный ход развития научного познания.

Как известно, существует возможность представлять теоретическое знание в виде аксиоматической или гипотетико-дедуктивной систем, которые строятся на основе предпосылок, называемых либо аксиомами, либо гипотезами. И в том и в другом случае можно формулировать системы, относящиеся к одной и той же области объективной реальности, имеющие одни и те же конечные результаты (эмпирические и теоретические следствия), но эти системы строятся на различных, порой противоположных, предположениях, лежащих в основе систем аксиом или гипотез. Однако с углублением познания,

с выявлением новых эмпирических или теоретических фактов аксиоматическая система должна их перерабатывать, включать в себя, т.е. усложняться – на первом этапе своего развития, до пересмотра этой системы, ее совершенствования либо полной замены.

В понятиях, как и в теории, воспроизводится сущность исследуемого объекта, но фундаментальное отличие понятия от теории заключается в том, что у первого отсутствует доказательная сила. Для теории мало определить сущность своего предмета. Она еще должна развить представления о нем и доказать, что различные явления суть проявления одной и той же тенденции, одной и той же закономерности. Поэтому понятия теории выступают связующим звеном между изучаемым явлением и теоретической конструкцией, включающей в себя анализ и интерпретацию явления. Они связывают также группу исследуемых явлений того или иного класса. В процессе установления этих связей происходит эволюция содержательной стороны понятия. Порождаются и новые понятия, характеризующие сами связи. Понятия, определяющие те или иные явления и связи, выступают моментами конкретизации, ступенями познания явлений и связей.

Необходимо отметить и тот факт, что в процессе развития понятия происходит уточнение и даже изменение его содержания. Кроме того, в ходе анализа одного и того же явления, обозначаемого ранее одним понятием, формулируются новые понятия, составляя класс понятий, описывающих явление с различных сторон. Эта пролиферация понятий связана прежде всего с самим процессом познания, начинающимся с констатации состояния, идущим от конкретного, от сущностей первого порядка к установлению сущностей более высоких порядков, к абстрактному представлению явлений. Таким образом, понятия можно подразделить на два класса: эмпирические и теоретические. Кроме этих достаточно общих классов понятий целесообразно выделить еще один класс, пересекающийся с названными. Это класс понятий, характеризующих связи между явлениями, понятиями, теориями и т.д. В этом классе особое место занимает подкласс понятий, отражающих дефиниционную связь, т.е. такое отношение между понятиями и теориями, когда одно из них определяется через другое.

Если первые два класса условно можно назвать онтологическими, связанными непосредственно с объектом теории, то третий класс, также условно, будем называть эпистемологическим, формирующимся на уровне более абстрактном, на уровне структуры теорий.

В отношении понятий первого класса – эмпирических – следует отметить, что они появляются на той стадии исследования, когда происходят анализ и синтез опытных данных, их систематизация и классификация. Эти понятия отражают те свойства явлений объективной действительности, которые непосредственно наблюдаются в опыте и выражают общие и существенные отношения для явлений данной группы. Говоря об эмпирических понятиях, следует иметь в виду, что они выражают, во-пер-

вых, величины, непосредственно наблюдаемые в опыте, наблюдаемые явления, и, во-вторых, связи между явлениями и величинами, также наблюдаемыми в опыте. В развитых науках эмпирические понятия, связанные с величинами, становятся не только наблюдаемыми, но и измеряемыми. Однако встречаются и неизмеримые понятия, хотя и связанные с наблюдаемыми величинами.

Эмпирические понятия являются исходным моментом классификации и систематизации явлений и характеризующих их величин. До введения эмпирических понятий результаты наблюдения обычно представляют собой хаотическое множество данных, в которых трудно разобраться. Но после того как в наблюдаемых явлениях отмечены характерные признаки и введены эмпирические понятия, устанавливается порядок: результаты наблюдений группируются, а затем систематизируются и классифицируются.

Теоретические понятия возникают на основе опыта как обобщение наших восприятий и представлений. Соответственно они имеют более общее содержание, чем понятия эмпирические. Главное различие указанных классов понятий состоит в том, что эмпирические понятия описывают явления, а теоретические – сущности этих явлений. Если эмпирические понятия уходят своими корнями в чувственную достоверность, характерную для чувственного восприятия на уровне обыденного познания, то теоретические понятия базируются на общих положениях, отличающих теоретическое познание.

Такая специфика классов понятий определяет и специфику дефиниций понятия. Когда физическая теория находится на описательном уровне, естественно, в первую очередь встает вопрос об установлении достаточно надежных критериев для отождествления и различения изучаемых объектов по некоторым существенным их свойствам. Как правило, проблема выделения понятий и их определения сводилась фактически к их интерпретации в описательной форме. Выделялись моменты, характерные только для данного конкретного явления, «названного» определенным понятием. Перечисление этих моментов и представляло собой определение понятия.

Появление «измеряемых» понятий усложнило картину их определения. Возникла необходимость такой формулировки определений, которая содержала бы способ их введения и выделения на основе экспериментально-измерительных процедур, а также способ их удаления на основе применения теории в практике. Определения «измеряемых» понятий должны быть средством связи предложений, сформулированных на языке математики, с изучаемой реальностью, дающей комплекс тех явлений и процессов, которые наблюдаются и измеряются в эмпирической ситуации (от других сторон изучаемого, включенных в эксперимент, исследователь отвлекается). Поэтому определения в физической теории в конечном счете формулируются с таким расчетом, чтобы обеспечить эффективность решения стоящих перед исследователем задач.

На этом уровне теории вступают в действие взаимодействия эмпирических и теоретических понятий. Происходит «абстрагизация» эмпирических понятий, которые насыщаются теоретическим содержанием, и в то же время теоретические понятия выражаются через эмпирические. Очевидно, данный уровень можно назвать интерпретационным. Здесь критерием введения понятия в теорию является эксперимент. Последний, в свою очередь, описывается и теоретическими понятиями, которые выражают математическую связь между величинами и характеризуют изучаемое явление. Важную роль играет также критерий согласуемости понятий, описывающих новые стороны явлений, с понятиями, уже известными, но эти стороны не отражающими.

Все сказанное выше относится к совокупности эмпирических и теоретических понятий. В понятийном аппарате физической теории наряду с этими понятиями, имеющими референты одинаково объективные по содержанию, особое место занимают так называемые чисто теоретические понятия, или пустые термины. В отличие от эмпирических и теоретических понятий чисто теоретические понятия не имеют определенных референтов в объективной реальности. В физике чисто теоретические термины представляют собой понятия, изначально не имеющие физического смысла, но имеющие символический смысл. Причем ряд чисто теоретических терминов в процессе развития физической теории могут приобрести в конце концов физическое содержание либо быть элиминированы из нее.

Введение чисто теоретических терминов в физическую теорию происходит в процессе развития математического аппарата физики. Характерным примером является введение в физику такого первоначально абсолютно чисто теоретического термина, как функция. Интересен тот факт, что методологическим требованием, вытекающим из теории относительности, созданной раньше квантовой механики, было требование признания объективного содержания понятий физической теории. Это подразумевало необходимость элиминирования пустых терминов. И действительно, в теории относительности подобных терминов нет.

В период своего генезиса теория относительности обобщила классическую механику. В процессе обобщения классической механики в рамках теории относительности были элиминированы такие оказавшиеся «пустыми» понятия, как «абсолютное пространство» и «абсолютное время», не имеющие физического смысла. Абсолютное пространство и абсолютное время принципиально неизмеримы и были введены в теорию на основе философских допущений.

На первых этапах развития теории относительности принцип наглядности был соблюден, и сама теория не имела чисто теоретических терминов. Впоследствии некоторые исследователи выдвинули принцип измеримости и принцип наглядности в качестве основных методологических принципов, но именно в классическом смысле. С развитием квантовой механики и с созданием ре-

лятивистской квантовой физики положение принципиально изменилось. Для квантовой механики потеряли физический смысл динамические свойства микрообъектов. И если теория относительности элиминировала пустые термины, то квантовая механика их создала. И волновая функция – один из таких терминов, физический смысл которого пока не выяснен в полной мере. С чем это связано?

Принцип наглядности, выдвинутый теорией относительности как фундаментальный методологический принцип, требовал однозначного определения динамических параметров. В случае с микрообъектом этот принцип не был реализован в полном объеме. Реальное движение микрообъекта, переход его из одного состояния в другое, да и сами эти состояния однозначно не определяются, измерение в классическом смысле, т.е. дающее непротиворечивое описание, невозможно. В таком случае для описания объекта надо либо строить некоторую модель, либо вводить чисто теоретические термины. Вводить модели было довольно сложно, так как любые модели приводили к системе дополнительных описаний, несводимых в единую картину. Более удовлетворительным оказался второй путь – введение теоретического термина математическим образом. Таким термином послужила волновая функция из уравнения Шредингера. Но для физики характерно стремление к выявлению физического смысла понятий, тем более – понятий фундаментальных, а описание состояний, их характеристики должны иметь объективное содержание. Поиски физического смысла понятия «волновая функция» оказались трудными и длительными и не закончены по сей день. Поэтому понятие «волновая функция» пока еще остается относительно чисто теоретическим понятием. Эта относительность возникла при попытке приписать волновой функции действительное через потенциальное. Пример с волновой функцией показывает, что грань между чисто теоретическим термином и относительно чисто теоретическим термином в физике довольно зыбкая, неустойчивая, а история создания теории относительности и релятивистской квантовой механики подтверждает мысль о том, что имеется тенденция к элиминированию из физической теории пустых терминов. Однако последние существуют, и это существование обусловлено объективными процессами формирования и развития научных теорий, их понятийного аппарата.

Стремление к простоте представления знания вызывает необходимость положить в основание теории более строгую систему аксиом или гипотез, объясняющую более сложную структуру явлений, объектов изучения. Это один из факторов «абстрагизации» научного познания, вызванной еще и тем, что новые положения менее наглядны, менее представимы в конкретных образах. При этом возрастает роль логики в построении научной теории и роль математики в описании явлений, процессов и т.д. Процесс выработки терминов, адекватных, изоморфных

реальности, существенно усложняется, так как требование наглядности теряет свое всеобъемлющее значение. Усложнение процесса описания явления в наглядных терминах приводит с необходимостью к описанию системой терминов, конструируемых на основе математического либо логического представления изучаемого процесса. Так, на мой взгляд, появляются чисто теоретические термины. Но это только один момент в формировании чисто теоретических терминов, объясняющий их относительность, т.е. потенциальное наличие в содержании термина элементов онтологического содержания. Последнее выявляется в дальнейшем при попытках определения физического смысла термина.

Второй момент, объясняющий появление в теории чисто теоретических терминов, связан с необходимостью наименования тех сторон реального процесса, которые эмпирически не выявляются, но гипотеза требует их наличия для удовлетворительного описания процесса, для получения теоретического описания, соответствующего эмпирическим данным. Примером такого понятия может быть понятие «виртуальная частица» – как бы существующая, но и не существующая одновременно. При дальнейшем развитии теории и совершенствовании техники и методики эксперимента опять же либо выявляется реальное содержание понятия, либо последние элиминируются из теории.

Итак, развитие понятийного аппарата физической теории происходит как под давлением развития ее математического аппарата, ее логики, так и под влиянием требований самой физической теории и физического эксперимента. Одной из закономерностей является тенденция выделения чисто теоретических понятий, которые в дальнейшем либо элиминируются, либо получают физическую интерпретацию. Но при этом сохраняются математические чисто теоретические понятия, относящиеся к математическому аппарату теории. Анализ понятийного аппарата физической теории представляет собой весьма важную проблему, решение которой может способствовать более успешному развитию самой теории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большман Л.* Статьи и речи. М., 1970.
2. *Фейнман Р., Лейгон Р., Сэндс М.* Фейнмановские лекции по физике. М., 1976. Т. 1–2.
3. *Гейзенберг В.* // Природа. 1972. № 5.
4. *Эйнштейн А.* Собр. науч. тр.: В 4 т. М., 1967. Т. IV.
5. *Фейнман Р.* Характер физических законов. М., 1987.
6. *Форд К.* Мир элементарных частиц. М., 1965.
7. *Мигдал А.* Поиски истины. М., 1983.
8. *Методологические принципы физики.* М., 1975.
9. *Волтер Ф.* Философски речник. Варна, 1982.
10. *Дюкас Х., Кофман Б.* Човекът Алберт Айнщайн. София, 2.
11. *Гернек Ф.* Пионеры атомного века. М., 1974.
12. *Гинзбург В.Л.* // Мат. III Всесоюз. совещания по философским вопросам современного естествознания. М., 1981. Вып. 1.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

В.П. ГОРАН

КРИЗИС ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ И ФИЛОСОФИЯ СОКРАТА (IV)*

д-р филос. наук, профессор, зав. сектором
Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
e-mail: goran@philosophy.nsc.ru

Чтобы приблизиться к ответу на вопрос о том, имела ли политическая мотивация судебного преследования Сократа, рассмотрены проявления враждебного отношения к философу до суда над ним. Особое внимание уделено совпадению содержания судебного обвинения с тем, как изобразил Сократа Аристофан в комедии «Облака».

Ключевые слова: *Сократ, суд, содержание обвинения, Аристофан, комедия «Облака», политическая мотивация судебного преследования Сократа.*

В предыдущих частях статьи решалась задача восстановления политического «портрета» обвинителей Сократа с целью прояснения вопроса о том, имела ли политическая подоплека в судебном преследовании ими философа. Было показано, что политические ориентации и Анита (подлинного инициатора и «заказчика» суда над Сократом), и Ликона (устроителя всей необходимой для судебного преследования философа «подготовки») со значительной долей вероятности позволяют заключить, что политическая подоплека в привлечении ими Сократа к суду действительно имела место. Суть возможной политической мотивации предпринятого ими преследования философа определялась экстраординарной остротой ситуации противоборства в Афинах демократии, с одной стороны, и аристократии и олигархии – с другой. А так как Анит был одним из вождей, возглавивших вооруженную борьбу демократов против кровавого олигархического режима Тридцати, а Ликон – демагогом, т.е. активным «пользователем» тех политических возможностей, которые предоставляла представителям этой «профессии» афинская демократия, то признание политической мотивации преследования ими Сократа означает признание также и того, что они оценивали политическую ориентацию философа как антидемократическую, т.е. проаристократическую или проолигархическую. Вместе с тем, такой вывод все еще не может быть признан безальтернативным. Чтобы сделать следующий шаг в деле прояснения вопроса о том, имел ли суд над Сократом политическую подоплеку, не только целесообразно, но и необходимо рассмотреть также вопрос о состоятельности точки зрения, согласно которой обвинители Сократа привлекли его к суду, руководствуясь не партийно-поли-

тическими мотивами, а всего лишь личной неприязнью к нему, обусловленной тем, что Сократ в публичных беседах, которые он вел в людных местах города, в том числе и с теми, кто мнил себя знатоком в определенных вопросах, неустанно уличал их в невежестве. Дело в том, что единственно этот мотив обвинителей Сократа упоминает в сообщении о суде над Сократом Диоген Лаэртский (II, 38)¹. У Платона Сократ тоже ограничивается именно таким объяснением действий обвинителей: «От этого обрушились на меня и Мелет, и Анит, и Ликон: Мелет, негодуя за поэтов, Анит – за ремесленников, а Ликон – за риториков» (Платон. Апология Сократа, 23e)². Позднеантичный (IV в. н.э.) автор еще одной сохранившейся «Апологии Сократа» – Либаний, в распоряжении которого, по всей видимости, имелись не дошедшие до наших дней сочинения современников Сократа (в том числе речь Лисия в защиту Сократа и антисократовский памфлет Поликрата) и который, по-видимому, опирался на эти сочинения, также утверждает: «Клевета против Сократа... пущена в ход иными из его собеседников... Не огорчались они своим невежеством, а, напротив, ненавистью к тому возгорались, кто нерадивых в постижении истины и науки жизни человеческой усовещивал» (Либаний. Апология Сократа, 6)³. Правда, другие фрагменты текста Либания дают основания и для иных выводов. И к таким фрагментам мы еще будем обращаться (но гораздо позже, еще не в данной части статьи). А что касается непосредственно мотивов, которыми руководствовались обвинители Сократа, то Либаний, как видно по приведенному фрагменту, по сути дела, утверждает то же самое, что и Платон. На наш взгляд, нет оснований отрицать реаль-

¹ Здесь и далее ссылки на Диогена Лаэртция даны по: [1].

² Здесь и далее ссылки на тексты Платона даны по: [2].

³ Здесь и далее ссылки на Либания даны по: [3].

* Публикуется 4-я часть статьи, 1–3-ю части см.: Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 1; 2007. № 1; 2008. № 1.

ность и такой подоплеку действий обвинителей, но неоправданно весь комплекс их мотивов сводить исключительно к ней. Такого рода сведение могло бы быть признано оправданным, если бы дело ограничилось только привлечением Сократа к суду, но не вынесенным Сократу приговором.

Ведь решение «виновен», причем по столь серьезному обвинению, которое предусматривало возможность не незначительного наказания, а смертной казни, принимали не обвинители, а суд (гелиза). Чтобы оценить значимость этого факта, следует иметь в виду, что состав суда, принимавшего это решение, включал 501 гелиаста; и Сократ, по сообщению Диогена Лаэртца, «был осужден большинством в 281 голос» (Диоген Лаэртций, II, 41). Причем это решение суд принял еще до того, как Сократ вызвал негодование судей своим явно издевательским отношением к этому решению, а тем самым и к тем судьям, которые проголосовали за него, когда после признания судом его вины он предложил «наказать» его обедом в Пританее (см.: Диоген Лаэртций, II, 42; Платон. Апология Сократа, 37а). Дело в том, что обед в Пританее считался высокой почестью, которой афинское государство удостоивало человека за особые, выдающиеся заслуги. Следовательно, принимая первоначальное решение об основательности предъявленного Сократу обвинения, судьи могли руководствоваться не только своей эмоциональной реакцией на высокомерное отношение философа к ним, которое на их глазах было столь вызывающе продемонстрировано его предложением «наказать» его обедом в Пританее, так что эта демонстрация высокомерия должна была, несомненно, создать у них эмоциональное состояние, делающее их особенно восприимчивыми к обидам на Сократа тех граждан, которые еще до суда публичные проявления его интеллектуального превосходства над ними воспринимали как оскорбительное для них высокомерие философа. А до того, как Сократ вызвал своим предложением это эмоциональное состояние судей, их восприятие указанных обид могло быть не столь негативным, во всяком случае, не решающим, так что первоначальное решение судей о виновности Сократа могло иметь и иную мотивацию, а не только обиды части граждан на философа за проявления того, что обиженные принимали за его интеллектуальное высокомерие. Ведь эмоциональная реакция судей (в том числе и части тех 220 из них, которые первоначально не признали Сократа виновным) на предложение Сократа после вынесения вердикта «виновен» наградить его обедом в Пританее только добавила к прежним голосам, поданным в пользу признания его виновности, еще всего лишь 80 голосов теперь за то, чтобы наказанием Сократу была определена смертная казнь (см.: Диоген Лаэртций, II, 42).

Таким образом, комплекс мотивов, которыми руководствовались судьи, первоначально признавшие Сократа виновным, по всей видимости, не мог сводиться к учету личной неприязни к нему граждан, считавших себя обиженными тем, что ранее философ публично демон-

стрировал свое интеллектуальное превосходство над ними. Не мог исчерпываться этот комплекс мотивов и содержанием официально предъявленного философу обвинения в религиозном нечестии. Этот последний вывод следует из того, что Сократ в приведенной Платоном его защитительной речи на суде вполне аргументированно показал по меньшей мере частичную несостоятельность религиозной части выдвинутого против него официального обвинения. Действительно, во-первых, Сократ поведал судьям, что те испытания самых разных людей на их мудрость, которыми он усердно занимался и в результате которых многие возненавидели его (см.: Платон. Апология Сократа, 21d–e, 23a), он осуществлял, пытаясь убедиться в справедливости слов дельфийского оракула, объявившего его самым мудрым (см.: Там же, 21b – 23c). А так как древние греки верили, что в Дельфах устами Пифии вещает бог Аполлон, то столь серьезное отношение Сократа к словам оракула, несомненно, подтверждало веру философа по меньшей мере в Аполлона, т.е. в одного из олимпийских богов. Из этого с очевидностью следовало, что обвинение его в том, что он не признает богов, признаваемых государством, нельзя признать состоятельным, по меньшей мере, безусловно и полностью. Во-вторых, согласно Платону, в процессе судебного разбирательства своими вопросами, обращенными к Мелету, Сократ вынудил этого последнего признать, что он, Сократ, признает божественные знамения как посылаемые людям гениями. А так как гении – это дети богов, то, признавая божьих детей, он тем самым признает и богов (см.: Там же, 27 b – e). И это также демонстрировало не безусловную состоятельность выдвинутого против Сократа обвинения в том, что он будто бы не признает богов, вера в которых была характерна для религии древних греков того времени. Если Платон верно передал существо изложенных доводов Сократа (о дословном воспроизведении его слов речь, разумеется, идти не может), а они, как видим, убедительно демонстрируют, что в значительной своей части обвинение Сократа в нечестии несостоятельно, то сделанный нами выше вывод, что и учет судьями обиды части граждан на философа за демонстрацию им своего интеллектуального превосходства над ними тоже вряд ли может быть признан определяющим, ставит перед нами вопрос о том, чем же реально руководствовались большинство участвующих в процессе судей, которое все же признало Сократа виновным.

В качестве вариантов ответа на сформулированный только что вопрос могут быть: 1) или то, что те судьи, которые признали Сократа виновным, руководствовались единственно тем, что ход судебного разбирательства полностью и безоговорочно подтвердил обоснованность официального обвинения; 2) или то, что для этих судей вообще не имело значения содержание официально предъявленного Сократу обвинения, а свое решение они приняли, руководствуясь совершенно иными мотивами; 3) или же именно эти иные мотивы делали в их глазах хотя бы частичную обоснован-

ность обвинения достаточной для вынесения обвинительного приговора.

Исходя из сделанного нами только что вывода, что в своей защитительной речи Сократ продемонстрировал по меньшей мере частичную несостоятельность предъявленного ему официального обвинения, первый из перечисленных вариантов ответа на интересующий нас вопрос можно оценить как если и имеющий какое-то отношение к делу, то при условии, что среди судей могли быть и такие, которые совершенно не вникали в суть того, что говорил в свою защиту Сократ. Но маловероятно, чтобы такое отношение к происходящему в ходе судебного разбирательства было характерно для сколь-нибудь значительного количества участвующих в нем судей. Ведь обвинители требовали смертной казни для обвиняемого, а это с самого начала придало судебному разбирательству значимость, исключая легковесное отношение к нему участвующих в нем судей. Второй вариант заслуживает аналогичной оценки тоже в силу только что указанного обстоятельства: серьезность грозящего Сократу наказания не допускала предполагаемого этим вариантом безответственного отношения со стороны судей к рассмотрению существа предъявленного обвинения, тем более что частичная обоснованность предъявленного Сократу официального обвинения все же имела место. Его частичную обоснованность нетрудно показать не только посредством привлечения сохранившихся сведений о содержании мировоззренческих ориентаций Сократа и его философии, что и будет сделано позже (но еще не в данной части статьи). В пользу такой квалификации ситуации (с оценкой обоснованности официального обвинения) со стороны по меньшей мере части судей определенно говорит рассмотренная нами в предыдущей части статьи (см.: [4]) убежденность «платоновского» Сократа в том, что за официальное обвинение, выставленное Мелетом, проголосовало бы всего лишь менее одной пятой части судей, если бы во время судебного процесса оно не было активно поддержано Анитом и Ликоном, тогда как благодаря их поддержке за него реально проголосовало около трех пятых частей состава суда (см.: Платон. Апология Сократа, 36а–б). Следовательно, сам платоновский Сократ фактически признавал, что у одной пятой части судей были-таки причины считать официальное обвинение небезосновательным. Вместе с тем, убежденность платоновского Сократа в том, что столь незначительное количество судей было готово согласиться с выдвинутым против него официальным обвинением самим по себе, т.е. принимаемым к сведению безотносительно к каким-либо иным обстоятельствам, имеет для нашего исследования столь существенное значение, что мы сосредоточиваем внимание на этом факте уже второй раз и нам придется возвращаться к нему еще и в последующем.

На сей раз наше внимание к нему обусловлено тем, что, опираясь на него, можно сделать вывод: по вопросу о виновности Сократа судьи разделились на три категории. Для одних обвинение философа было совершенно

несостоятельным, и они первоначально подали свои голоса за его оправдание. Для других содержание этого обвинения самого по себе виделось как несомненно обоснованное, и они подали свои голоса за то, чтобы признать Сократа виновным. Уже наличие этих двух категорий судей позволяет говорить о том, что обоснованность обвинения признавалась не всеми судьями, т.е. не была совершенно очевидной по меньшей мере для определенной их части. Но наиболее значимым с точки зрения интересующих нас сейчас вопросов является то, что решающую роль в том, что Сократ все же был осужден, сыграла третья категория судей. Для них, согласно рассматриваемой оценке платоновским Сократом ситуации, официальное обвинение само по себе было явно недостаточным для вынесения обвинительного вердикта, ибо без участия Анита и Ликона они такой вердикт не поддержали бы. Но они все же проголосовали за то, что Сократ виновен. Этот факт признания данной частью судей виновности Сократа по предъявленному ему официальному обвинению дает основание полагать, что у них имел место именно третий вариант мотивации принятого ими решения. А именно, принимая решение, они могли исходить из того, что официальное обвинение было обосновано всего лишь частично, и, соответственно, они предпочли руководствоваться иными мотивами, остающимися за рамками рассмотрения существа официально предъявленного Сократу обвинения, и как раз эти мотивы могли сделать в их глазах частичную обоснованность обвинения достаточной для вынесения обвинительного приговора.

Но соответствует ли эта всего лишь частичная обоснованность обвинения той тяжести наказания, которое предполагало решение суда о полной виновности Сократа относительно того, что ему было инкриминировано в официальном обвинении? Так как в свете вышесказанного однозначно положительный ответ на этот последний вопрос представляется по меньшей мере сомнительным, то тяжесть наказания, на которое был осужден Сократ, позволяет оценить те реальные мотивы, которыми фактически руководствовалась рассматриваемая часть судей и которые не определялись единственно содержанием официально предъявленного Сократу обвинения, как связанные с озабоченностью этих судей весьма важными, с их точки зрения, общественными интересами. В этом мотивы, которыми руководствовалась рассматриваемая часть проголосовавших за виновность Сократа судей, могли быть сходными с теми, которыми руководствовались обвинители. Ведь и судьи, и обвинители были афинскими гражданами и находились под впечатлением от одних и тех же событий, которые пришлось пережить незадолго до этого судебного процесса афинскому государству. Все это позволяет предполагать, что мотивация действий и обвинителей, и рассматриваемой части судей имела в данном случае весьма значимую для них общественную составляющую, которая в переживаемый Афинами период их истории не могла не представляться афинским демократам чрезвычайно важной и политически, т.е.

важной в контексте принявшего столь драматические для них формы противостояния демократии и аристократии. Ведь это противостояние обернулось для афинской демократии столь тяжелыми поражениями, каковыми были капитуляция демократических Афин перед аристократической Спартой и последовавшая в результате этого кровавая олигархическая тирания Тридцати в самих Афинах.

По-видимому, Сократ тоже сознавал серьезность той мотивации, которой реально руководствовались и обвинители, привлекая его к суду по обвинению, предполагавшему возможность смертного приговора, и поддерживавшие обвинение судьи, ибо, согласно Платону, он сам признал в своем выступлении на суде после принятия судьями обвинительного приговора, что их решение не было для него неожиданностью (см.: Там же, 35e–36a). Если Платон верно воспроизвел смысл указанной части выступления Сократа на суде, это означает, что Сократ заранее предполагал возможность такого исхода судебного разбирательства. Более того, платоновский Сократ добавил тогда буквально следующее: «Гораздо более удивляет меня число голосов на той и другой стороне. Что меня касается, то ведь я и не думал, что буду осужден столь малым числом голосов, я думал, что буду осужден большим числом голосов» (Там же, 36a).

Хотя бы частичное совпадение политической составляющей неафишируемой мотивации судей с той подлинной и первоначально тоже не афишируемой мотивацией, которая двигала реальными обвинителями, могло быть обусловлено тем, что эта последняя была тщательно замаскирована только на этапе предъявления Сократу обвинения. Как уже нами отмечалось (см. первую и третью части статьи), это было достигнуто посредством того, что, во-первых, официальная формулировка обвинения не содержала даже намека на его политические мотивы и, во-вторых, в качестве официального обвинителя реальные инициаторы судебного преследования Сократа уговорили выступить Мелета. Но в ходе самого судебного процесса обвинители уже не считали нужным слишком тщательно скрывать наличие политической составляющей в тех дополнительных обвинениях, которые они выдвигали, разъясняя и конкретизируя официальное обвинение. Эти дополнительные обвинения заслуживают специального рассмотрения, которое будет нами предпринято в свое время. А теперь уместно уделить внимание обстоятельству, отмеченному нами в конце предыдущей части статьи и состоящему в том, что суд над Сократом был завершающим этапом его преследования со стороны Анита, который не оставлял его в покое и раньше.

Так, Диоген Лаэртский сообщает немаловажную «деталь» относительно враждебного отношения Анита к Сократу задолго до суда: Анит «сперва натравил на него Аристофана» (Диоген Лаэртский, II, 38). О том, что Мелет подал свою «жалобу» на Сократа в суд, полагаясь на «дурную молву» о нем, в формирование и распространение которой (этой молвы) внес свой вклад и Аристофан, прямо говорит и платоновский Сократ (см.: Пла-

тон. Апология Сократа, 19b–c). Имеется в виду комедия Аристофана «Облака», в которой наряду со Стрепсиадам и его сыном Фидиппидом Сократ является одним из основных персонажей. Текст комедии действительно демонстрирует поразительное соответствие обвинения, предъявленного Сократу на суде в 399 г. до н.э. Мелетом, тому, как в 423 г. до н.э. (год постановки на афинской сцене комедии «Облака»), т.е. за 24 года до суда, изобразил Сократа Аристофан.

Напомню, что обвинительное «заявление» Мелета содержит два пункта. Первый – Сократ не чтит богов, которых чтит государство, а вводит новые божества. Второе – Сократ развращает юношество. Именно таким Сократ изображен в комедии Аристофана.

Сократ у Аристофана – хозяин «мыслительни», у него множество учеников. Стрепсиад пришел к Сократу, чтобы тот научил его умению переспорить своих заимодавцев, требующих возвращения долгов. Реплики, которыми Сократ встречает Стрепсиада, и последующие его речи не только полны намеков на учения едва ли не всех философов того времени, особенно софистов, но и содержат утверждения, поразительно соответствующие официально предъявленному Сократу через 24 года судебному обвинению в религиозном нечестии. Аристофановский Сократ прямо заявляет Стрепсиаду: «Боги ведь здесь не в почете» (Аристофан. Облака, 247–248)⁴ и вскоре после этого конкретизирует это утверждение применительно к вере в Зевса: «Что за Зевс? Перестань говорить пустяки! Зевса нет» (Там же, 367). Веру в Зевса он характеризует как глупое суеверие (Там же, 398). А в дальнейшем эту оценку веры в Зевса неоднократно повторяет Стрепсиад, только незначительно варьируя ее словесное выражение (см.: Там же, 381–382, 818–819, 827–828, 1240–1241) и не забывая порой сослаться на Сократа (Там же, 830). Столь же точно соответствует аристофановский образ Сократа и второй части обвинения Мелетом исторического Сократа в нечестии, а именно, обвинению его в том, что он вводит новые божества. Вот обращенные к Стрепсиаду соответствующие слова аристофановского Сократа: «И не будешь иных ты богов почитать, кроме тех, кого сами мы славим: Безграничного Воздуха ширь, Облака и Язык, – вот священная троица!» (Там же, 423–424).

Чтобы оценить значимость для афинян той эпохи всех этих религиозных обвинений против Сократа в нечестии, содержащихся и в аристофановских «Облаках» и в «заявлении» Мелета, а также понять смысл и важность ряда конкретных деталей, обыгрываемых Аристофаном, необходимо иметь в виду, что в 432 г. до н.э., т.е. еще перед началом Пелопоннесской войны и всего за 9 лет до постановки на афинской сцене комедии Аристофана «Облака», Диопит внес в народное собрание Афин «предложение» (псефизма), «чтобы люди, не верующие в богов или распространяющие учения о небесных явле-

⁴ Здесь и далее ссылки на текст комедии Аристофана «Облака» (в русском переводе С. Апта) даны по: [5].

ниях, были привлекаемы к суду как государственные преступники» (Плутарх. Перикл, XXXII)⁵. Плутарх объясняет внесение Диопитом этого предложения тем, что тот «хотел набросить подозрение на Перикла косвенным путем, через Анаксагора» (Там же). Это соответствует сути процитированного только что изложения Плутархом предложения Диопита, в котором неверие в богов прямо соотносится с учениями о небесных явлениях. О том, что псефизма Диопита была принята, Плутарх прямо не сообщает, но это следует из дальнейшего изложения им событий. А именно, он повествует, что против жены Перикла Аспасии «был возбужден судебный процесс по обвинению в нечестии» и «Перикл вымолил ей пощаду, очень много слез пролив за нее во время разбирательства дела» (Там же), а «за Анаксагора он боялся и дал ему возможность тайным образом уйти из города» (Там же).

Как видим, в последней трети V в. до н.э. у афинян уже был прецедент использования религиозного обвинения в нечестии как средства свести счеты с политическим противником, когда прямое политическое обвинение не имело шансов на успех. Псефизма Диопита создавала юридическую базу для этого. Содержащаяся в ней квалификация перечисленных проявлений «нечестия» как государственного преступления означала применимость наказания за них в виде смертной казни. Это обстоятельство также может служить косвенным доводом в пользу вывода о политической подоплеке и суда над Сократом в начале IV в. до н.э.

«Направливая» Аристофана на Сократа в 423 г., Анит вряд ли мог рассчитывать на возможность привлечь Сократа к суду на основании псефизмы Диопита (еще раз напомним: Диопит внес ее всего за 9 лет до постановки комедии «Облака»). Если бы он мог на это рассчитывать, он прямо обратился бы в суд. Но то, что Аристофан в своей комедии «Облака» изобразил Сократа как человека, вполне подпадающего под эту псефизму, может служить косвенным свидетельством намерений Анита (конечно, при условии, что именно он был инициатором создания Аристофаном такого образа Сократа) подготовить общественное мнение к последующему судебному преследованию Сократа, когда для этого сложатся благоприятные политические условия. О том, что при этом могла иметься в виду псефизма Диопита, можно заключить на том основании, что у Аристофана Сократ не только не верит в традиционных богов, но, сверх того, взамен веры в Зевса учит о небесных явлениях (см.: Аристофан. Облака, 366–407).

В пользу предположения о том, что Анит еще в 20-е годы V в. до н. э. мог иметь целью привлечь Сократа к суду по обвинению в «нечестии», говорит то, что через 23 года после постановки комедии «Облака» на афинской сцене он организовал-таки судебное преследование Сократа, причем сделал это, предъявив Сократу обвинение, поразительно и, можно даже сказать, подо-

зрительно соответствующее тому его образу, который был нарисован в свое время Аристофаном.

Даже если предположить, что в действительности Анит не имел никакого отношения к появлению комедии Аристофана «Облака» и что сообщение Диогена Лаэртца о том, что именно Анит инициировал написание ее Аристофаном, было продуктом чьей-то фантазии (неважно, самого Диогена или же его источника), то и в таком случае нельзя не признать, что для подобного фантазирования у его автора был реальный повод – отмеченное только что поразительное соответствие содержания официального «заявления», поданного Мелетом в суд, тому, как был изображен Сократ Аристофаном еще за 24 года до подачи в суд этого «заявления». Ведь именно Анит уговорил Мелета подать в суд это его «заявление». Следовательно, в свете отмеченного соответствия высказанное только что предположение о непричастности Анита к созданию Аристофаном гротескного образа Сократа выглядит как маловероятное. А если это так, то в пользу вывода о политической подоплеке инициирования Анитом судебного преследования Сократа говорит и причастность Анита к появлению Аристофановых «Облаков». Ведь 24 года имела место ситуация, когда афинянам было известно, что есть в их городе философ Сократ, которого открыто, публично изобразили как гражданина, подпадающего под псефизму Диопита. Но поскольку это был только художественный образ, то прямых юридических последствий этот факт иметь не мог. Вместе с тем, как вполне обоснованно, с привлечением ряда фактов из жизни афинян того времени, заключает известный советский исследователь творчества Аристофана С.И. Соболевский, «насмешки в комедии не считались пустой шуткой» [7, с. 24]; напротив, «публичное осмеяние считалось серьезным оскорблением» [7, с. 25].

И только после того, как афиняне пережили военное поражение в Пелопоннесской войне, олигархический террор Тридцати против приверженцев демократии, вооруженное ниспровержение этой тирании демократами и восстановление демократии, причем восстановление, достигнутое при условии невозможности для демократов привлечь к ответственности ее врагов непосредственно за их политическое прошлое, Анит решил на то, чтобы его оценке взглядов Сократа, которая была известна афинянам уже 24 года, была придана форма официального судебного обвинения, и притом такого, которое позволяло привлечь Сократа к суду, не только не давая обвинению политическую мотивировку, но изображая дело (на его начальном этапе только предъявления обвинения) как не имеющее непосредственного отношения к политической позиции обвиняемого. А в охарактеризованных политических условиях то обстоятельство, что обвинение Сократу было предъявлено в такой форме, чтобы исключить подозрение в его политической мотивированности, как раз и дает основание оценивать его как в действительности мотивированное именно политически.

⁵ Здесь и далее ссылки на Плутарха даны по: [6].

В контексте задачи обоснования вывода о правомерности учета роли политической составляющей в мотивации судебного преследования Анитом Сократа, поскольку этот вывод опирается на факт, что к Сократу Анит был настроен враждебно не одно десятилетие и при этом неизменно выдвигал против философа одно и то же обвинение, предполагающее смертную казнь, и, следовательно, только ждал удобного случая, чтобы довести дело до суда, особую значимость приобретает также уже высказанное нами раньше соображение, что именно после того унижения, которое пережили афинские демократы в результате поражения Афин в Пелопоннесской войне, тирании Тридцати, и в условиях невозможности для них требовать воздаяния своим политическим противникам они в числе возможных средств отомстить сторонникам аристократии за все эти унижения и поражения вполне могли использовать привлечение к суду тех из них, кому оказывалось возможным предъявить обвинение, не являвшееся непосредственно политическим. Обвинение в святотатстве по псефизму Диопита как нельзя лучше подходило для этого.

Эта сложившаяся в Афинах после низвержения тирании Тридцати политическая ситуация и могла быть оценена Анитом как тот самый удобный случай, который предоставлял ему возможность расправиться с Сократом. Вместе с тем, то, что Анит задолго до организации им судебного преследования Сократа, выдвигал против Сократа обвинения, предполагавшие смертную казнь, и соответствующим образом подготавливал общественное мнение, но почти два с половиной десятилетия так и не доводил дело до суда, можно оценить как проявление неуверенности Анита в том, что суд признает обоснованность этих обвинений как таковых. Более того, Анит вряд ли мог быть уверенным в желаемом для него исходе судебного разбирательства по причине отмеченной нами недавно только частичной (неполной) обоснованности того обвинения против Сократа, возможность которого подготавливалась комедией Аристофана как подводящего «дело» Сократа под псефизму Диопита. Эта неуверенность, по-видимому, не покидала Анита совсем и тогда, когда он все же решился на судебное преследование Сократа. В этом можно видеть одну из причин (наряду с рассмотренными нами ранее) того, что подать заявление в суд он уговорил Мелета. А то, что Анит решился на судебное преследование Сократа по выдвинутому обвинению только в политической ситуации, сложившейся в Афинах после ниспровержения олигархического правления Тридцати, позволяет рассматривать оценку Анитом значимости этой ситуации как ключевой для успешного завершения столь долго осуществляемого им преследования Сократа.

Еще раз акцентируем внимание читателя на том, что в предполагаемой здесь нами оценке Анитом данной политической ситуации весьма существенным (во всяком случае, применительно конкретно к его усилиям расправиться с Сократом) было то, что демократы не могли предъявлять сторонникам аристократии непосредствен-

но политических обвинений, и это не только не ослабляло антипатии демократов по отношению к приверженцам аристократии и олигархии, но, исключая возможность прямого проявления этой антипатии и вынуждая демократов скрывать ее, тем самым только обостряло ее и вынуждало их искать опосредованные пути проявить свои политические пристрастия. И то, что в этой ситуации Анит привлек Сократа к суду по обвинениям, относительно которых до этого он мог оставаться недостаточно уверенным в том, что они будут признаны судом вполне обоснованными сами по себе, может, на наш взгляд, служить основанием для вывода, что Анит рассчитывал на то, что наконец-то проаристократическая политическая ориентация Сократа будет для судей-демократов весомым основанием осудить его, так что и само предъявленное ему официальное обвинение они оценят как достаточное для признания философа виновным.

Как показывает исход инициированного Анитом суда над Сократом, оценка Анитом ситуации была адекватной: он добился своего. Впрочем, Анит не был бескомпромиссно кровожадным, как это может показаться, исходя из сказанного выше. Платоновский Сократ пересказывает слова Анита на суде: «...или мне [Сократу. – В.Г.] вообще не следовало приходить сюда, а уж если пришел, то невозможно не казнить меня...» (Платон. Апология Сократа, 29с). Анит, как видим, допускал и возможность, и даже целесообразность для Сократа добровольно удалиться из Афин, чтобы избежать суда, отчетливо сознавая, вместе с тем, что характер выдвинутого против Сократа обвинения предполагает неизбежность смертного приговора. Неизбежность столь сурового наказания по предъявленному Сократу обвинению находилась в полном соответствии с тем, что оно подпадало под псефизму Диопита. А добровольное, так сказать, «самоизгнание» Сократа из Афин Анит мог считать, следовательно, достаточным, с его точки зрения, наказанием. Нелишне напомнить в связи с этим, что для греков того времени именно изгнание из государства своих политических противников после победы одной из противостоящих друг другу политических партий было обычным делом (см.: Диодор Сицилийский. Историческая библиотека, XV, 5, 2)⁶, так что приведенный здесь пересказ платоновским Сократом слов Анита на суде может служить еще одним косвенным подтверждением того, что к Сократу Анит относился как к приверженцу враждебной политической ориентации, но в условиях политической амнистии считал возможным предъявить ему обвинение, подпадающее под псефизму Диопита.

Чтобы убедиться в том, что в суде над Сократом фигурировало именно такое обвинение, еще раз обратимся к Платоновой «Апологии Сократа» (26с–е). Там воспроизводятся вопросы, которые Сократ задает Мелету, и ответы этого последнего. Платоновский Мелет прямо

⁶ См.: соответствующую цитату Диодора в переводе С.Я. Лурье, содержащуюся в примечании № 43 к V книге его же перевода «Греческой истории» Ксенофонта: [8, с. 383].

утверждает, что Сократ вообще не признает богов, в том числе не признает «богами ни Солнце, ни Луну», а «утверждает, что Солнце – камень, а Луна – земля». Услышав это, Сократ восклицает: «Берешься обвинять Анаксагора, друг Мелет, и так презираешь судей и считаешь их столь несведущими по части литературы! Ты думаешь, им неизвестно, что книги Анаксагора Клазоменского переполнены подобными мыслями?». Но ведь, напомним еще раз, в свое время Диопит внес свое «предложение», имея в виду именно учение Анаксагора.

Второе обвинение Мелетом исторического Сократа, состоящее в том, что Сократ развращает юношество, также находится в поразительном соответствии с образом Сократа у Аристофана. В комедии Правда и Кривда выходят из мыслильни Сократа; и Правда в споре с Кривдой характеризует эту последнюю как развратителя юношей (см.: Аристофан. Облака, 928). Причем именно Кривде Стрепсиад вверяет своего сына Фидиппида, приведя его в сократовскую мыслильню для обучения. А научился там Фидиппид «наук новейших» мастерству «презирать закон, обычай старый» (см.: Там же, 1399–1400), т.е. презирать нормы того самого «отеческого строя», приверженцем которого, по Аристотелю (см.: Аристотель. Афинская полития, XII, 34, 3)⁷, был (уместно вспомнить об этом еще раз) Анит. Среди плодов такой «науки» оказалось не только «умение» «обосновать» отказ отдавать долги и наглость в обращении с теми, кто требует вернуть им эти долги, но и неуважение собственных родителей, оскорбление их, не останавливающееся перед применением к ним физического насилия и сопровождающееся «обоснованием» правильности такого обращения с ними (см.: Аристофан. Облака, 1345–1446).

Наконец, «Даже наказание, смертную казнь, которую предложил Мелет, Сократ, заслужил, по мнению Аристофана, как видно из заключительной сцены Облаков» [7, с.12]. Действительно, заканчивается комедия «Облака» тем, что Стрепсиад поджигает «мысльню» Сократа, т.е. фактически «осуждает» ее вместе с ее обитателями, в том числе и ее хозяином, на физическое уничтожение.

В целом сопоставление содержания обвинительного «заявления» Мелета с отмеченными только что особенностями нарисованного Аристофаном в «Облаках» образа Сократа подтверждает правильность сделанного еще С.И. Соболевским вывода: «Мелетово обвинение целиком покрывается Аристофановой характеристикой» Сократа [7, с. 11]. А характеристика эта определенно свидетельствует о том, что утвердившаяся в последующем привычка считать Сократа «идеалом мудрости и добродетели» [7, с. 11] еще отсутствовала у его сограждан. Напротив, «большая часть афинян того времени, в том числе и Аристофан смотрели на Сократа другими глазами, чем мы, признавали его

вредным человеком...» [7, с. 15]. С.И. Соболевский справедливо указывает на то, что «Сократ сам знал, что его ненавидят сограждане...» [7, с. 18], приведя в подтверждение этого собственные слова Сократа в Платоновой «Апологии»: «Сильная вражда явилась против меня у многих... И если что погубило меня, то именно это; не Мелет и не Анит, а клевета и недоброжелательство народа» (Платон. Апология Сократа, 28 а).

Итак, зафиксированные здесь нами соответствия содержания официального обвинения, выдвинутого против Сократа Мелетом, с одной стороны, и того образа Сократа, который был создан Аристофаном задолго до того, как Мелет сформулировал свое обвинение, – с другой, а также роль Анита как в инициировании и подаче в суд обвинения против Сократа Мелетом, так и создании Аристофаном гротескного образа Сократа в комедии «Облака», все это в совокупности убедительно подтверждает адекватность приведенной только что оценки, которую сам Сократ в его защитительной речи на суде, воспроизведенной Платоном в «Апологии Сократа», дает ситуации, сложившейся для него на момент суда над ним.

Суть этой оценки состояла в констатации наличия враждебного отношения к Сократу со стороны определенных афинских граждан на протяжении значительного промежутка времени, а не только со стороны Мелета как официального обвинителя на самом суде. И тот факт, что в предшествующей истории Афин уже имел место прецедент использования псефизмы Диопита для обвинения людей в нечестии как средства свести счеты с политическим противником, когда прямое политическое обвинение не имело шансов на успех, этот факт в совокупности со всеми рассмотренными выше обстоятельствами, включая и то, что обвинение, предъявленное Сократу, тоже подпадало под псефизму Диопита, может рассматриваться как еще одно косвенное подтверждение возможности политической подделки суда над Сократом.

Но не является ли ошибочной наша интерпретация судебного преследования Сократа как имеющего политическую подоплеку и объясняемого тем, что его обвинители и судьи считали политическую позицию Сократа антидемократической? Ведь вывод, что мотивация действий Анита, Ликона и вынесших обвинительный вердикт судей могла иметь указанную политическую составляющую, остается все еще не имеющим прямого подтверждения и, следовательно, не безусловным. Дело в том, что о политической составляющей мотивации их действий имеет смысл говорить при условии, что Сократ в их глазах был противником демократии, причем опасным для нее противником. Ведь речь идет о высшей мере наказания – смертной казни философа. Поэтому, не убедившись в том, что политическая позиция Сократа действительно была в их глазах антидемократической и опасной для афинской демократии, изложенный только что, все еще промежуточный, итог всего нашего исследования не может не быть всего лишь условным, т.е. зависимым от

⁷ Здесь и далее ссылки на «Афинскую политию» Аристотеля даны по: [9].

указанного условия. Исследованию этого вопроса и будет посвящено продолжение данной статьи, но где удастся опубликовать его, пока неизвестно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
2. *Платон*. Собрание сочинений в 4-х томах. М., 1990.
3. Апология Сократа ритора Либания // Суд над Сократом: Сборник исторических свидетельств. СПб.: Алетейя, 1997.

4. *Горан В.П.* Кризис древнегреческой демократии и философия Сократа (III) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 1.
5. *Аристофан*. Комедии в двух томах. М., 1954. Т. I.
6. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания в трех томах. М., 1961. Т. I.
7. *Соболевский С.И.* Сократ и Аристофан // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В.П. Потемкина. М., 1947. Т. VI, вып. I.
8. *Ксенофонт*. Анабасис. Греческая история. М.: Ладомир, 2003.
9. *Аристотель*. Политика. Афинская политика. М., 1997.

К.Н. ЛЮБУТИН*, П.Н. КОНДРАШОВ**

ТРИ МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ К. МАРКСА

* д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой,
Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН
Уральский государственный университет им. А.М. Горького
e-mail: philosophy7@mail.ru

** канд. филос. наук, преподаватель
Верхнесалдинский авиаметаллургический техникум
e-mail: evgeniy.kondrashov@vsmpo.ru

Анализируя философию истории Маркса, авторы показывают, что в его теории наряду с социально-производственным (материалистическим) пониманием истории присутствует экзистенциальная интерпретация, согласно которой историчность представляет собой постепенное движение от всеобщего труда (*die Arbeit*) через классовое разделение труда и наслаждения к тотальному господству самодетельности (*die Selbstbetätigung*), которая характеризуется свободой и наслаждением.

Ключевые слова: *марксизм, материалистическое понимание истории, историчность, прaxis, труд, самодетельность, наслаждение, экзистенциальная интерпретация исторического процесса.*

В 2008 г. философское сообщество отметило 190-летие со дня рождения одного из величайших мыслителей человечества – Карла Маркса. Однако такая солидная дата совершенно не означает, что юбиляр канул в Лету академических изысканий и теперь его мельком упоминают только в разделах по истории философии XIX в. как «одного из мыслителей той эпохи». Напротив, постоянно возобновляющиеся неолиберальные нападки на Маркса и марксизм (который почему-то отождествляется только с его политической концепцией – коммунизмом) указывают на то, что марксизм не умер. В научных кругах Запада он является признанным классиком социальной мысли, вошедшим в плоть и кровь традиции до такой степени, что даже ученые, никогда не читавшие его работ, тем не менее, «чувствуют» социум «по Марксу». Но если в западной философии к Марксу существует в целом достаточное «ровное» отношение (не считая некоторых старых антимарксистов, оставшихся со времен холодной войны), то в России, когда-то считавшейся воплощением его идей, сейчас к нему сформировалось какое-то не вполне здоровое отношение, варьирующее от слепого поклонения у «сталинистов» до уже ставшей инстинктивной ненависти у «демократов». Хотя такое «экзистенциальное» отношение к фигуре Маркса, безусловно, свидетель-

ствует о том, что его мысль и сегодня оказывается востребованной (сколько бы неолибералы не шумели о «смерти марксизма», тем не менее, они регулярно возвращаются к очередному его «разоблачению»). Но самое интересное состоит в том, что ни бездумно положительное, ни бездумно отрицательное отношение к Марксу никоим образом не способствует адекватному пониманию его философских, экономических, социологических и политических идей: Маркса не понимают не только его противники и критики, но и большинство тех, кто гордо называет себя «марксистами».

На наш взгляд, самой не понятой частью теории Маркса является его *философия истории*, которую он сам называл *материалистическим пониманием истории*, и непонимание марксовой философии истории выражается, прежде всего, в том, что: 1) Маркса считают экономическим детерминистом; 2) приписывают ему внеантропный, объективистско-позитивистский схематизм пяти общественно-экономических формаций; 3) неверно понимают слово «материализм» в приложении к его философско-исторической концепции.

В предлагаемой статье мы попытаемся взглянуть на некоторые аспекты философско-исторического учения Маркса в несколько ином ключе, чем это было принято в советском марксизме-ленинизме и в большей части ра-

бот западных марксистов, и показать, что его философия истории не является экономически ориентированным детерминизмом, а представляет собой антропологическую и экзистенциальную интерпретацию истории.

Вся система Маркса представляет собой социальную философию, основанную на понимании социальности как конкретно-исторического развертывания человеческой деятельности. И в этом смысле в основе его философии лежит философская антропология. Поэтому любую часть этой философии можно адекватно понять только через учение о человеке. Данный методологический принцип распространяется и на философию истории Маркса.

К. Маркс считает, что определить сущность любого явления можно, только указав на способ его бытия: то, каким образом вещь существует в мире, и определяет ее сущность в самом широком смысле этого слова. Способом, которым бытийствует человек, адаптируя природу к себе в целях удовлетворения своих потребностей, является его *сознательная преобразующая деятельность* [*die Tätigkeit*], или *праксис* (см. [1, с. 565]).

Именно в этом *праксиологическом* ключе Маркс и понимает *историчность*. В «Немецкой идеологии» он дает следующее определение: «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» [2, с. 44–45].

Попробуем проанализировать данную дефиницию истории в целостном контексте марксовской философии и эксплицировать некоторые аспекты, срезы исторического процесса, как его понимает Маркс.

Социально-производственный срез исторического процесса. В процессе своего бытия (т.е. своей практической деятельности) люди в целях удовлетворения своих наличных потребностей «накладывают» праксис на природный мир, изменяя его материал таким образом, чтобы в своей измененной форме он мог удовлетворить собственно человеческие потребности. В результате такого практического преобразования природы, т.е. *производства*, возникает мир культурных артефактов – *предметный мир человеческого бытия*. Поскольку производство является деятельностью орудийной, то в процессе развертывания человеческой практики постепенно конституируется система технических средств производства по преобразованию природы в предметность и соответствующих этим средствам отношений между индивидами. Природа, практически действующие индивиды, техника, технология и производственные отношения, по Марксу, составляют *базис* [*Unterbau*] социального бытия, ибо именно на этом уровне производится и воспроизводится непосред-

ственная индивидуальная и социальная жизнь. Само это воспроизводство материальных благ с необходимостью детерминирует определенную форму совместной деятельности людей, социальное разделение труда, систему межличностных отношений, т.е. форма совместной деятельности людей, направленная на воспроизводство их наличного бытия, и оказывается, по Марксу, *социальностью*, лежащей в основе (*sub-stationare*) любого общества.

В силу же того, что производственная деятельность и детерминируемые ею общественные отношения требуют своей регуляции, возникает система моральных, правовых, религиозных, идеологических и других регулятивов базисной деятельности – *надстройка* [*Überbau*]. В своей совокупности базис и надстройка составляют *общественное бытие*, которое, осмысливаясь индивидами в художественной, религиозной, научной, философской и даже обыденной формах, детерминирует возникновение *общественного сознания*. Последнее, собственно говоря, и есть *осознанное бытие*: «Сознание [*das Bewußtsein*] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [*das bewußte Sein*], а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [2, с. 25]. В своей *тотальности* общественное бытие и общественное сознание составляют *социальную формацию*. В зависимости от того, как люди производят и воспроизводят свое бытие (какими орудиями, технологиями, какие отношения распределения и общения складываются между ними в зависимости от условий существования и производства и т.д.), в рамках формации конституируется и функционирует тот или иной *способ производства*.

В силу же того, что человеческая деятельность сущностно является деятельностью *преобразующей*, значит, люди, постепенно совершенствуя технику и технологию, тем самым изменяют не только средства производства, но и весь бытийный базис своего существования, а вслед за ним неизбежно изменяются и содержание регулятивной надстройки, и соответствующее измененному социальному бытию общественное сознание. Таким образом, от поколения к поколению происходят изменения способов производства, которые со временем изменяют весь строй социальной жизни индивидов.

Отсюда видно, что история, взятая в ее общественно-производственном аспекте, с одной стороны, содержит в себе момент преемственности, непрерывности между различными поколениями и периодами (Маркс прямо говорит о *наследовании капиталов, деятельности и т.д.*), когда бытийно-производственные условия одного поколения оказываются априорными для всякого последующего поколения; с другой стороны, эта непрерывность является динамической, ибо каждое новое поколение *преобразует* (усовершенствует или, напротив, деградирует) условия, воспринятые от предшествующего поколения.

Эта концепция, разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом, получила у них название *материалистичес-*

кого понимания истории (а у более поздних марксистов – *исторический материализм*). Сегодня много спорят о правомерности применения рубрики «материализм» к этому учению. Дело в том, что Маркс и Энгельс использовали данный термин не в метафизическо-онтологическом смысле как учение о никем не созданной вечной материи (каковое мы находим в «Диалектике природы» Ф. Энгельса¹), а в праксиологическом: под «бытием» понимается человеческая деятельность (которая, кстати, имманентно включает в себя «идею», «сознание» в виде целеполагания), т.е. практическое единство субъекта и объекта, под «сознанием» же – мысли людей об этой деятельности. Фундаментальное отличие такого «материализма» от обычного философского материализма состоит в том, что под «бытием» Маркс понимает не столько объективную реальность в виде материи (Эпикур, Т. Гоббс, французские материалисты XVIII в.), и даже не природного человека (стоики, Л. Фейербах), сколько диалектическое единство человека и природы в его практике. Базисной в этом бытии, с точки зрения Маркса, оказывается деятельность, направленная на производство и воспроизводство существования самого социального организма, т.е. *материальный праксис*. И не важно, какое общество берется для анализа: и в первобытном, и в индустриальном, и в постиндустриальном (информационном) обществах в основе наличного, физического существования людей лежит их «питание», которое производится в материальной практике.

Таким образом, для Маркса самой ближайшей интерпретацией истории становится интерпретация, в которой он фиксирует темпоральные изменения в механизмах наличного воспроизводства социального бытия. Исторические эпохи, различающиеся по способам воспроизводства, были названы Марксом социальными формациями [Gesellschaftsformationen]. И уже относительно этого основополагающего пункта марксовской философии истории его последователи и критики допустили неправомерные извращения, которые верно были названы экономическим редукционизмом. Согласно последнему, во-первых, существует только одна основа для движения истории – экономика и в первую очередь техника, которые детерминируют все остальные составные части социального универсума; во-вторых, это экономически обусловленное разветвление истории фиксируется в пяти формациях – первобытной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической. Между тем даже самый поверхностный анализ работ Маркса показывает, что оба эти суждения никакого отношения к нему не имеют.

Во-первых, у Маркса нет учения о *пяти* общественных формациях – последнее является «изобретением» «сталинистов». У него мы находим следующий

¹ Следует обратить внимание на то, что у Маркса такого учения нет, и то, что «сталинисты» назвали «диалектическим материализмом», к Марксу никакого отношения не имеет.

фрагмент: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) – таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на *вещной* зависимости, – такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, – такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей. Поэтому патриархальный, как и античный строй (а также феодальный), приходят в упадок по мере развития торговли, роскоши, *денег, меновой стоимости*, в то время как современный общественный строй вырастает и развивается одновременно с ростом этих последних» [3, с. 100–101].

Здесь речь идет о трех формациях, трех глобальных ступенях исторического развития, в рамках которых имеет место множество различных *способов производства*. В набросках ответа на письмо В.И. Засулич (1881 г.) Маркс пишет об архаической, или первичной, формации, основанной на общественной собственности; о вторичной формации, основанной на частном присвоении. Эта формация в предисловии к «Критике политической экономии» называется *экономической общественной [die ökonomische Gesellschaftsformation]* (она охватывает азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства). Формация будущего – *постэкономическая*. Но только во вторичной формации экономические отношения играют решающую роль. Экономика в данном контексте понимается как производство потребительных ценностей как продуктов частных работ, субъекты которых вступают в контакт исключительно путем обмена, т.е. производство выступает в виде созидания меновых стоимостей. Товарное производство достигает своего наиболее полного осуществления только в капиталистическом способе производства. В первичной же и третичной формациях в качестве производственного базиса выступают совершенно иные формы человеческой деятельности. Там нет «экономических отношений» в их товарно-денежной форме. Но это не означает, что нет и производства. Поэтому экономическая интерпретация истории как некоторая всеобщая парадигма, приложимая ко всей человеческой истории, у Маркса отсутствует: экономическими факторами объясняются только способы производства в рамках экономической общественной формации и, прежде всего, в капиталистическом способе производства.

Во-вторых, у Маркса мы не находим никакого технологического детерминизма. Безусловно, технологии и орудия труда, применяемые людьми в своей производственной деятельности, во многих отношениях де-

терминируют их бытие, но – только как один из многих факторов детерминации. В одних условиях решающим фактором оказывается техника, в других – технология, в третьих – природные элементы, в четвертых – экономическая эффективность, в пятых – организация производственного процесса, в шестых – наука или даже энтузиазм масс (например, во время войны) и т.д.

Достаточно *внимательно* прочитать первый том «Капитала», чтобы убедиться в том, что Маркс не является экономическим и тем более технологическим детерминистом. Так, анализируя происхождение капитализма из недр феодального способа производства, он показывает, что причиной формирования капитализма явилось не изменение техники (это следствие), а изменения в *способе организации производственного процесса* разрозненных средневековых ремесленников под властью одного капитала.

Антропологический срез исторического процесса. Второй срез исторического процесса, имплицитно содержащийся в анализируемом определении истории из «Немецкой идеологии», связан с тем, что, как выражается Маркс, человеческие индивиды (поколения) не только наследуют свою деятельность и изменяют посредством нее условия своего наличного существования, но также видоизменяют старые (априорные) условия посредством *совершенно измененной деятельности*. То есть в результате развертывания человеческой деятельности изменяются не только условия, но и сама деятельность. Именно этот последний момент, на наш взгляд, как раз и позволяет методологически эксплицитировать одну из важнейших идей Маркса – идею об историчности человеческой природы (сущности). В «Нищете философии» Маркс прямо говорит: «...вся история есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы» [4, с. 162].

Как было показано выше, сущность человека представляет собой *деятельность*, понимаемую как *практическая взаимосвязь* человека с окружающим миром, связь, в которой конституируются отношения индивида с другими людьми, с природой, с предметным миром и, наконец, с самим собой, т.е. конституируются *общественные отношения* (*gesellschaftliche Verhältnisse*). Человек также оказывается совокупностью всех тех отношений, связей, которые возникают в процессе развертывания праксиса между индивидом и внешним миром.

Таким образом, сущность человека – *деятельность* – включает в себя не только субъекта с его преобразующей активностью (*внутреннее*), но и объективный мир (*внешнее*), «втянутый» в эту активность. Практика – это вся *тотальная совокупность* необходимых субъектных и объектных условий и структурных элементов этой активности. Для Маркса человек – это не вещь, обладающая самосознанием и ограниченная пределами своего собственного тела, но действительная неразрывность *субъектной и объектной* сторон практики. Человек есть не только в-себе-сущее, «внутреннее» (комплекс тело/душа). Он постоянно в своей прак-

тике (представляющей собой диалектику овнешнения, опредмечивания внутреннего во внешний мир и распредмечивания, интериоризации внешнего бытия во внутренний мир психики) находится вне себя: предметный мир оказывается действительным, практическим продолжением его сознания и его тела.

Субъектная сторона деятельности – это сами люди, их потребности, целеполагания, установки, мотивы, страсти, умения, навыки, знания, фантазии, предрассудки и т.д. Объектная сторона деятельности – мир природы, предметный мир, созданный предшествующими поколениями, структура сложившихся общественных отношений, совокупность объективированных регулятивов этих отношений – таких, как право, мораль, государство и т.д. Их тотальность и есть человек.

Изменяя, преобразовывая внешнюю, природно-предметную сторону своего бытия, человек изменяет не только формы предметности, но и те отношения, которые фундируются в этих формах. Так, сельскохозяйственная деятельность детерминирует один тип взаимоотношений (деревня), а промышленность – совершенно другой (город). То есть уровень развития техники и способы ее использования в процессе производства определяют характер взаимосвязи между людьми, их *образ жизни (Lebensweise)*; далее эти механизмы детерминируют юридическую, этическую и эстетическую надстройки, содержание и структуру общественного сознания, которое представляет собой совокупность того, что люди думают по поводу того, как они проживают свою жизнь, т.е. по поводу своего образа жизни. А коль скоро этот *Lebensweise* определяется способом производства – материальной деятельностью, то, значит, последняя и детерминирует содержание человеческих мыслей *о ней*. Мы думаем большей частью о том, что происходит с нами и вокруг нас. Или, как выражался Маркс: «Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [2, с. 25]. То есть структуры и содержание нашего непосредственного бытия, нашей повседневной деятельности, интериоризируясь, формируют структуры и содержание нашего сознания. А коль скоро в философской антропологии Маркса человек есть диалектическое единство внутреннего (сознание/тело) и внешнего (природно-предметно-социального) бытия, значит, вместе с изменением внешней стороны социального бытия изменяется и он сам.

Таким образом, фундаментом изменения субъектной стороны человеческой природы выступает изменение ее объектной стороны. Деятельность (как присущая человеческому существу творческая активность) всегда разворачивается в структуре определенных общественных отношений, которые конституируются в результате развертывания этой деятельности и вне которых она просто-напросто не существует. А коль скоро это так, то различные типы отношений (т.е. взаимосвязей между людьми и вещами, порожденных осуществляемой практикой) детерминируют различные по своему содержанию типы деятельности, а значит,

и различные типы человека. Люди, занимающиеся различной деятельностью и существующие в различных системах деятельности, суть *разные* люди, но при всей своей разности они, тем не менее, *люди*, ибо обладают способностью к деятельности, т.е. обладают сущностью, свойственной всем людям, обладают *человеческой сущностью*. Индивиды, преобразующие мир в различных условиях, различаются между собой, т.е. их единая всеобщая деятельностная природа *модифицируется* в соответствии с той объективной и субъективной предметностью, в рамках которой их деятельность разворачивается и с которой она составляет *органическую тотальность*. Именно в этом смысле надо понимать известное разграничение Марксом *человеческой природы вообще* (инвариантной деятельности) и ее исторических модификаций, в которых инвариантная деятельность наполняется конкретным содержанием [5, с. 623; 6, с. 345].

Экзистенциальный срез исторического процесса. Исторический процесс не только имеет внешнее, производственное преломление, он не только содержит изменения в структурах человеческой деятельности, а значит, и изменения человека, он также определенным образом *переживается* человеческими индивидами. И коль скоро человеческое бытие – это деятельность, то экзистенциальная историчность схватывает то, как человек внутренне переживает свою собственную деятельность.

Что же представляет собой экзистенциальный срез историчности? В цитированном выше фрагменте о трех формационных ступенях исторического процесса Маркс делает упор вовсе не на производственную составляющую (которая есть базис), а на человеческую, даже, можно сказать, экзистенциальную сторону исторического процесса, связанную с понятием *свободы*: история выступает как *процесс постепенного освобождения человека*. Этот момент представляется нам решающим в марксовской философии истории.

Мысль о прогрессе свободы (в которой узнается тень великого учителя Маркса – Г.В.Ф. Гегеля) формулируется Марксом еще в одной модели периодизации истории, которую можно было бы назвать *бинарной*. В этой модели все человеческое существование делится на *предысторию* (включающую в себя первичную и вторичную формации из предыдущей схемы, т.е. традиционное и индустриальное общества) и собственно *историю* (включает «постэкономическую» формацию). Иногда Маркс и Энгельс говорят о «царстве необходимости» (предыстория) и «царстве свободы» (история).

Чтобы понять сущность этой антропологической интерпретации истории Маркса, необходимо снова обратиться к его учению о сущности человека.

Выше мы отмечали, что способом человеческого бытия является деятельность [*die Tätigkeit*], в которой субъект и объект диалектически связаны. Сам способ этой взаимосвязи оказывается для Маркса весьма существенным, особенно в связи с переживанием самим человеческим существом данного способа.

Дело в том, что человек как *человек* может быть только через свою связь с миром, поэтому мир для Маркса – это *выражение человеческой действительности*, в которой человек осуществляет свою собственную действительность, в которой он только и становится человеческим. Человек всегда имеет *имманентную* потребность быть связанным с миром (с другими людьми, животными, растениями, природой, вещами, с самим собой) в *свободной творческой деятельности*, которая сама по себе, вне каких бы то ни было утилитарных целей, доставляет человеку наслаждение, конституированное нормальной формой общественного общения между субъектной и объектной сторонами человеческого бытия-в-мире. Именно такая деятельность является, с точки зрения Маркса, собственно человеческой (*par excellence*), в отличие от не-свободной, вынужденной жизнедеятельности животного, направленной сугубо на достижение конкретных целей по удовлетворению тех или иных бытийных потребностей.

Если человеческая деятельность реализуется как деятельность внутренне и внешне *свободная*, а такова она по своей имманентной сущности, то связь данного человека с миром экзистенциально переживается им как *наслаждение, удовольствие (Genuß)* [1, с. 568, 592–593, 608–609, 616; 2, с. 419]. Такую – подлинно человеческую, соответствующую понятию человека, форму праксиса Маркс называет *самодетельностью (Selbstbetätigung)* [1, 571; 2, с. 67–70, 72–73].

Но в конкретно-исторических условиях подлинный праксис фактически никогда не осуществляется человеком в своей тотальности, а если это и имеет место, то только для весьма ограниченного числа людей (как правило, из экономически господствующего класса, освобожденного от необходимости превращать свою деятельность в простое средство выживания, а не в цель). Большинство же людей (трудящиеся в широком смысле) вынуждены осуществлять деятельность, которая именуется *работой (die Arbeit)* и которая приносит им страдание, внутреннее опустошение и утомление, превращая человеческих индивидов в некоторое подобие скота. Такая форма деятельности называется *неподлинной, или отчужденной*.

В исторической ретроспективе диалектика подлинной и неподлинной деятельности может быть представлена следующим образом. В первобытном обществе, в условиях ограниченности и примитивности орудий труда, все члены общества были вынуждены осуществлять тяжелый повседневный физический труд (*die Arbeit*) в целях сохранения своего собственного наличного бытия. Но с развитием техники, организации производства и умений небольшая часть общества в определенных условиях освобождается от вынужденного труда (*die Arbeit*) и начинает заниматься только той деятельностью, которая им *нравится (die Selbstbetätigung)* и доставляет им *удовольствие (Genuß)*. С постепенным движением истории и соответствующим развитием производительных сил и производственных

отношений все большая масса населения освобождается от *труда* и получает доступ к *самодеятельности*; правда, пока только в виде постепенного увеличения *свободного времени*. Коммунизм же представляется Марксу как такое общество, в котором *все* индивиды будут осуществлять только *die Selbstbetätigung*: «Устранение капиталистической формы производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом» [2, с. 539].

Таким образом, для Маркса исторический процесс предстает в виде постепенного, во многих отношениях трагического движения от *die Arbeit* к *die Selbstbetätigung*, от *вынужденности* к *свободе*, от *отчуждения* к *полноте бытия*, от *неподлинности* человеческого бытия к его *подлинности*, от *страдания* к *удовольствию*. В структуре этого исторического движения при ближайшем рассмотрении можно выделить следующие три стадии:

1) тотальное господство *die Arbeit* (что соответствует первичной, доэкономической общественной формации);

2) разделение общества на социальные группы, одна из которых существует за счет другой в силу наличия излишков (позже – частной собственности), т.е. происходит *социальное* разделение между *die Arbeit* и *die Selbstbetätigung* (т.е. между страданием и наслаждением), характеризующееся неравенством (это характерно для экономической общественной формации);

3) тотальное господство *die Selbstbetätigung* при известном сохранении необходимого труда (*die Arbeit*), который, правда, уже не будет носить характер отчуждения и страдания, поскольку индивиды будут выбирать его свободно (постэкономическая общественная формация).

Итак, история приобретает своеобразное экзистенциальное измерение [7, с. 381], ибо акцент делается на то, как люди относятся к собственной деятельности и ее общественному характеру. В силу же того, что *die Arbeit* означает не-свободу, то она (*работа*) есть *бесчеловечность*, в то время как подлинность человеческого бытия, данная в наслаждении свободным творчеством *die Selbstbetätigung*, есть, напротив, *человечность*. Отсюда исторический процесс, по Марксу, разворачивается не только в сторону всесторонне развитой личности, господства творчества и свободы, действительного наслаждения своей свободной деятельностью, но и в сторону человечности. И в этом отношении, перефразируя известное из-

речение Ф. Энгельса, можно сказать, что коммунистическая революция есть скачок из «царства бесчеловечного существования человека» в «царство подлинной человечности» (см. [8, с. 39–42]).

Самое важное в этом деятельностном срезе истории состоит в том, что Маркс в своих работах достаточно подробно исследует то, каким образом *die Arbeit* и *die Selbstbetätigung* влияют на человеческих индивидов: как работа в качестве отчужденного труда уродует внешний и внутренний мир рабочего; как свободная, казалось бы, деятельность капиталиста в условиях отчуждения также приносит ему страдания – одиночество, пресыщенность, скуку и другие несчастья. «Имущий класс и класс пролетариата представляют одно и то же человеческое самоотчуждение (*menschliche Selbstentfremdung*). Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, воспринимает отчуждение как свидетельство своего собственного могущества и обладает в нем видимостью человеческого существования (*Schein einer menschlichen Existenz*). Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении (*Entfremdung*) уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования (*Wirklichkeit einer unmenschlichen Existenz*)» [8, с. 39].

Только коммунистическая революция сбрасывает «себя всю старую мерзость» и не уничтожает один господствующий класс, заменяя его другим господствующим классом, а искореняет «современную форму деятельности» [2, с. 70], т.е. труд (*die Arbeit*): «...при всех прошлых революциях характер деятельности всегда оставался нетронутым, – всегда дело шло только об ином распределении этой деятельности, о новом распределении труда между иными лицами, тогда как коммунистическая революция выступает против прежнего *характера* деятельности, устраняет *труд*» [Там же].

Наслаждение и радость возможны только тогда, когда человеческая деятельность перестает быть работой, вынужденным трудом, осуществляемым ради физического выживания, и становится самодеятельностью. Деятельность же, совершающаяся в условиях, когда уничтожен отчужденный труд, по сути дела, совпадает с наслаждением, так как тогда «...отпадает самая основа всей этой противоположности между трудом и наслаждением!» [2, с. 206].

Если попытаться представить в виде схемы подходы К. Маркса к периодизации исторического процесса, получим следующие модели:

Первичная (доэкономическая) формация	Вторичная (экономическая) формация	Третичная (постэкономическая) формация
Всеобщее господство <i>die Arbeit</i>	Классовое разделение <i>die Arbeit</i> и <i>die Selbstbetätigung</i>	Всеобщее господство <i>die Selbstbetätigung</i>
Предыстория		История
Царство необходимости		Царство свободы
Бесчеловечное существование человека		Подлинная человечность

Подводя итог предпринятому исследованию, можно сказать, что философия истории Маркса включает не только собственно социально-производственное понимание исторического процесса, сформулированное в его учении об общественных формациях и способах производства. Социальные процессы производства и воспроизводства наличного бытия человеческих индивидов, безусловно, являются *базисными*. Более того, именно их анализ позволяет научно объяснить историческую динамику социального бытия. Но для Маркса социально-производственные процессы – всего лишь фундамент, проанализировав который, мы можем пробиться к собственно человеческому, экзистенциальному срезу исторического процесса. А этот срез эксплицирует, что история представляет собой не только естественно-историческую закономерную смену способов производства и общественных формаций, но и параллельное освобождение человека от бесчеловечности, постепенное превращение его в подлинно че-

ловеческое существо, сущность которого заключается в способности свободно осуществлять свою творческую деятельность (*die Selbstbetätigung*), наслаждаясь ею. К сожалению, такая экзистенциальная интерпретация истории в работах К. Маркса до сих пор остается незамеченной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 3.
3. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Там же. Т. 46, ч. 1.
4. Маркс К. Ницета философии // Там же. Т. 4.
5. Маркс К. Капитал // Там же. Т. 23.
6. Фромм Э. Психоанализ и этика. М: Республика, 1993.
7. Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 2.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

В.В. БОБРОВ

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПРЕДМЕТУ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ*

канд. филос. наук, ученый секретарь
Института философии и права СО РАН
secretar@philosophy.nsc.ru

В статье на примере проблемы нормативного регулирования отношений собственности показана актуальность социально-философского знания. Для обеспечения его востребованности в российском обществе автор предлагает специалистам в области социальной философии разобраться с сущностью и содержанием таких понятий, как «философия» и «социальное», что поможет определиться с предметом своей научной и учебной дисциплины.

Ключевые слова: *социальное, факторы социального, философия, собственность.*

Возврат к данной теме обусловлен необходимостью решения проблемы, банально простой с точки зрения методологии познания, но чрезвычайно сложной в силу ее социальной обусловленности. Речь идет о проблеме обеспечения научности философского знания при исследовании социальных объектов, процессов и явлений.

Возникает вопрос: почему эта проблема названа банальной? Да потому, что уже в средние века с развитием естественно-научного познания существовала четкая установка на получение достоверного, экспериментально подтверждаемого знания (например, Р. Бэкон). Ф. Бэкон в дальнейшем даже разработал методологию решения этой задачи. Говоря о познавательном процессе, он, в частности, выделил в нем четыре препятствия: идола рода, пещеры, площади и театра [2, с. 18–20]. В нашем случае полезно познакомиться с двумя последними.

По поводу идолов театра Ф. Бэкон написал: «Сколько есть принятых или изобретенных философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры ... При этом мы разумеем здесь не только общие философские учения, но и многочисленные начала и аксиомы наук, которые получили силу вследствие предания, веры и беззаботности» [2, с. 19, 20].

В этой фразе можно увидеть многое, однако главным в ней выступает такой признак философского знания, как его гипотетичность. Это достоверный факт, подтверждаемый всей историей философии. Его следует не только признавать, но также учитывать при знакомстве с философскими трудами и делать предметом анализа при решении конкретных исследовательских задач. Например, А. Пуанкаре считал, что «есть гипотезы разного рода: одни допускают проверку и, подтвержденные опытом,

становятся плодотворными истинами; другие, не приводя нас к ошибкам, могут быть полезными, фиксируя нашу мысль; наконец, есть гипотезы, только кажущимися таковыми, но сводящиеся к определениям или к замаскированным соглашениям» [3, с. 7, 8].

Есть и другая сторона этой проблемы, а именно, потребность людей в гипотетическом знании. Действительно, почему, несмотря на постоянную критику тех или иных философских воззрений, новое философское знание воспроизводится с завидной интенсивностью и настойчивостью? Ответ на этот вопрос лежит в области потребностей человека, нуждающегося в силу наличия у него самосознания в информации, объясняющей причины и тенденции развития тех или иных объектов, явлений и процессов, на которые экспериментальная наука не способна в данный момент адекватно ответить.

Вымышленность и искусственность многих миров, описанных в философских системах, во времена Ф. Бэкона стала настолько очевидной, что естественные науки с определением своей предметности стали одна за другой дистанцироваться от них. Философия Ф. Бэкона послужила естествоиспытателям в этом деле надежным идейным обоснованием и нравственным оправданием.

С накоплением достаточного количества естественно-научных знаний и получением необходимого опыта разработки собственной методологии научного познания в XIX в. произошел дальнейший отход естественных наук от известных философских систем. Философы в ответ предложили так называемую положительную философию, суть которой сводилась к правильному обобщению фактов и формированию на этой основе, по словам О. Конта, новой религии. Он же положил начало созданию социологии как положительной науки об обществе.

Насколько же современное понимание назначения философии ушло от представлений о ней в упомяну-

* Подробнее см. [1].

тые времена. Практически осталось на том же уровне. В статье, посвященной предмету социологии, нам пришлось обратиться к определениям философии, сформулированным известными авторитетами в данной области (см. [4]). Все они излагали свое видение о ней в тесной связи с задачами, которые им пришлось решать. Общим признаком содержания философии по умолчанию выступала ее гипотетичность.

Философам, конечно, не хочется признавать это важнейшее качество философского знания. Ибо в случае признания данного факта придется вступить в открытую полемику с писателями, пишущими на темы научной фантастики, естествоиспытателями, выдвигающими научные гипотезы, обществоведами, делающими выводы в форме предположений и т.д. Но это необходимо, потому что все предположения на любые темы жизнедеятельности человека, ориентированные на поиск первопричин и показывающие на их основе тенденции развития объектов, процессов и явлений, так или иначе претендуют на статус философского знания. Их значение и востребованность практикой незамедлительно повышаются, если обеспечивается высокое качество раскрытия существенных характеристик изучаемого объекта, процесса или явления, используется надежный алгоритм познания, квалифицированно рассматриваются ценностные основания и т.д.

Основным препятствием на пути получения научного знания здесь по Ф. Бэкону являются «идолы площади», «которые происходят как бы в силу взаимной связанности и сообщества людей» [2, с. 19]. Проще говоря, каждый человек, завоевав в процессе конкурентной борьбы то или иное общественное положение (социальный статус, рабочее место), стремится его удержать, ибо в условиях общественного разделения труда оно представляет для него источник ресурсов жизнедеятельности. Существенное значение здесь имеет также потребность в социальном пространстве, наличие которого обозначается понятием «авторитет». Хотя проявление социального пространства может быть различным (научный, должностной, нравственный и т.п.), все, в конечном счете, фокусируется на профессиональных качествах научного работника (или педагога), на его способностях повышать свою квалификацию, умение видеть перспективу в развитии избранной сферы познания и т.д.

Если эти качества у научного работника (педагога) недостаточно развиты, то он в любом необычном и новом для себя видении научной проблемы воспринимает посягательство на свою позицию, представленную в диссертации, монографии, статьях или учебных программах. Общественная необходимость нововведений им вообще, как правило, не рассматривается, даже в тех случаях, когда он в соответствии с должностным положением обязан это делать. Не зря А. Пуанкаре писал, что большинство научных школ прекращает свою деятельность со смертью своих создателей.

В качестве примера борьбы за социальное пространство можно взять публикацию Ю.В. Попкова и Е.А. Тюгашева, написанную [5] по результатам дискуссии, состо-

явшейся в 2002–2004 гг. на страницах журнала «Личность. Культура. Общество» на тему «Современная социальная философия: предмет и пути развития». На что обратили свое внимание авторы данной статьи?

Во-первых, «в ходе дискуссии не удалось достичь сближения позиций в понимании предмета социальной философии» [5, с. 43].

Во-вторых, развитие социальной философии «оценивается как ее упадок, регресс, выражающийся в уменьшении общественного влияния и социальной значимости. Предмет социальной философии представляется перманентно ограничиваемым из-за перехвата ее традиционной проблематики, с одной стороны, специальными философскими дисциплинами (например, философией истории, философией культуры, философией политики и т.п.), с другой стороны – социологией, политологией, культурологией» [5, с. 43, 44].

В-третьих, «по умолчанию объектом социальной философии считается, в большинстве случаев, общество. ... Что является предметом в объекте, решает познающий субъект» [5, с. 44], т.е. социальные философы. Как бесхитростно заявил один из участников данной дискуссии, социальной философией является то, чем занимаются социальные философы.

Знакомство с материалами данной дискуссии и откликами на нее показывает непонимание ее участниками сущности и содержания двух ключевых понятий: «философии» и «социального». Поэтому предложенные ими версии «предмета» социальной философии дополнили, по Ф. Бэкону, список «вымышленных и искусственных миров», общественная польза которых минимальна в силу того, что у их авторов такое же превратное представление о содержании не только философии, но и ключевом для них понятии «социальное». В качестве примера полезно познакомиться с работами известных специалистов в данной области научного знания.

Журнал «Социологические исследования» в 2003 г. опубликовал статью А.О. Бороноева и П.И. Смирнова «О понятиях “общество” и “социальное”» (см.: [6, с. 3–11]), авторы которой продемонстрировали свою информированность по данной проблеме, показали актуальность поднимаемых вопросов, однако не сумели предложить путей и способов их разрешения. Например, если обществом в их понимании является «система субъектного типа, основанная на деятельностном взаимодействии людей», то вопрос о сущности и содержании понятия «социальное» вообще остался без ответа.

В своей работе «Введение в социальную философию» К.Х. Момджян за отправную точку анализа взял суждения С.Л. Франка: «Что такое есть собственно общественная жизнь? Какова та общая ее природа, которая скрывается за всем многообразием ее конкретных проявлений в пространстве и времени? ...Какое место занимает общественная жизнь в жизни человека, каково ее истинное назначение?» [7].

Эти вопросы требуют однозначного ответа о сути и содержании понятия «социальное». Однако К.Х. Мом-

джан, так же как А.О. Бороноев и П.И. Смирнов, ушел от необходимости решения данной задачи. Кроме того, в отличие от С.Л. Франка, он написал, что «социальная философия призвана ответить на вопросы: что мы называем обществом, чем оно является и чем оно не является, почему и как оно существует в мире, каковы условия, механизмы и формы его реального исторического бытия» [7].

Такого рода упражнений для ума, совершенно далеких от социальной действительности, в научной и околонаучной литературе более чем достаточно. Между тем, принимая в качестве сущностного признака философского знания его гипотетичность и осознавая актуальную востребованность этих знаний людьми, мы должны обеспечить научную обоснованность и аргументированность выдвигаемых философских концепций. В качестве исходных положений для предположительных рассуждений необходимо брать достоверные научно доказанные факты объективной действительности. Если говорить о социальной философии, то ее назначение заключается «в анализе и обобщении имеющегося достоверного эмпирического материала и постановке актуальных проблем в социальном развитии социальных объектов» [4, с. 69], процессов и явлений.

Для индивида как относительно автономного существа, находящегося в режиме постоянного обмена с внешней средой веществом и энергией, социальное, т.е. «межтелесное», является одним из способов разрешения данного противоречия – противоречия между организмом и внешней средой. Использование им этого способа происходит в процессах взаимодействия между себе подобными в различных сферах жизнедеятельности посредством определения правомочий, обязанностей и ответственности участников в интересах достижения тех или иных общезначимых целей. Социальные объекты, процессы и явления возникают под воздействием четырех групп факторов: актуализированных потребностей индивидов в совместной деятельности, при наличии между ними информационного обмена, инициаторов (зачинщиков, организаторов, лидеров) и единых правил взаимодействия. Только в этом случае потенциальная энергия объединенных (организованных) индивидов войдет в русло актуальной общественно полезной деятельности. Устранение действия любого из перечисленных факторов приводит к распаду сообщества на атомизированных индивидов.

Эти выводы достаточно очевидны, и любой человек на практике может убедиться в их достоверности. Поэтому говорить о предмете социальной философии мы должны только в рамках этих четырех групп факторов, образующих разнообразные социальные объекты, процессы и явления и, следовательно, сам предмет социальной философии.

Представителям социальной философии не следует жаловаться по поводу снижения актуальности своей научной и учебной дисциплины. Никто не перехватывает ее проблематику. Напротив, она в настоящее время чрез-

вычайно востребована, и от специалистов по социальной философии ждут активного включения в процесс обсуждения широкого спектра вопросов, волнующих российское общество. Но для этого им необходимо действовать в рамках всех четырех факторов социального, чтобы выводы и предложения из результатов социально-философского анализа имели надежную эмпирическую основу. В качестве примера рассмотрим некоторые факты, наглядно свидетельствующие о необходимости такого подхода к решению актуальных задач в социальном развитии российского общества.

Перестройка в Советском Союзе началась с провозглашения построения «социализма с человеческим лицом», а ее результатом стало изменение соотношения между государственной и частной формами собственности в пользу последней. Иначе говоря, был взят курс на смену субъектов собственности. Основными аргументами для идейного обоснования и нравственного оправдания таких перемен стали лозунги эпохи ранних буржуазных революций: человек от рождения имеет право на собственность; частная собственность неприкосновенна; собственник имеет полную власть над своей собственностью и т.д. И хотя каждое из перечисленных утверждений нельзя назвать научно обоснованным, все они стали идейным обоснованием для формирования соответствующих законодательных норм, регулирующих взаимоотношения между людьми.

На Конституционном совещании, состоявшемся в 1993 г. по проекту Конституции РФ, при обсуждении проблемы собственности на землю С.М. Шахрай отметил у выступавших пуганицу «между землей как объектом хозяйствования и правом гражданина на земельный участок». Ю.Х. Маиров заявил, что «Кабардино-Балкария рассматривает землю не как средство производства, а как средство обитания малых народов». Важное замечание сделал также С.А. Пономарев: «Мы смешали две вещи: вообще право на собственность и каким образом регламентировать право на собственность по отдельному предмету» [8, с. 130, 139].

В другой группе эта проблема рассматривалась в духе деклараций эпохи Нового времени, поэтому В.В. Кузьминок попросил экспертов ответить на вопрос: «Частная собственность приобретается потом, в процессе согласия, по договору. И я не могу понять, почему право частной собственности является естественным» [9, с. 258].

В.Н. Вереницкий, ссылаясь на пример ФРГ, настаивал на необходимости включения в текст Конституции РФ положения, обязывающего собственников использовать собственность в интересах общества. Против его предложения резко выступили М.Х. Халитов и В.Г. Тарасенко (см.: [10, с. 198–201]). В целом возобладало упрощенное мнение об этой сложной проблеме, закрепленное затем в действующей Конституции РФ.

Это сказалось на последующей работе законодателей. Обратимся к стенограммам заседаний Государственной Думы Федерального собрания Российской

Федерации по обсуждению Земельного кодекса РФ. В этих материалах хорошо видно столкновение двух подходов к нормативному регулированию проблемы отношений собственности на землю. Президент РФ и Правительство РФ настаивали на всестороннем включении земли в рыночный оборот. Законодатели, напротив, не допускали такого развития событий.

При втором чтении первого варианта Земельного кодекса РФ депутаты отвергли поправки Правительства России, направленные на закрепление за ним права на продажу земель, использование земли от своего имени в качестве залога, разрешение продажи земли в городах и на селе (см.: [11, с. 71, 72]). По этой причине Президент РФ дважды (21 июля 1997 г. и 4 июня 1998 г.) отклонял подготовленный законодателями Земельный кодекс РФ.

В 2001 г. ситуация изменилась. В Государственную Думу РФ поступил проект Земельного кодекса от имени самого Президента РФ. И хотя вокруг него также шла ожесточенная полемика, но благодаря наличию среди депутатов пропрезидентского большинства в кратчайшие сроки он был принят (см.: [12, с. 271–354; 13, с. 124–130]). Система аргументов, использованных сторонами в ходе обсуждения, не отражала сущности собственности как признанной социальным окружением воли субъекта социального действия, распространяемой им различными формами физического, экономического, нормативного или духовного насилия на ресурсы жизнедеятельности, средства и сферы для их производства, а также на их эквивалент, представленный в денежном выражении (см.: [14, с. 36–46]). Не менее серьезным недостатком явилось отсутствие со стороны законодателей попыток разобраться в структуре объекта собственности.

Если бы депутаты имели четкое представление о собственности как социальном явлении и рассматривали ее объекты во всех измерениях, то притязания противоборствующих сторон им пришлось бы нормативно согласовывать на уровне общегосударственных интересов. В этом случае им, в частности, пришлось бы землю структурно анализировать как а) территорию для проживания, б) средство производства, в) источник лесных, водных, подземных и других ресурсов. Однако на практике этого не произошло. Поэтому при обсуждении других законопроектов они постоянно сталкивались и продолжают сталкиваться с необходимостью решения этой проблемы.

Этот частный пример наглядно показывает, что борьба за принятие тех или иных законов, направляющих потенциальную энергию людей в русло определенной актуальной деятельности, диктуется потребностями социально активной части населения страны, соответствующим образом идейно обосновывается и нравственно оправдывается. Однако, проживая на единой территории и в условиях общественного разделения труда, мы вправе требовать от законодателей противостоять натиску социально-групповых интересов и в нормативном насилии реализовывать общегосударственные потребности. Толь-

ко в этом случае их деятельность может рассматриваться как общественно полезная.

Отечественные социальные философы от проблем такого рода, как правило, далеки. Имеющиеся у социологов попытки обозначить свою причастность к исследованию отношений собственности свидетельствуют о непонимании сути изучаемых проблем. Примером служит публикация, посвященная широковетательной теме «Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян» [15], авторы которой при организации исследования не опирались даже на существующие в стране организационно-правовые формы собственности.

Современное российское общество нуждается в предметном изучении динамично протекающих в стране социальных процессов с позиции общегосударственных интересов России, предполагающих: а) во внешней политике обеспечение территориальной целостности страны, ее политической, экономической и духовной независимости; б) во внутренней политике рост количественных и качественных характеристик человеческого потенциала, динамичное производство совокупного общественного продукта и его рациональное использование, сохранение среды обитания для будущих поколений и т.д. Вклад социальной философии в решение этих задач позволит консолидировать деятельность представителей всех общественных и гуманитарных наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров В.В. О предмете социальной философии // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 1.
2. Бэкон Ф. Новый Органон. Афоризмы об истолковании природы и царства человека // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2.
3. Пуанкаре А. О науке / Пер. с франц. М.: Наука, 1983.
4. Бобров В.В. О предмете социологии // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 1.
5. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Предмет социальной философии: духовно-практическое измерение // Вестн. НГУ. Серия: Философия. 2008. Т. 6, вып. 1.
6. Бороноев А.О., Смирнов П.И. О понятиях «общество» и «социальное» // Социологические исследования. 2003. № 8.
7. Момджян К.Х. Введение в социальную философию // <http://www.vusnet.ru/biblio/archive/momgan>
8. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. М.: Юрид. лит., 1995. Т. 3.
9. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. М.: Юрид. лит., 1995. Т. 4.
10. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. М.: Юрид. лит., 1995. Т. 7.
11. Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Осенняя сессия. Т. 23. 22 ноября – 22 декабря 1995 г. М.: Известия, 1996.
12. Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Т. 18 (98). 2001. Весенняя сессия. 13–22 июня. М.: Изд. Гос. Думы, 2003.
13. Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Т. 21 (101). 2001. Осенняя сессия. 19 сентября – 10 октября. М.: Изд. Гос. Думы, 2003.
14. Черненко А.К., Бобров В.В. Целевая составляющая и аксиологические основания правовой технологии: социально-философский аспект. Новосибирск: Изд-во ГЦРО, 2003.
15. Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян. М.: Наука, 2006.

А.А. ИЗГАРСКАЯ

ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МИРОСИСТЕМНОМ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

докторант Института философии и права СО РАН,
канд. филос. наук, доцент кафедры
Новосибирского государственного
педагогического университета
e-mail: izgarskaya@online.nsk.su

Статья посвящена исследованию пространства социальных отношений с позиций геополитической теории и миросистемного анализа. Автор строит типологию пространств социальных отношений и намечает путь создания теоретического инструментария для анализа обществ разных уровней миросистемы.

Ключевые слова: *геополитические преимущества, геополитические неудобства, уровни миросистемы.*

Борьба за капитал и борьба за пространство являются важнейшими характеристиками нашей эпохи. Среди направлений современной науки особый акцент на проблематике, связанной с этими явлениями человеческого социума, делается, соответственно, в миросистемном подходе и геополитической теории. Необходимо отметить, что проблема синтеза геополитической теории и миросистемного подхода, поставленная Р. Коллинзом еще в 1990-е гг., остается нерешенной. Представленная статья намечает один из путей, ведущих к решению данной проблемы.

Для синтеза теорий миросистемного подхода с геополитической теорией необходим общий понятийный аппарат. Понятие «пространство социальных отношений» позволяет рассмотреть геополитические и миросистемные теоретические конструкции в едином концептуальном ключе.

Пространство социальных отношений состоит из многообразных связей, возникающих в процессе экономической, социальной, политической и культурной жизни человеческих обществ. Субъекты социальных отношений многочисленны, ими могут быть отдельные личности, социальные группы, государства, нации. Субъекты одного типа могут иметь пространства социальных отношений относительно одинаковые или разные по своим характеристикам, которые указывают на место и роль этого субъекта в системе, дают представление о границах и уровнях его деятельности. Высшим уровнем пространства социальных отношений является миросистема. Одним из главных условий ее существования выступает обширное, как отмечает И. Валлерстайн, «не просто функциональное, т.е., профессиональное, а географическое разделение труда» [1, р. 348]. Оно возникает частично под воздействием экологических факторов, но в большей мере в результате функционирования системы организации труда, которая выражается в поляризации системы отношений «ядро–полупериферия–периферия».

Среди субъектов социальных отношений особое место принадлежит национальным государствам, которые выступают своеобразными «медиаторами» между явлениями и процессами наднациональных макросистем и обществами, находящимися под их юрисдикцией. Геополитические, а также миросистемные преимущества и неудобства составляют базовые характеристики пространства социальных отношений: они задают направленность стратегий государства во внешней и внутренней политике. Поэтому исследованию стратегий конкретных государств и динамик обществ, находящихся под их юрисдикцией, должен предшествовать анализ тех геополитических и миросистемных характеристик пространства социальных отношений, в которое эти государства и общества включены. А поскольку набор характеристик, как правило, различен, появляется потребность в построении типологии пространств социальных отношений.

Чтобы создать такую типологию, будем использовать, с одной стороны, базовые геополитические характеристики преимуществ и неудобств занимаемого государством пространства – окраинность и центральность, большая и малая территория. С другой стороны, позаимствуем базовые миросистемные характеристики социальных отношений, а именно, «ядро», «полупериферия», «периферия», которые также представляют набор преимуществ и неудобств и составляют своего рода «внешнее принуждение, определяющее приделы выживания» каждого субъекта системы [2, с. 262]. В результате получаем 12 идеальных типов пространств социальных отношений в миросистеме (см. таблицу). Каждый тип является результатом синтеза ряда положений геополитической теории и миросистемного подхода и может служить основой для анализа национального государства как субъекта внутренней и внешней политики.

Типы пространств социальных отношений в миросистеме

Геополитические параметры			Статус государства в миросистеме		
Территория влияния	положение в системе	тип	ядро	полупериферия	периферия
Большая	Окраинное	1	А	Б	В
	Центральное	2	А	Б	В
Малая	Окраинное	3	А	Б	В
	Центральное	4	А	Б	В

Объединенные в таблице характеристики пространства можно понимать как параметры переменных. Обозначим их взаимосвязи при помощи тренд-структуры (см. схему). Полученная модель неполная, в ней указаны только взаимосвязи геополитических переменных (точнее, переменных общей модели роста и упадка государства Р. Коллинза и Т. Скочпол [3, с. 138]) с основными миросистемными переменными – «долей прибыли от неравного обмена» и «уровнем решаемых задач».

Для уяснения характеристик полученных типов раскроем содержание используемых в таблице понятий. Ядро, полупериферия и периферия – основные структурные элементы миросистемы. Миросистемный подход, в отличие от теории модернизации, не подразумевает существования плавного перехода страны с одного уровня на другой. Считается, что переходы в другую группу крайне редки и приравниваются к аномалиям. Поэтому структура «ядро–полупериферия–

периферия» отражает лишь иерархическое устройство миросистемы и самовоспроизводимое неравенство ее элементов, а не уровни одной общей переменной, как это обнаруживается в теории модернизации. Модели развития стран ядра, полупериферии и периферии различны. Рассмотрим особенности развития структурных элементов миросистемы.

В теории развития экономической отсталости (И. Валлерстайн, А.Г. Франк, С. Амин) формулируется тезис о стагнации периферийных стран (группа «В» в таблице). Экономика таких стран внешнеориентирована и часто зависит от какого-то одного экспортного производства. Товары широкого потребления импортируются. Высокий уровень концентрации капитала и искаженное распределение доходов порождает бедность. Образуется широкий слой деклассированных групп населения, не связанных с динамически развивающимся экспортным сектором. В условиях неравно-

Базовая модель роста и упадка государства в миросистеме

го обмена, когда в результате скрытой передачи прибавочной стоимости с периферии в страны ядра процесс развития промышленных отраслей периферии блокируется, запас рабочей силы, как отмечает С. Амин, не может стать основой роста капиталистической промышленности [4].

Ф. Кардозо и Т. Дос Сантос, напротив, исследуют условия экономического роста периферии. Ф. Кардозо утверждает, что в современном мире зависимость и развитие не противоречат друг другу, так как современный капитализм характеризуется новым типом международного разделения труда. Движущей силой происходящих изменений являются ТНК. Их интересы до некоторой степени совместимы с экономическим ростом периферии. Если инвестиции иностранного капитала будут нацелены на производство и продажу продуктов потребления растущего городского сектора и высших слоев общества периферии, то это обеспечит быстрый рост некоторым решающим отраслям экономики [5]. Источником роста, как считает Т. Дос Сантос, может являться не финансовый капитал, а контроль над технологиями. Местные промышленники, связывая себя с ТНК в поисках доступа к технологиям, начинают процесс денационализации промышленности. Этот процесс может не базироваться на иностранном капитале. При финансировании совместных предприятий филиалы ТНК часто опираются на местный капитал. Экспорт капитала и в этом случае имеет место (например, лицензионные платежи), однако он не снижает благотворного воздействия ТНК на развитие экономик стран периферии. Таким образом, при определенных условиях ТНК разрывают сети передач прибавочной стоимости от периферии к лидирующим экономикам.

В миросистемном подходе полупериферийные государства (группа «Б»), часто понимают как государства, занимающие промежуточную позицию в сети неравного обмена. Считается, что они получают незначительную прибыль, вступая в процессы обмена товарами с ядром, но выигрывают в прибыли, участвуя в обмене с периферией. Такое понимание полупериферии в силу того, что определение термина «полупериферия» дается через смесь характеристик «ядра» и «периферии», приводит к возникновению множественных, часто противоположных, классификаций государств данного уровня. Например, Дж. Бартон, Р. Гвейнн, В. Мюррей полагают, что наиболее развитые страны полупериферии можно понимать как «полуцентры» [6]. Несомненно, к группе «полупериферия» относятся страны, экономическое благополучие которых может быть различно, точно так же как и в группах стран «ядра» и «периферии». Однако понимание полупериферии через смесь качеств ядра и периферии ведет, по мнению У. Мартина, к расхождению понимания сущности и динамики стран данной зоны [7, с. 5].

Способ существования и развития обществ полупериферии в корне отличается от способов существования и развития обществ в ядре и периферии. В от-

личие от стран ядра (группа «А»), формирующих миросистему и аккумулирующих большую часть мировых богатств, полупериферийные общества вынуждены постоянно сопротивляться эксплуатации или исключению их из системы усилиями стран ядра. «Борьба против исключения» и «борьба против эксплуатации» – это две противоположные стратегии поведения полупериферии [8]. Борьба против исключения – это борьба за безопасную нишу в мировом разделении труда посредством специализации своей экономики и исключения конкурентов из области специализации. Данная стратегия имеет свой предел. Во-первых, она ведет к интенсивной эксплуатации полупериферийных стран со стороны ядра. Во-вторых, ядро по мере роста специализации полупериферии увеличивает свою способность исключать данную страну из различных областей деятельности и социальных отношений, контролировать ее доступ к источникам недостающих ей ресурсов. Со временем стратегия «против исключения» начинает сдерживать рост общества и, если к власти приходят силы, способные противостоять внешнему давлению, то стратегия может смениться на противоположную.

Основным средством «борьбы против эксплуатации» становится создание внутри общества системы разделения труда относительно автономной от мировой. Успех стратегии зависит от: широты диапазона действий, которые может взять на себя общество; самоисключения и/или исключения полупериферии из системы неравного обмена с ядром; вовлечения в отношения неравного обмена периферии. Стратегия вначале дает мощный импульс развитию. Однако позже, не имея доступа к самым богатым рынкам и источникам инноваций, государство начинает терять накопленные преимущества, и появляется тенденция к встраиванию в мировую систему.

При переходе от одной стратегии к другой, а также при их чередовании в истории страны накопленный капитал и позиционные преимущества каждый раз утрачиваются в результате затрат на внутреннее переустройство общества.

Стратегия «против эксплуатации» больше свойственна обширным государствам («1Б», «2Б») и чрезвычайно затруднительна для государства с маленькой территорией («3Б», «4Б»), так как оно не может существовать в мире торговых барьеров.

В период возникновения трудностей в накоплении капитала у стран ядра некоторые страны полупериферии получают шанс изменить свое положение в системе. Это, как правило, окраинные государства с мощным внутренним рынком и достаточно обширной территорией влияния.

Теперь уточним базовые геополитические характеристики пространства социальных отношений. Один из принципов геополитической теории Р. Коллинза гласит, что государство, имеющее территориальное и ресурсное преимущества, расширяется за счет бедных и менее обширных государств [9, с. 237]. В представ-

ленной выше таблице параметры «территория» и «ресурсы», как может показаться, разведены. Переменная «территория влияния» представлена как геополитический параметр, а ресурсы – как миросистемный. Это действительно так, но лишь отчасти. Геополитический параметр «территория влияния» включает в себя не только площадь территории, но и обширность ее ресурсного потенциала. Ресурсы как миросистемный показатель, напротив, – это не потенциальные, а уже активизированные и распределенные в соответствии с иерархией субъектов миросистемы богатства.

Критерии «большой» и «малой» территорий установим, используя результаты исследований Р. Коллинза и экономистов А. Алесины и Э. Споларэ [10]. Страна с большой территорией – это часть поверхности земного пространства, находящаяся под юрисдикцией определенного государства и характеризующаяся большой численностью населения, широким набором стратегических сырьевых ресурсов, обширным внутренним рынком, сложной системой районирования, позволяющей перераспределять доход между богатыми и бедными регионами.

Опасной ситуацией для целостности обширной страны является чрезмерный груз контроля, возникающий в результате непомерного расширения границ и превращения «окраинного» государства (группа «1») в «центральное» (группа «2»).

Неблагоприятным фактором, влияющим на целостность государства, является идеологическая и культурная разнородность населения, которая усиливается при неравномерном распределении общественных благ между гражданами разных регионов обширной страны. Преимущества в доступе к социальным благам часто обеспечивают такие факторы, как близость к столице, центральным аэропортам, узлам скоростных магистралей и т.д. Окраинное государство ядра («1А»), используя свои ресурсы, легче добьется снижения негативного влияния идеологической и культурной разнородности, чем центральные государства ядра («2А») и, конечно же, будет гораздо эффективнее в этом, чем государства полупериферии («1Б», «2Б»). Страны полупериферии и периферии, как было отмечено выше, в процессе экономической интеграции в международную экономическую систему и мировое разделение труда обретают некоторую специализацию. В результате роль внешних экономических и торговых отношений возрастает, а роль внутреннего рынка и обширной территории в организации жизнедеятельности страны снижается, что в свою очередь усиливает разнородность населения и может привести к дезинтеграционным процессам. Поэтому для полупериферийных («1Б», «2Б») и периферийных («1В», «2В») стран с большой территорией опасность представляет также ситуация, в которой высокий уровень разнородности населения сочетается с переходом к узкой специализации страны в мировой экономике. Усиливая друг друга, эти факторы будут отрицательно влиять на экономическое благополучие и целостность страны.

Страна с малой территорией (группы «3» и «4») испытывает недостаток в собственных стратегических сырьевых ресурсах. Государства таких стран стремятся заручиться поддержкой более сильных и богатых субъектов международной политики. Заключая с ними военно-политический союз, они снижают расходы на оборону, повышают свой статус в мировой системе и будут стремиться в случае окраинного положения, расширить свою территорию. Внешний рынок для такой страны жизненно необходим [10, р. 82].

Окраинное положение – это стратегическая позиция государства, когда его границы защищены от границ потенциальных противников некоторым географическим фактором или оно располагается на границе «вакуума мощи». Такие государства (группы «1» и «3») требуют меньше затрат на оборону и склонны расширять территорию. Обширные окраинные государства (группа «1») имеют преимущество в стратегическом плане. Во время войны их позиция более безопасна, чем у центральных государств, а частичный разрыв внешнеэкономических связей не будет опасен при наличии большого внутреннего рынка. Малые окраинные государства (группа «3»), имея выходы к Мировому океану, а, следовательно, и к самому дешевому виду перевозок товаров, получают шанс активно участвовать в международной торговле и могут пополнять свой бюджет, заключая договора о транзите товаров, с блокированными странами.

Центральное положение – стратегически невыгодная позиция государства, когда его границы на большем протяжении соприкасаются с границами потенциальных противников. Такие государства (группа «2», «4») имеют тенденцию заключать добровольные или принудительные союзы с более могущественными государствами и/или дробиться с течением времени.

Синтез геополитической теории и миросистемного подхода, а точнее, теоретических положений, относящихся к отдельным типам пространств социальных отношений, обеспечивает получение инструментария, который позволяет более детально, чем это возможно на основе базовой модели, исследовать динамику обществ, соответствующих данным типам, как структурных элементов миросистемы. Например, геополитический механизм роста и упадка государства будет действовать в условиях двух разных миросистемных стратегий, если пространство социальных отношений, в которое оно включено, обладает характеристиками большой окраинной («1Б») или центральной («2Б») полупериферии. Следовательно, теоретическая модель развития обширной полупериферии будет выглядеть несколько иначе, чем базовая модель. На ее основе можно исследовать динамику развития таких стран, как Россия. В данном случае модель применима примерно с XVI в. – с начала формирования единого рынка и объединения земель вокруг Московского княжества. Интересные результаты можно получить, проверив модель на данных истории США (периода полупериферии), Китая, Индии и других стран,

которые в прошлом были или являются в настоящее время территориально обширными полуперифериями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wallerstein I.* The modern world-system I: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. N.Y.: Academic Press, 2007. 412 p.

2. *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера, Ессе Ното, 2003. 272 с.

3. *Изгарская А.* Реконструкция геополитических концепций // Макродинамика: закономерности геополитических, социальных и культурных изменений / Отв. ред. Н.С. Розов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 2002. С. 5–158.

4. *Amin S.* World poverty, pauperization and capital accumulation // Monthly Review. 2003. Vol. 55. P. 1–27.

5. *Cardoso F.* Industrialization, dependency and power in Latin America // Berkeley Journal of Sociology. 1973. Vol. XVII. P. 79–95.

6. *Barton J., Gwynne R., Murray W.* Competition and cooperation in the semiperiphery: closer economic partnership and sectoral transformations in Chile and New Zealand // The Geographical J. 2007. Vol. 173. P. 224–241.

7. *Martin W. G.* The place of the semiperiphery in the Modern world-system. Introduction: the challenge of the Semiperiphery // Semiperipheral states in the world-economy. N.Y.: American Sociological Association. Greenwood Press, 1990. P. 3–10.

8. *Arrighi G.* The developmentalist illusion: a reconceptualization of the semiperiphery // Semiperipheral states in the world-economy. N.Y.: American Sociological Association. Greenwood Press. P. 11–44.

9. *Коллинз П.* Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // Время мира: альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / Отв. ред. Н.С. Розов. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2000. С. 234–278.

10. *Alesina A., Spolaore E.* The size of nations. Cambridge: The MIT Press, 2003. 262 p.

В.С. ШМАКОВ*, Ю.С. СЕРДЮКОВА**

К ПРОБЛЕМЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

* д-р филос. наук, зав. сектором
Институт философии и права СО РАН
** канд. экон. наук, научный сотрудник
Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН

В статье дается анализ современного социально-экономического развития села, рассматриваются возможности математического моделирования социальных процессов. В рамках математического моделирования предлагается использование метода имитационного моделирования с применением имитационной многоагентной модели.

Ключевые слова: *социальная адаптация, социальные процессы, математическое моделирование.*

Практически все исследователи, занимающиеся социологией села, обращают внимание на необходимость понять суть и динамику развивающихся социально-экономических процессов, поскольку без этого невозможно осмыслить современное состояние российской деревни и перспективы ее развития, что имеет стратегическое значение в контексте продовольственной безопасности страны.

Научное сообщество единодушно в мнении, что российское село, как и российское общество в целом, в настоящий момент переживает период глубокой трансформации. Необходимо отметить, что в литературе нет единого подхода к определению сущности, закономерностей и тенденций социально-экономических процессов. Для их объяснения предлагаются различные концепции, часто опирающиеся на противоположные теоретические основания. Основной проблемой является сложность соотнесения общих социально-фило-

софских концепций с конкретным социологическим материалом. Отсюда необходимость и трудность построения теорий «среднего уровня».

Современные социально-экономические процессы, происходящие в сельских регионах Сибири, заставляют население села адаптироваться к ним, нивелируя негативное влияние со стороны глобализованного социума. Поэтому, с нашей точки зрения, необходим системный анализ современных социально-экономических процессов в российском селе с целью определения механизмов и моделей социальной адаптации населения. Для решения этой задачи мы формируем максимально полный банк данных по современной социально-экономической ситуации в сельскохозяйственных регионах Сибири, в материалах которого отражались бы общая тенденция, сущность происходящих изменений и последствия протекающих процессов. Разработанная нами методология позволяет выйти на уровень прогнозирования социальных процессов в сельских сообществах, определить систему взаимодействия научных и управленческих кругов в формировании рабо-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 07-06-00390а.

которые в прошлом были или являются в настоящее время территориально обширными полуперифериями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wallerstein I.* The modern world-system I: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. N.Y.: Academic Press, 2007. 412 p.

2. *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера, Ессе Ното, 2003. 272 с.

3. *Изгарская А.* Реконструкция геополитических концепций // Макродинамика: закономерности геополитических, социальных и культурных изменений / Отв. ред. Н.С. Розов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 2002. С. 5–158.

4. *Amin S.* World poverty, pauperization and capital accumulation // Monthly Review. 2003. Vol. 55. P. 1–27.

5. *Cardoso F.* Industrialization, dependency and power in Latin America // Berkeley Journal of Sociology. 1973. Vol. XVII. P. 79–95.

6. *Barton J., Gwynne R., Murray W.* Competition and cooperation in the semiperiphery: closer economic partnership and sectoral transformations in Chile and New Zealand // The Geographical J. 2007. Vol. 173. P. 224–241.

7. *Martin W. G.* The place of the semiperiphery in the Modern world-system. Introduction: the challenge of the Semiperiphery // Semiperipheral states in the world-economy. N.Y.: American Sociological Association. Greenwood Press, 1990. P. 3–10.

8. *Arrighi G.* The developmentalist illusion: a reconceptualization of the semiperiphery // Semiperipheral states in the world-economy. N.Y.: American Sociological Association. Greenwood Press. P. 11–44.

9. *Коллинз П.* Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // Время мира: альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / Отв. ред. Н.С. Розов. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2000. С. 234–278.

10. *Alesina A., Spolaore E.* The size of nations. Cambridge: The MIT Press, 2003. 262 p.

В.С. ШМАКОВ*, Ю.С. СЕРДЮКОВА**

К ПРОБЛЕМЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

* д-р филос. наук, зав. сектором
Институт философии и права СО РАН
** канд. экон. наук, научный сотрудник
Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН

В статье дается анализ современного социально-экономического развития села, рассматриваются возможности математического моделирования социальных процессов. В рамках математического моделирования предлагается использование метода имитационного моделирования с применением имитационной многоагентной модели.

Ключевые слова: *социальная адаптация, социальные процессы, математическое моделирование.*

Практически все исследователи, занимающиеся социологией села, обращают внимание на необходимость понять суть и динамику развивающихся социально-экономических процессов, поскольку без этого невозможно осмыслить современное состояние российской деревни и перспективы ее развития, что имеет стратегическое значение в контексте продовольственной безопасности страны.

Научное сообщество единодушно в мнении, что российское село, как и российское общество в целом, в настоящий момент переживает период глубокой трансформации. Необходимо отметить, что в литературе нет единого подхода к определению сущности, закономерностей и тенденций социально-экономических процессов. Для их объяснения предлагаются различные концепции, часто опирающиеся на противоположные теоретические основания. Основной проблемой является сложность соотнесения общих социально-фило-

софских концепций с конкретным социологическим материалом. Отсюда необходимость и трудность построения теорий «среднего уровня».

Современные социально-экономические процессы, происходящие в сельских регионах Сибири, заставляют население села адаптироваться к ним, нивелируя негативное влияние со стороны глобализованного социума. Поэтому, с нашей точки зрения, необходим системный анализ современных социально-экономических процессов в российском селе с целью определения механизмов и моделей социальной адаптации населения. Для решения этой задачи мы формируем максимально полный банк данных по современной социально-экономической ситуации в сельскохозяйственных регионах Сибири, в материалах которого отражались бы общая тенденция, сущность происходящих изменений и последствия протекающих процессов. Разработанная нами методология позволяет выйти на уровень прогнозирования социальных процессов в сельских сообществах, определить систему взаимодействия научных и управленческих кругов в формировании рабо-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 07-06-00390а.

чих программ социального развития сельских регионов, нейтрализовать негативные тенденции реформирования [2, с. 107–111].

В основу нашего исследования положены материалы социологического мониторинга отдельных регионов Сибири, а также использованы данные совместных социологических исследований с коллегами из Республики Казахстан и Республики Беларусь.

Комплексный сравнительный анализ особенностей социально-экономического и политического развития сельских сообществ на базе мониторинговых исследований позволяет дать их системную характеристику и осуществить внутреннюю дифференциацию сельских ареалов по шкале развития модернизационных процессов. Реализация проекта на стыке математических и социальных наук дает возможность создать научно-методологическую основу для объяснения и прогнозирования экономических, политических, социокультурных процессов в различных регионах Сибири, определить оптимальные направления развития сельских сообществ в условиях государственного реформирования, выйти на уровень прогнозирования возможных конфликтов и выработать рекомендации по их нейтрализации.

В рамках нашей работы проанализированы материалы мониторинговых исследований социологических экспедиций, проведенных в период 2000–2007 гг. в сельских ареалах Сибири, что, с одной стороны, обеспечивает надежность, проверенность используемых методик, а с другой – позволяет осуществлять широкий сравнительный анализ. То обстоятельство, что мониторинговый характер исследования позволяет отследить комплекс социальных процессов, провоцирующих изменение социальных институтов на современном этапе развития сельских сообществ, свидетельствует о необходимости продолжать данные исследования.

Структура мониторингового исследования определяется системой социальных индикаторов, охватывающих максимально широкий спектр общественной жизни (демография, миграция, структура занятости и безработица, уровень и качество жизни, формы природопользования, самоуправление, уровень урбанизации региона, природно-климатические условия, политическое сознание, социальная и этническая самоидентификация, уровень миграции, рождаемость, уровень образования, политическая лояльность, социальная напряженность, развитость инфраструктуры и т. д.) и ориентированных на анализ как объективных условий жизнедеятельности людей, так и особенностей их сознания и поведения. Всего в анализ на настоящий момент включено более 100 эмпирических переменных. В ходе такого исследования для каждого из обследуемых населенных пунктов (локальных сообществ) фиксируются эмпирические характеристики по следующим основным направлениям:

– степень вовлеченности в модернизационные процессы (социальные качества, профессиональная принадлежность, уровень образования и т. д.);

– уровень адаптированности к переменам (материальный статус, социальная защищенность, участие в системе управления);

– социальные ресурсы, доступные сообществу (развитость социальной инфраструктуры, социальные льготы, дефицит бюджета, редистрибутивные потоки крупхозов, государства и т. п.)

Особенностью мониторинга является его естественная направленность на решение возникающих социальных проблем: на каждом из этапов мониторинга кроме «сквозных» задач решаются особые, актуализирующиеся на том или ином этапе задачи, значимые для оценки происходящих в российском селе социальных перемен, а также практик муниципальных объединений и органов государственного управления. Таким образом, речь идет о переводе фундаментальных положений социальной теории на вполне конкретный язык социальных прогнозов, проектов и планов, нацеленных на создание таких управленческих решений, которые способствуют гармонизации социально-экономических отношений в сельских сообществах.

По результатам статистического анализа исходных эмпирических данных с использованием статистического пакета для социальных наук (SPSS) были специфицированы основные факторы, определяющие развитие социальных процессов, в которых участвуют выделенные объекты. По результатам факторного анализа наибольшее влияние в период 2000–2007 гг. в сельских ареалах Сибири оказали такие факторы, как семейное положение; количество членов семьи, находящихся на пенсии; наличие собственного хозяйства и возможности ведения различной промысловой деятельности.

Кластерный анализ является описательной процедурой, он не позволяет сделать никаких статистических выводов, но дает возможность провести своеобразную разведку – изучить структуру совокупности полученных социологических данных. По результатам кластерного анализа можно сделать вывод, что на протяжении исследуемого периода отчетливо выделяются три кластера, при этом два из них характеризуются достаточной степенью устойчивости. Первый составляют респонденты, которые ведут собственное хозяйство, не занимаются промысловой деятельностью, получили неполное среднее образование, уровень доходов – весьма низкий и в месяц не превышает одной тысячи рублей, их работа не предполагает особых навыков и не требует специального образования; в семье, по крайней мере, один ребенок и брак является незарегистрированным. Второй кластер составляют респонденты, которые имеют стабильную работу, среднее образование, состоят в официальном браке, имеют от двух до трех детей и одного члена семьи, находящегося на пенсии. Таким образом, с использованием факторного и кластерного анализа в целях построения прогнозных моделей можно выделить типы сельских сообществ, которые характеризуются определенными поведенческими и адаптационными

ми стратегиями, и выявить, какие факторы имеют сильное или, напротив, незначительное влияние на жизнь сельского населения.

Сложность поставленных задач диктует использование в качестве методологической основы принципов системного подхода, который предполагает моделирование социальных процессов для конкретных ареалов и предопределяет поиск и формализацию системообразующих связей между отдельными компонентами. Оперирование параметрами, отражающими изменение социально-экономической инфраструктуры, подразумевает построение многокомпонентных логических структур, позволяющих благодаря использованию формализованных характеристик дать развернутую картину внутренних взаимосвязей между социально-экономическими и политическими процессами. При таком подходе каждый из структурных компонентов системы может анализироваться в качестве функциональной системы. С другой стороны, весь комплекс анализируемых взаимосвязей, в случае расширения территориальных рамок полигона или перечня факторов внешнего воздействия, дает возможность анализировать этот комплекс в качестве подсистемы структурного комплекса более сложного внутреннего содержания. Одной из наиболее сильных сторон данного методологического подхода является возможность получать объективную и научно значимую информацию на любом иерархическом уровне.

В разработанной нами исследовательской программе основным методом исследования социально-экономических процессов является метод имитационного моделирования, основанный на применении динамических математических моделей экономических объектов в режиме имитации. В условиях современных информационных технологий под имитацией принято понимать изучение объектов путем проведения экспериментов с программной реализацией. Главная особенность имитационного исследования заключается в том, что в нем проводятся эксперименты не с реальным объектом/процессом, а с его математической моделью.

При моделировании социальных процессов несомненным преимуществом обладает подход, использующий имитационную многоагентную модель с применением современных информационных технологий [1, с. 231–246]. Агентное моделирование является относительно новым направлением в имитационном моделировании, получившим развитие в 1990–2000 гг.; оно используется для исследования децентрализованных систем, когда глобальные правила и законы являются результатом индивидуальной активности членов группы. Наиболее признанным является определение агента как некой сущности, обладающей активностью, автономным поведением, способностью принимать решения в соответствии с некоторым набором правил, взаимодействовать с окружением, а также самостоятельно изменяться. Многоагентное моделирование позволяет вывести характеристики целого (множества агентов) из совокупности локальных

поведений и характеристик отдельных активных элементов, распределенных в среде. Моделирование многоагентных систем используется в анализе социальных процессов, процессов урбанизации и даже при исследовании рынка в анализе предпочтений различных социальных групп или корпораций, выступающих как агенты со своим поведением.

При моделировании авторы исходили из предположения, что у любого социального сообщества как системы есть свои параметры – вход, выход, внутренние процессы, ограничения (например, институциональные), обратная связь. При этом сама социальная система представляет собой открытую неравновесную и саморегулирующуюся систему. Под входом в систему понимаем совокупность воздействий на сообщество, которые порождают и заставляют функционировать в нем новые процессы. Выход – результат функционирования социальных сообществ, его назначение. Обратная связь существует как функция контроля за соответствием полученных результатов первоначальным требованиям, т.е. критериям. Ограничения – установление определенных рамок функционирования процессов социальных сообществ в целях управляющего воздействия. Под социальным процессом будем понимать любое изменение значений параметров или структуры системы, имеющей социальную проекцию.

В рамках данного исследования для моделирования структурных связей между объектами и социальных процессов была выбрана когнитивно-адаптивная модель.

При построении концептуальной модели социального процесса (СП) объекты социальной системы и внешние факторы декомпозируются или агрегируются до одного уровня абстракции, а между объектами и факторами намечаются связи.

Тройка $M = \langle Ob(t \text{ об.}), Ft(t \text{ об.}), Rel(t \text{ об.}) \rangle$ является концептуальной структурно-морфологической моделью СП, где $Ob(t \text{ об.})$ – множество объектов системы; $Ft(t \text{ об.})$ – множество влияющих факторов, $Rel(t \text{ об.})$ – множество отношений между факторами и объектами; $t \text{ об.}$ – объективное время.

Каждая сущность процесса характеризуется одним или несколькими параметрами:

$$Ob(t \text{ об.}) = Ob'(t \text{ об.}, \rho_0(t \text{ об.})), Ft(t \text{ об.}) = Ft'(t \text{ об.}, \rho_f(t \text{ об.})), Rel(t \text{ об.}) = Rel'(t \text{ об.}, \rho_r(t \text{ об.})).$$

Отсюда $M' = \langle Ob'(t \text{ об.}, \rho_0(t \text{ об.})), Ft'(t \text{ об.}, \rho_f(t \text{ об.})), Rel'(t \text{ об.}, \rho_r(t \text{ об.})) \rangle$, где ρ_0, ρ_f, ρ_r – множества параметров, например, $\rho_0 = \{ \rho_{0i}(t \text{ об.}) \}$.

Когнитивно-графовая модель (КГМ) СП: $M_{кг} = \langle P, O, MR \rangle$, где P – множество параметров; O – множество отношений, MR – правило получения следующих значений параметров из текущих. Множество $P = \Pi(Ob'(t \text{ об. наб.}, \rho_0(t \text{ об.}))) \cup \Pi(Ft'(t \text{ об. наб.}, \rho_f(t \text{ об.})))$, где $\Pi(\bullet)$ – оператор проекции на множество параметров, примененный в момент времени $t \text{ об. наб.}$. Множество $O = \Pi(SC(Rel'(t \text{ об. наб.}, \rho_r(t \text{ об.}))))$, где $SC(\bullet)$ – оператор отбора причинно-следственных отношений. $MR: D(P) \times D(O) \rightarrow D(P)$, где $D(\bullet)$ – оператор получе-

ния множества всевозможных значений. Правило MR выбирается экспертно.

Когнитивно-адаптивная модель = <когнитивно-графовая модель, генетическое кодирование элементов КГМ, эволюционная адаптация элементов КГМ>.

Эволюционные вычисления (ЭВ) в когнитивно-адаптивной модели (КАМ) служат для идентификации КГМ, при этом дополнительно задаются наборы фактических данных двух видов S1 и S2:

1. КГМ процесса – $M_{кт1} = \langle P, O, MR, S1 \rangle$, где S1 – конечное множество векторов значений параметров процесса во времени. Решается задача оптимизации функционала:

$FM_{кт1}(X) = \|MR(MR(\dots MR(MR(S11, X), X)\dots, X) - S1i)\|$, $FM_{кт1}(X) \rightarrow \min$, где суммирование осуществляется по всем элементам S1.

2. $M_{кт2} = \langle P, O, MR, Id1, S2 \rangle$, где S2 – конечное множество векторов значений параметров аналогов-реализаций процесса; Id1 – вектор индикаторов, фиксирующих те или иные параметры как «входные»/«результатирующие». Решается задача оптимизации функционала:

$FM_{кт2}(X) = \|(MR(S2i, X))j - S2ij\|$, $FM_{кт2}(X) \rightarrow \min$, где суммирование осуществляется по всем элементам множества S2 по «результатирующим» параметрам.

Также ЭВ используются для поиска вектора начальных значений параметров процесса, такого, чтобы за указанное число итераций достичь целевых значений:

$M_{кт3} = \langle P, O, MR, C, Id2, t^* \rangle$, где C – вектор целевых значений параметров процесса, Id2 – вектор индикаторов, фиксирующих те или иные параметры как «управляемые»/«неуправляемые»; t^* – требуемое число итераций КГМ. Решается задача:

$FM_{кт3}(X) = \|(MR(MR(\dots MR(MR(X, O), O)\dots, O))j - Cj)\|$, $FM_{кт3}(X) \rightarrow \min$, где суммирование осуществляется по «неуправляемым» параметрам.

Этапы анализа процесса с применением когнитивно-адаптивной модели следующие:

1) построение и идентификация КГМ-процесса, ввод фактической информации. Построение начального когнитивного графа процесса, определение фактических данных;

2) проверка качества и адекватности модели. Непротиворечивость когнитивного графа, устойчивость, соответствие прогнозных значений фактическим: идентификация модели на части фактических данных и сравнение прогнозов с оставшейся частью;

3) генерация возможных альтернатив развития процесса. Генетическая мультипопуляционная адаптация набора векторов начальных значений параметров, вычисление управляющего воздействия;

4) оценка и согласование возможных альтернатив. Многокритериальная оценка;

5) анализ динамики развития процесса. Итерирование модели исходя из заданных значений параметров, пошаговое моделирование;

6) выбор пути развития;

7) соответствие развития процесса намеченным целям.

Оригинальность предлагаемого подхода к имитационной модели динамических процессов коммуникации сельских сообществ заключается в разработке теоретических принципов унифицированного описания семантики математических моделей, а также алгоритмов интеграции и трансформации декларативных описаний моделей в набор программных агентов для «сквозной» автоматизации задач имитационного моделирования применительно к конкретному субъекту социального процесса.

Разрабатываемая система обладает гибкой архитектурой и состоит из отдельных модулей. Для взаимодействия подсистем используются открытые объектно-ориентированные технологии распределенных систем. В предлагаемой имитационной модели применяется технология многоагентных распределенных систем с программной реализацией на основе расширения системы AnyLogic. Автоматизированная генерация кода по моделям приводит к созданию наборов автономных агентов, а их реализация сохраняется в информационно-логической системе для повторного использования в составе других моделей.

В проекте используются два различных уровня системы:

1) уровень модели, позволяющий строить серию моделей, вложенных друг в друга;

2) уровень наблюдателя, который рассматривает модель (или семейство вложенных моделей) как уникальный объект для взаимодействия в целях получения результатов, дальнейшей визуализации и использования последних.

Предполагается, что в завершённом варианте разработанная модель будет обладать банком знаний, хранящим различные модели социальных коммуникаций сельских сообществ, интегрированные с конкретными историко-культурными моделями и фактами и соответствующие программные реализации для имитационных экспериментов.

Разрабатываемая система позволит перейти от эмпирических исследований социальных процессов в сельских сообществах к построению прогнозных сценариев их развития, нацеленных на создание продуманных управленческих решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сердюкова Ю.С., Ефремов Д.В., Сиковский Д.Ф. Методические подходы к математическому моделированию социальных процессов в сельских локальных сообществах // Экономическое развитие России. Новосибирск, 2007. С. 231–246.

2. Шмаков В.С. Процессы социальной модернизации на постсоветском пространстве: методология исследования // Северный регион: наука, образование, культура. 2006. № 1. С. 107–111.

Р.Я. ЦИБРИЕНКО

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АДАПТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБЩЕСТВЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

канд. филос. наук, доцент
Белгородский государственный технический
университет им. В.Г. Шухова
e-mail: ijajeva@intbel.ru

Предлагаемый автором системный подход, построенный на единстве философских, социологических и синергетических принципов познания природы и общества, используется им для анализа полисубъектного пространства адаптационной деятельности, развития процесса виртуализации условий функционирования мезосистем и его влияния на сценарии адаптивного поведения людей, включенных в организационное взаимодействие.

Ключевые слова: *системная методология, единство всеобщего, особенного и единичного, бинарное измерение социальных процессов, социальные технологии управления, субъекты адаптации*

Проблемной ситуацией, стимулировавшей принятое исследование, явилось отсутствие методологических подходов к анализу адаптации социальных систем в современном обществе, причем подходов, адекватных происходящим в мире радикальным переменам.

Соответственно, *целью* исследования стала разработка такой методологической модели изучения социальных процессов в современном глобализованном мире, которая могла бы обеспечить как познавательную, так и практически преобразующую деятельность социальных субъектов, в том числе их адаптацию, т.е. взаимодействие с изменяющейся внешней средой.

Социологические исследования изначально базировались на теоретическом фундаменте, воздвигнутом предшественниками. Поэтому для классиков социологии XIX в., стоявших у истоков формирования новой социальной науки – О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, преемственность и взаимодополняемость философской и социологической методологии познания были очевидными. Однако институционализация науки требовала уточнения структуры, методов и принципов познания, что на практике привело не только к размежеванию, но и к поляризации методологий. В условиях чрезвычайного усложнения современного мира вследствие латентности бурно развивающихся социальных процессов социологическая наука, увлеченная эмпирикой, оказалась перед фактом ограниченности узкоспециализированной социологической методологии, на которой базируются исследования развития, функционирования и организации социального взаимодействия. На пороге XXI в. социологическое сообщество было вынуждено признать необходимость объединения разных подходов к осмыслению социальной реальности [2, с. 59] и преодоления разрыва между науками и философией [1, с. 168, 209–212], а также отказа от ультраспециализации [1, с. 323]

Представляется, что «процессуальный образ социальной реальности» [3, с. 26], сложившийся за последние десятилетия, актуализировал в научном сообществе потребность в создании именно системной методологии, которая соединила бы все парадигмы познания социальной реальности. В начале 1990-х гг. было предложено несколько способов систематизации принципов исследования, построенных на бинарных измерениях социальных процессов [4, 5]; позднее обозначились философско-социологический, философско-синергетический и социолого-синергетический подходы к изучению гуманитарных объектов [6].

Взаимодополняемость противоположностей, системообразующее динамичное единство всеобщих, особенных и единичных сторон общественных явлений представляют философскую базу познания.

Исходной точкой рассуждений в предлагаемой парадигме является анализ основных социальных процессов современности в их бинарном измерении. Обращение к социологической классике и постклассике свидетельствует, что теоретиков всегда интересовали определенные процессы в обществе, особенно те, которые в наибольшей степени соответствовали особенностям времени и предмету исследования. В качестве основы ускоряющейся трансформации социальных систем нами рассматриваются такие процессы, которые задают устойчивую динамику развития современного общества, в наибольшей степени влияют на качество его социальных связей и, наконец, настолько тесно связаны друг с другом и взаимодополняемы, что реализуются не только в границах всей миросистемы, но в рамках различных социальных проектов и практик. Совокупности такого рода социальных процессов мы будем рассматривать как задающие основные характеристики современной динамики общественной среды, а именно:

– *глобализация* (исторический процесс превращения мира в единую систему, обладающую не столько

общим физическим пространством, сколько общностью социальных (например, информационное пространство и его сети) и социетальных полей (например, экономических, политических));

– **локализация** (ограничение процесса объединения более тесными границами – территориальными, социальными, социетальными пределами, в которых проявляется общее и особенное социальных практик);

– **интеграция** (процесс, в котором деятельность или функции различных институтов, подсистем в обществе скорее дополняют друг друга, чем противостоят друг другу);

– **дезинтеграция** (рассогласованность, неинтегрированность – отсутствие (или недостаток) интеграции либо соответствующих механизмов);

– **виртуализация** (процесс формирования таких представлений о различных сторонах и явлениях социальной жизни, реконструирующих социальные объекты по образцам миросистемы, которые оторваны от физического пространства реалий конкретного сообщества, его социальной структуры и социокультурной системы, не подкреплены здравым смыслом людей и, таким образом, создают виртуальную «реальность», где реальное замещается мысленным);

– **объективизация / материализация** (процесс материализации идей в ходе практической преобразующей деятельности людей, исходным условием которой является представление о реальности, адекватное состоянию конкретной социальной системы);

– **сотрудничество / кооперация** (совместная деятельность по достижению желаемой цели, предполагающая единство ресурсов или возможностей их использования);

– **противоборство / конфликт** (открытая борьба между двумя или более людьми, социальными движениями, группами интересов, классами, полами, организациями, политическими партиями, этническими, расовыми или религиозными коллективами, государствами, направленная на получение ресурсов или доступа к их использованию).

Рассматриваемые процессы характеризуют *основные тенденции* развития современного общества, отличающиеся друг от друга по различным параметрам социального взаимодействия – масштабу, состоянию и целям, информационным основам. Формирование основных направлений развития современного социума реализуется посредством *инструментальных процессов*, создающих объективные основы их возникновения и последующего развития. Так, глобализация, характерная для современного общества, невозможна без **унификации**, т.е. проектирования единой картины социального миропорядка; интеграция как процесс, характеризующий нарастание согласованного взаимодействия в границах человеческой цивилизации в целом и в отдельных сферах общественной жизни, обеспечивается **формированием общих ценностей**; виртуализация социальных институтов, опосредующая причин-

но-следственные связи в современном обществе, нарастает по мере размывания границ физического пространства, развития социальных связей, наук, технологий, в том числе и политических, культурной диффузии, т.е. вследствие **формирования новых идей**, детерминированных социальной проблематикой и направленных априори на преобразование реальности, но опосредованных глобальным социальным пространством, его связями и ценностями; сотрудничество на почве кооперирования (в отличие от интеграции) обосновано естественным и социальным неравенством, имеющим место в обществе, что в свою очередь вызывает **потребность в ресурсах для обеспечения существования и деятельности** индивидов, социальных групп, систем.

Процесс локализации, выступающий на практике как следствие реализации специализированных и апробированных моделей масштабного взаимодействия, в которое оказываются вовлечены различные по своим свойствам социальные субъекты, обеспечивается дроблением, уточнением, опровержением унифицированного видения социума, т.е. **дифференциацией** мировосприятия и его практик.

Дезинтеграция как проявление ослабления или распада направленного согласованного взаимодействия является следствием сложившихся объективных ситуаций, которые формируют разнообразные и противоречивые экспектации и установки социальных групп и индивидов и проявляются на практике через **многообразие типов ролевого поведения** людей.

Материализация идей в ходе социальной практики является обязательным условием любой организованной деятельности и достигается за счет **рационализации социальных действий**, и, наконец, конфликт как однородная серия временных явлений, характеризующаяся борьбой субъектов деятельности, часто возникает вследствие **конкуренции за доступ к новым ресурсам или контроль над недостаточными ресурсами**.

Построенные на гносеологической традиции подходы к пониманию содержания, взаимосвязи и взаимовлияния социальных процессов, развивающихся в мире, дают основание продолжить логику философского познания до уровня предметного научного знания, т.е. специальных технологий, в том числе социальных. Они представляют плоскость особенного, реализуемого в социальных системах разного уровня – от национальных обществ и регионов до организаций и их структур. Особенное в социальных процессах проявляется через возможности управления влиять на взаимодействие и отношения в обществе посредством сложившихся социальных связей.

Во-первых, это **функциональные связи управления**, которые, прежде всего, **организуют** процессы (вектор глобализации – локализации); **регулируют** их (вектор интеграции – дезинтеграции); **вливают на информационные** потоки, обслуживающие путь от моделирования

решений до их практической реализации (вектор виртуализации – объективации); обеспечивают достижение результатов взаимодействия социальных групп, развивающегося в определенных пространственно-временных границах, за счет **налаживания коммуникации** (вектор сотрудничества–конфликта).

Во-вторых, особенное в развитии социальных процессов достигается за счет реализуемых **технологий**, в том числе **рационального управления**. Они разворачиваются на организационном пространстве, где объективные условия и процессы внешней среды становятся предметом такого воздействия организованной или (и) самоорганизующейся системы, которое обеспечивает реализацию целей этой последней. Уровень социальных технологий управления представлен оптимизированными процедурами **программирования (планирования), информирования, целеполагания, мотивации, оценивания и диагностики** (в том числе и посредством пробных нововведений), **организации** коллективной деятельности, основанной на ее специализации (иерархии) и регламентации, **регулирования** (в первую очередь конвенционального [7, 8]).

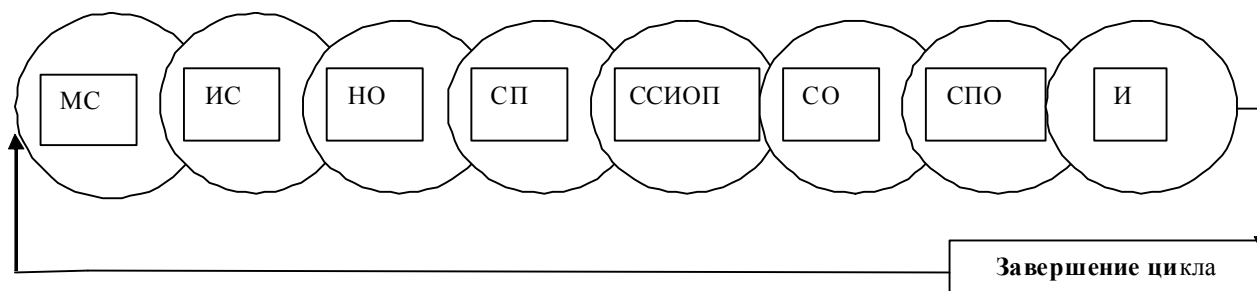
Очевидно, что в диапазоне реального использования технологий через навыки и приемы различных субъектов управления располагается область специфического (единичного) взаимодействия. На этом уровне фактором, детерминирующим социальные процессы, выступают групповые действия, интерпретированные через участие личности и осуществляемые с участием личности – индивида, включенного в систему общественного взаимодействия и отношений.

Итогом предложенных рассуждений является модель системной методологии, которая позволяет продолжать логику познания общественных явлений до уровня субъектной организации деятельности различных социальных объектов, соответствующей условиям и требованиям современного общества, осуществлять текущее и прогнозное регулирование.

Сформулированные методологические подходы могут использоваться при исследовании адаптационных процессов, развивающихся в современном мире, они предоставляют возможность анализировать структуру социальных процессов и управленческой деятельности через субъектно-объектные отношения. Процессы эти протекают на различных уровнях. Взаимозависимость систем – субъектов адаптации – проявляется через посредничество сменяющих друг друга мезосистем (область особенного), соединяющих макро- (зона всеобщего) и микросистемы (сфера проявления единичного) (см. рисунок).

Предложенная схема дает возможность классифицировать, диагностировать и анализировать все системные зависимости цепи или рассматривать определенные блоковые связи. Так, в качестве примера № 1 (см. таблицу) может служить адаптация России к переменам на национальном пространстве, которые обусловлены ценностями и параметрами связей мирового сообщества. Модель адаптации российского общества реализуется государством и ориентирована на эволюционный путь приспособления к новым условиям жизни в мировом сообществе – через принятие норм и принципов взаимодействия европейских экономических и политических институционализированных новообразований и членство в них.

Принимая за основу исследования предложенную системную модель, можно предположить, что уровень адаптационного пространства макросистем и групп проходит по вектору «кооперация–конфликт» и охватывает пределы глобализации, интеграции, виртуализации. Именно на уровне этих систем проявляются особенности эпохи с ее мировым рынком и политической глобализацией, стандартом ценностей, превращающих реальное в локальное, а виртуальное во всеобщее; здесь формируется условная фундаментальная база общества и рождается адекватное социальное взаимодействие. Эти системы (прежде всего их человеческое вы-

Упрощенная схема структурно-функциональных связей в системе субъектов адаптационных процессов

MC – мировое сообщество; IC – интегрированные сообщества; NO – национальное общество (государство); SP – социальная подсистема; SSIOP – система социальных институтов и организаций подсистемы; SO – специализированная организация; SPO – структурные подразделения организации; I – индивиды.

Примерная системная классификация субъектов дифференцированных адаптационных процессов

Система субъектов адаптации	Пример № 1	Пример № 2	Пример № 3	Пример № 4
Социальные системы и группы макроуровня	Мировое сообщество (группы, представляющие центры власти и человечество)	Национальное общество/государство (группы руководства)	Система организаций подсистемы (группы руководства)	Специализированная организация (группы руководства)
Социальные системы и группы мезоуровня	Интегрированное сообщество (группы управления и население территориальных объединений)	Социетальная подсистема и ее институты (представляющие их группы управления и занятости)	Специализированная организация (группы управления и персонал организации)	Структурные подразделения организации (специализированные группы управления и исполнения)
Социальные системы и группы микроуровня	Национальное общество/государство (этнос)	Система организаций подсистемы (персонал специализированных организаций)	Структурные подразделения организации (специализированные группы)	Индивиды, занятые в организации

ражение – народы) испытывают на себе влияние унификации, выраженной в глобальных интеграционных процессах (например, интегрированные сообщества Европы), глобальной виртуальности (примером могут быть массовая культура и либеральные политические ценности), глобального неравенства и кооперации (дробление современного социума на альтернативные миры – многополярные или биполярные, цивилизованные страны и страны «третьего мира», страны «оси мирового зла», создание объединений против мирового терроризма и т.д.). Реальность современного мира показывает, что процессы адаптации, расходящиеся волнами от макросистем, детерминированы стихийными механизмами взаимодействия, повсеместно порождаемыми объективными основами социальных явлений, а также субъективными интересами, решениями и действиями мировых центров власти.

Условия адаптации локальных систем и групп (вплоть до личности) представлены связями кооперации – локализации – дезинтеграции – объективации – конфликта. Это адаптационное пространство агентов экономической деятельности, которые оказываются под прессингом глобализованных процессов. Отныне в границах двойной реальности реализуются все социальные процессы: мобильность разделяется на неизбежную и возможную, возникает реальный рынок труда с его возможностями занятости и параллельно складывается социальное пространство частичной занятости с его скрытой безработицей, социальное расслоение характеризуется потерей реальных шансов в реализации прав и возможностей, несправедливостью, обесцениванием символических кодов (например, дипломов об образовании) [9], провозглашаемые групповые цели деятельности и ее обобщенные ценности не получают подкрепления в условиях труда и жизни и т.д.

Практика свидетельствует, что в тех случаях, когда действия субъектов экономической деятельности ос-

новывались на субъективных интерпретациях реальности, виртуализация усиливалась, и результат такой экономической активности был непредсказуем. Это показали события в России конца 1990-х гг. (развал финансового рынка, фиктивность государственных долговых обязательств, разнообразные финансовые и экономические пирамиды, компилятивные ценностные модели и адекватное экспериментальное поведение социальных групп и индивидов и т.д.). Приближенность к ситуативным условиям позволяет вести на этой плоскости экспериментальные поиски разумных пределов унификации и дифференциации взаимодействия и их ценностно-нормативных основ.

Мезоуровень систем – субъектов адаптации – находится под воздействием процессов виртуализации – кооперации – объективации – конфликта, и характеризует приспособление к социальным переменам особых систем и групп. Можно заметить, что значение систем мезоуровня в динамике и результативности адаптационных процессов очень велико. Их роль заключается в посредничестве между альтернативными субъектами адаптации, в создании оптимального пространства, обслуживающего эволюционную форму приспособления к переменам локальных систем.

Особо необходимо отметить значение специализированных организаций в структуре субъектов мезоуровня. Здесь формируется зона взаимопроникновения между социальной и личностной подсистемами [10]. Существует мнение, что в условиях глобализации потребность личности в определенности ведет к обособлению ее ценностных ориентаций на уровне этноса, который выполняет роль «информационного фильтра» [11]. Однако слишком широкие границы группы и ее норм могут быть реальными барьерами к адаптации в специализированных видах деятельности. Чаще всего процессы формирования новой идентичности активно протекают в организациях, но их природа достаточ-

но противоречива. Организация исполняет роль посредника между индивидами и внешней социальной средой, в которую уходят результаты труда, и потому более открыта требованиям, нормам, правилам, ценностям общества. Усиление под влиянием двойных стандартов «безликости социальных институтов», рождающих социальные риски (Э. Гидденс) [12], углубление их неопределенности, превращение в дестабилизирующий фактор общества (Р. Мертон) [13] виртуализируют рационально организованное пространство.

Расплывчатые идеи и мнения, перемещенные в стены организации, оказывают на человека, связанного с трудовым объединением, принципиально иное влияние, так как в организации изначально выше уровень риска потери, угрозы безопасности, конфликтов, под давлением которых происходит трансформация ценностей. Чем выше уровень сложности конфликта, в который были вовлечены люди, тем интенсивнее диффузия ценностей. Прimitивные конфликты разрешаются просто: личность отвергает правомерность мнения персонального противника. По-другому выглядит и реакция человека, который является членом группы, оказавшейся в условиях риска. Реальная угроза уменьшает степень отклонения индивидов от групповых норм и ведет к более полному осознанию своей групповой принадлежности и ее значимости [14].

Поведение индивида будет меняться под влиянием определенной системы отношений, сложившихся в организации, ее морального климата, авторитетных посредников, вмешательства руководителей. Его сознание будет зависеть от угрозы потери социальной идентичности, привычных социальных связей и соответственно определенности и предсказуемости жизненного пространства. Новые ценности, рожденные в обстоятельствах перемен, смятения, колебания, представляют собой индивидуальные и групповые компилятивные модели. Их предназначение – создание новой метафоры, реконструирующей прежний комфортный для личности жизненный мир, который был разрушен конфликтом старых норм и установок, с одной стороны, и новых актуальных проблем и ценностей – с другой.

Можно предположить, что степень виртуализации внутриорганизационного пространства и рожденных этим процессом конфликтов, разрушительных как для личности, так и для самой организационной системы, может быть снижена. Это достигается за счет способности системы к самоорганизации, которая обеспечивается технологическими процедурами при взаимодействии с внешней и внутриорганизационной средой. В контактах с внешней средой социальная организация вынуждена интегрироваться в макросистему в соответствии с ценностями, идеями, социальным и политическим заказом, которые предлагаются более высоким уровнем руководства (господства). Вместе с тем она способна на конструктивный конфликт в борьбе за ресурсы (уточняя программы, интерпретируя предлагаемую информацию и цели через свои интересы и на этой

базе согласия интересы общества и организации). Одновременно во взаимодействии с локальными системами руководство организации может отвечать на конкретные требования посредством рационализации деятельности – ее разумного и четкого регламентирования, востребованной кадровой политики, объективного оценивания состояния социальных ресурсов в организации и, соответственно, контроля за их мобилизацией и эффективным справедливым распределением, а также за счет инновационного экспериментирования, обеспечивающего мобильность и согласование интересов персонала организации и ее управления. Решение этой плоскости проблем обеспечивает динамику и характер адаптации локальных систем.

Подведем некоторые итоги.

1. Концептуальное обоснование подходов к исследованию современных социальных процессов, адекватных сложной динамичной реальности, целесообразно выстраивать в рамках системной методологии. Конструктивная модель, реализующая логико-гносеологическую и инструментальную функции предлагаемой методологии, может быть создана на основе единства философского, социологического (в частности, социально-технологического) и синергетического подходов к изучению социальной реальности.

2. Применение разработанных методологических подходов позволяет обращаться к структурно-функциональному анализу адаптационных процессов – определять структуру субъектов адаптации, представляющих различные социальные системы и их функциональные зависимости, а также использовать системный анализ, изучая зависимости между адаптационными процессами разных уровней и состоянием внешней среды.

3. Особую роль для социальных агентов в их активно-преобразующей деятельности в условиях глобальных трансформаций играют специализированные организации. Здесь протекают важнейшие адаптационные процессы, а виртуализация организационного пространства непосредственно влияет на сценарии адаптивного поведения людей, включенных в организационное взаимодействие. Адаптация самой организации представляет противоречивый процесс выбора таких технологических действий и процедур, которые соответствовали бы в максимальной степени ее интересам как целостной общественной системы и в допустимой для нее мере интересам работающих здесь людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ.; под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004. 368 с.
2. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 7-е изд. М.: Добросвет, 2003. 596 с.
3. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
4. См.: *Беркович С.Я.* Клеточные автоматы как модель реальности. М.: Изд-во МГУ, 1993. 112 с.

5. См.: *Цеснюк Л.С.* Новая методология системного моделирования гуманитарных объектов (Содержание, формы и методы обучения в высшей школе: Обзор. информ. НИИВО. Вып. 5). М.: Изд-во НИИВШ, 1993. 60 с.
6. См.: *Котельников Г.А.* Природа и общество в измерениях синергетики. Белгород: Изд-во БГТУ им. В.Г. Шухова; Литкара Ван, 2005. 192 с.
7. См.: *Данакин Н.С., Дятченко Л.Я., Сперанский В.И.* Конфликты и технологии их предупреждения. Белгород: ЦСТ, 1995. 316 с.
8. См.: *Дятченко Л.Я.* Социальные технологии в управлении общественными процессами. Москва; Белгород: ЦСТ, 1993. 343 с.
9. См.: *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
10. См.: *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс. 1997. 270 с.
11. См.: *Кочетков В.В.* Глобализация в образовании: информационная война и «промывание мозгов» или доступ к мировым знаниям и благам цивилизации? // Вестн. МГУ. 2005. № 1. 151 с.
12. См.: *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
13. См.: *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1996. С. 60–72.
14. См.: *Кэмпбелл Д.Т.* Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1980. С. 76–102.

С.А. ЕРМАХАНОВА

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТАХ МОДЕРНИЗАЦИИ В СОЦИОЛОГИИ

младший научный сотрудник
Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН
essaltanat@mail.ru

Модернизация рассматривается в статье как сложный процесс, имеющий множество проекций и составляющих, в том числе социокультурную. На основе обзора научной литературы делается вывод о том, что взгляды ученых-обществоведов на содержание и природу модернизационных процессов на протяжении последних двух веков трансформировались в сторону усиления значимости в них социокультурных аспектов. Результаты экспертного опроса, проведенного в 2006 г. в Казахстане, показали, что наличие многих национальных культур, противоречивость ценностных ориентаций разных социальных групп накладывают отпечаток на характер, содержание и темп модернизационных процессов, делая проблематичной разработку универсальной стратегии развития, которая устроила бы в равной степени все группы населения.

Ключевые слова: *теории модернизации, модернизация, культура, социокультурная модернизация, модели модернизации.*

Модернизация – сложный, противоречивый, комплексный процесс; ключ к ее пониманию, как отмечает Н. Смелзер, предполагает осмысление ее как сложной совокупности перемен, воздействующих на все общество, причем каждая из них связана с другими изменениями [1, с. 620]. Теории модернизации за время своего существования прошли длительный путь развития, в ходе которого были пересмотрены многие положения из первоначальных версий. Неслучайно ученые периодически предпринимают попытки выделить этапы развития теории модернизации (Б.С. Старостин, Н.Е. Тихонова и др.).

Учитывая сложность и масштабность теоретико-методологических подходов к модернизации, в данной статье предполагается анализ процесса становления современных теорий модернизации с позиций присутствия и места в них социокультурного фактора.

Как отмечает П. Бергер, труды классиков социологии, таких как М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Т. Парсонс, Ф. Теннис и др., в совокупности представляют «синтезированную парадигму, ядром которой является категория модернизации» [2, с. 35]. В целом не вызывает сомнений тот факт, что именно труды теоретиков социологии, в которых описываются изменения, происходившие на Западе в XVI–XX вв. и связанные с процессами

индустриализации, урбанизации, рационализации, демократизации, распространения рыночной экономики, индивидуализма и т.д., лежат в основе теорий модернизации XX в.

Социокультурная модернизация является одним из самых актуальных аспектов модернизационного процесса. Разные ученые в разное время отмечали важность фактора культуры в процессе общественного развития. Ряд ученых, журналистов, политиков и практиков, уделяющих внимание культурным ценностям и установкам, способствующим (или препятствующим) модернизационным процессам (шире – прогрессу), являются, по мнению Л. Харрисона, интеллектуальными наследниками таких ученых, как А. де Токвиль (полагавший, что за работоспособностью американской политической системы стояла культура, удивительно подходящая для демократии), М. Вебер (объяснявший подъем капитализма в первую очередь культурными факторами, коренящимися в религии), Э. Банфилд (обнаживший «культурные причины бедности и авторитаризма в Южной Италии») и сделавший из этого частного примера «далеко идущие выводы общего характера» [3, с. 20–21]. Роль культуры в модернизационном процессе также изучали М. Мид, Р. Бенедикт, Д. Мак-

келланд, Э. Банфилд, А. Инкелес, Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай, С. Липсет и др. Анализируя различия между социальными системами и разъяняя их политические и экономические особенности, они подчеркивали особую роль культуры.

По мере накопления страноведческих исследований первоначальные представления о модернизации стали претерпевать изменения. В частности, наметился некоторый отход от ранее сложившегося взгляда на модернизацию как на всемерный процесс вытеснения локальных типов традиции и культуры универсальными формами современности. Акцент стал переноситься на изучение специфики ее процессов в зависимости от конкретных исторических условий в конкретных странах и регионах. Это произошло под влиянием опыта модернизации, прежде всего, в Японии, а затем в странах Юго-Восточной Азии (новые индустриальные страны) и частично в бывших социалистических странах. Здесь модернизация происходила без индивидуализации западного типа и даже при усилении традиционных образцов культуры.

Как показал в своих работах Ш. Эйзенштадт, именно слишком поспешный и решительный отказ от традиционных ценностей, норм и институтов без сопутствующего формирования новых приводит к срывам модернизации и попятным движениям в развитии. Использование таких факторов, как клановая лояльность, большая семья, родственные и этнические связи, патернализм, при проведении преобразований может обеспечить их устойчивость и органичность.

Со второй половины 1980-х гг. в зарубежной литературе успех или неудача модернизации окончательно связываются с тем, насколько модернизация соответствует социокультурным особенностям каждой страны. В статьях зарубежных исследователей, собранных в издании «Культура имеет значение: каким образом ценности способствуют общественному прогрессу», рассматривается вопрос о том, как культура влияет на предрасположенность того или иного социума к прогрессу в экономической и политической областях [3].

Ряд ученых во главе с А. Абдель-Маликом предлагают и «новую стратегию развития» – развития способностей и потребностей человека, его самореализации. Особое внимание при этом уделяется образованию, так как успех развития предполагает прежде всего наращивание человеческого потенциала за счет роста образовательного уровня в соответствии с требованиями модернизации. По их мнению, каждый народ должен выбирать тот путь развития, который в наибольшей мере отвечает его социокультурным традициям и чаяниям, причем это вовсе не равнозначно культурному изоляционизму. Они считали также, что следует продвигать культуру не традиционную, а приспособленную к XX в., т.е. ту, которая черпает свою идентичность в традиции, открываясь всем течениям в мире [4, с. 18]. Авторы «новой стратегии» не отрицали важности ни технологических, ни экономических

преобразований, ни экономической помощи со стороны развитых стран, ни перестройки структуры экономики и т.д., но связывали эти меры с общественными отношениями и доминирующими социокультурными ценностями.

Социологи традиционно разрабатывали проблематику культуры в рамках различных направлений социальной теории. Более чем вековая научная традиция, специфика понятийного аппарата и методов социологии в исследованиях культуры создали значительный объем теоретических и эмпирических материалов в этой области знаний. Следует отметить, что в социологической теории понятие «культура» трактуется в двух основных значениях: 1) как механизм социальной интеграции и регуляции – Г. Спенсер, М. Вебер, Т. Парсонс; 2) как особая социальная сфера (сфера духовного производства), включающая прежде всего социальный контекст мира искусства – К. Манхейм, Р. Уильямс, Г. Маркузе, Т. Адорно, П. Бурдьё и др.

Скептический взгляд на роль, которую культурные ценности играют в социальном прогрессе, разделяют в основном представители двух дисциплин: экономики и антропологии. Для традиционного экономиста культура представляет собой слабо подверженную количественному определению и в силу этого закрытую для анализа совокупность факторов, ограничивающих экономическое поведение [3, с. 24–25; 5, с. 153]. Для некоторых антропологов, а также находящихся под их влиянием ученых и специалистов остается традиция культурного релятивизма, господствовавшая в их дисциплине на протяжении XX в. и не признававшая «внешней» объективной оценки чужих культур «со стороны» [3, с. 24–25].

Тем не менее крупные американские экономисты П. Самуэльсон и В. Нордхаус, определяя развивающийся мир как группу стран с высокой диверсификацией, с различными историческими судьбами, культурами, экономическими ресурсами и политическими системами, не обходят без внимания роль культуры. Они выделяют четыре основные составляющие экономического развития независимо от того, где оно происходит: человеческие ресурсы, природные ресурсы, накопление или наличие капитала и технология. Б. Старостин на примере Советского Союза полагает, что экономический рост сам по себе даже при наличии всех этих предпосылок не способен обеспечить социальную модернизацию, необходим еще и определенный уровень культуры. Он выделяет четыре уровня культуры: *уровень технологической культуры* – умение достигать наиболее оптимальных результатов с наименьшими затратами средств и времени; *уровень управленческой культуры* – умение проводить социальную и экономическую политику, обеспечивать стабильное и по возможности бесконфликтное функционирование управляемых коллективов; *уровень политической культуры* элиты и масс (политическая культура элиты – адекватное понимание интересов общества и запросов масс,

предлагая наиболее оптимальные стратегии в их осуществлении; политическая культура масс состоит в более или менее объективном понимании того, какая элита нужна обществу, насколько она выражает его интересы и каким образом общество может влиять на принятие ею политических решений); и, наконец, четвертая социокультурная предпосылка социальной модернизации – уровень цивилизационной культуры – культурно-ценностный стержень, присущий каждой цивилизации [6, с. 16–20].

Разумеется, с культурой трудно иметь дело, причем как политически, так и эмоционально. Изучение культуры представляет собой и трудную эпистемологическую проблему; поскольку феномен этот трудно поддается формализованному описанию, его нелегко операционализировать и измерить. Кроме того, культура состоит в запутанных причинно-следственных отношениях с такими явлениями, как политика, общественные институты, экономическое развитие [3, с. 34]. Несмотря на многообразие трактовок культуры, исследователи процессов модернизации, задаваясь вопросом, каким образом культура воздействует на социальное развитие, определяют ее через такие сугубо субъективные термины, как ценности, установки, верования, знания и навыки, ориентации и убеждения, преобладающие среди членов общества [3, с. 11; 7, с. 272].

Концепции социокультурной самобытности («буддийский путь», «исламский путь») формировались как ответ на вестернизацию под прямым давлением колониализма и как ответ на идейную экспансию вестернизаторских теорий развития – теорий модернизации в постколониальную эпоху. В 1980-х гг. они были энергично подхвачены и западными теоретиками, стоявшими на позициях идеологии постмодернизма и связанной с ним критики первоначального и индустриального капитализма. Суть идейного синтеза теории самобытности с теориями модернизации состоит в том, что первые не отрицают необходимости преодоления отсталости и модернизации, а переосмысливают их на основе эндогенных ценностей и идеалов. Здесь утверждается необходимость перехода не в «чужую современность», а в свою модель будущего с помощью собственных методов. И во всех подобных теориях эта модель предполагает прежде всего следование национально-цивилизационным традициям, идеалам, типу культуры и типу личности [8, с. 94–95].

Теории социокультурной самобытности по большому счету являются ровесницами и постоянными спутницами феномена культуры «модернити». По мере распространения последнего на западные общества они возникали в этих обществах как ответ самостоятельных культур и цивилизаций на вторжение, как попытки противопоставить активному навязыванию социокультурных стереотипов извне свой собственный, органичный вариант развития. Одним из примеров являются дискуссии славянофилов и западников в Рос-

сии на протяжении второй половины XIX в. о пригодности и целесообразности для России индустриального пути развития, о перспективах русской крестьянской общины, о специфике русской государственности. Сходные сюжеты возникали и возникают по сей день во всех незападных обществах: теории «исламской экономики» и «исламского социализма» на арабском и Среднем Востоке, концепции гандизма и сарвадайи в Индии и Юго-Восточной Азии, «буддийский путь» и «буддийский социализм» в регионах распространения буддизма, концепции негритюда в Африке. Для успешно модернизированной Японии также характерен глубокий интерес к собственной социокультурной специфике и предпосылкам «японского чуда», выражающийся в настоящем буме теорий японской культуры – «нихондзин рон», «нихон бунка рон» [8].

Российский ученый Б. Ерасов отмечает: «Отторжение прямолинейной и “чистой” модернизации – естественная самозащита общества (народа, нации, культуры) от разрушительного воздействия моделей, не адаптированных к присущим данному обществу социокультурным структурам, как бы эти модели ни назывались: “вхождение в мировую цивилизацию”, “реформы”, “перелом истории”, “технологический переворот”, “трансферты”, “экспансия” и т.д.» [9, с. 76].

Ряд теорий культурной самобытности и основанных на них идеологических и практически-политических построений носят ярко выраженный антизападный характер. Как правило, их рассматривают в качестве идеологического основания альтернативы модернизации или, согласно А. Турену, «антимодернизации». Это связано с тем, что такие теории принципиально отрицают универсальность западного пути развития и приемлемость культуры «модернити» для незападных обществ, ищут альтернативные пути развития, органичные собственному культурному наследию.

Главный смысл таких теорий социокультурной самобытности состоит в том, что они в первую очередь отстаивают стабильное существование общества, а его место в мировой системе определяют на основе конфронтации, противопоставления другим. Лозунг, обобщающий для этих теорий и выражающий их суть, – «возврат» к ценностям традиционных культур и особенно религий: буддизма, ислама, в России – православия, в Казахстане – ислама и доисламских верований. Однако этот возврат в настоящее время связан с новым осмыслением традиционного наследия в условиях современных социально-экономических и политико-идеологических реалий.

Главной социальной базой распространения теорий самобытности являются традиционные элиты – управленческие и политические, религиозные и культурные. Однако неверно полагать, что они всегда являются ретроградами, не способными в силу своего мировоззрения и образования «вписаться» в новые реалии: многие из них получили образование и работают

в ведущих западных научных центрах, хорошо знакомы с теорией и практикой западного рынка. Кроме того, сами западные ученые часто являются активными разработчиками концепций самобытного развития – например, известный Е. Шумахер, много писавший о «буддийской экономике».

К теориям самобытности, несомненно, примыкают и идеи «некапиталистического развития» или концепции «национального социализма», подвергнутые основательному анализу в советский период, прежде всего, в рамках теории «некапиталистического пути развития». В концепциях такого рода вполне допускалась совместимость национального капитализма и социализма, и лишь деятельность иностранного капитала оценивалась как «пагубная» в отличие от «благочестивого» собственного. Не было в ней и отрицания частной собственности вообще; напротив, она признавалась общественно необходимой – при условии ее соответствия сложившимся нормам, традиционной нравственности и национальным интересам [10].

Согласно мнению некоторых американских теоретиков, экономическая глобализация вместо того, чтобы породить культурную униформизацию, привела к расцвету войн идентичности культурного или религиозного характера. Б. Барбер в работе «Джихад против Мак-Мира» анализирует джихад как реакцию на навязывание универсальных способов производства и потребления. С. Хантингтон же предсказывал, что конфликты XXI в. станут противопоставлением того, что он называет Западом и Остальным миром, т.е. противопоставлением западной цивилизации и исламо-конфуцианского мира [11]. Если одни авторы, такие как Б. Барбер и С. Хантингтон, видят будущее в нарастании «столкновения культур», то другие, напротив, подчеркивают возрастающее смешение этих культур или говорят о креолизации мира [12]. Приведенный обзор взглядов разных ученых на социокультурные аспекты модернизации свидетельствует о том, что связанные с ними вопросы все еще остаются предметом острых дискуссий.

Ниже приводятся отдельные эмпирические результаты по материалам экспертного опроса субэлитных групп (высококвалифицированный управленческий персонал преимущественно высшего звена и компетентные специалисты высокого ранга, занятые в таких сферах, как государственная служба, торгово-промышленный бизнес, наука, культура и высшее образование, а также социальная работа и социальные услуги), проведенного в Казахстане в 2006 г. (объем выборки – 260 чел.). Выборка осуществлялась методом «снежного кома».

В контексте изложенного выше материала, касающегося дискуссии о социокультурной оппозиции «самобытное – заимствованное», представим ответы наших экспертов на следующие вопросы: «Какая модель модернизации наиболее предпочтительна, на Ваш взгляд, для Казахстана?» и «Какая из перечисленных моделей в большей мере реализуется в Казахстане на практике?» Результаты исследования показали, что представления субэлит о моделях, приложимых к современному казахстанскому обществу, не являются единообразными и остаются областью дискуссий и обсуждений (см. таблицу).

Наибольшую привлекательность для экспертов представляет национальная самобытная «адаптированная» модель модернизации: 39% экспертов назвали ее как наиболее предпочтительную. Данная модель опирается на традиционные институты, социокультурные, национальные и ментальные особенности и ценности казахстанского общества, его историю, экономику и реальное положение в современной миросистеме в ходе модернизации. Почти половина ответов экспертов-сторонников данной модели модернизации (47%) содержит ссылку на политическую и экономическую независимость, обеспечиваемую именно данной моделью модернизации, а 36% – на сохранение национальной самобытности общества.

Как видно из таблицы, де-факто для большей части экспертов существуют два полюса «модернизационного притяжения». Один из них – Запад (вместе с Во-

Распределение ответов экспертов
на вопрос о предпочитаемой и реальной (реализуемой на практике) моделях модернизации
в современном казахстанском обществе, % к числу ответивших

Модель модернизации	Модель модернизации		Дельта (B–A), проц. пункт
	предпочитаемая A	реальная B	
Западная (развитые страны)	28,5	46,9	+ 18,4
Восточная японского образца	8,5	2,3	– 6,2
Восточная китайского образца	6,0	0,8	– 5,2
Восточно-европейская (постсоциалистическое пространство)	12,0	22,3	+ 10,3
Национальная, самобытная	39,0	26,2	– 12,8
Смешанная, сочетающая разные элементы нескольких моделей	6,0	1,5	– 4,5
Итого	100	100	0

сточной Европой – 40,5% экспертов), а другой – национальная самобытная казахстанская модель (39% экспертов). На этом фоне роль Востока (Китая и Японии) как одного из возможных полюсов модернизационного притяжения невелика (предпочтение ему отдало только 14,5% экспертов). Территория современного Казахстана много столетий находилась либо в зоне влияния России, либо была ее частью, что не могло не сказаться на формировании специфической национальной идентичности, социокультурной интенции и менталитета народов. Эти два полюса формируют два течения, два разнонаправленных вектора, которые буквально тянут общество в разные стороны. И у той, и у другой стороны в пользу своей точки зрения есть в запасе сильные аргументы. Следовательно, можно говорить о фундаментальных основаниях своеобразного мировоззренческого раскола казахстанской субэлиты (экспертов) и, видимо, общества в целом по отношению к модернизационно-цивилизационному выбору общества.

Далее мы предложили экспертам ответить на вопрос о том, какая из моделей модернизации де-факто реализуется в Казахстане, а затем сравнили два ряда распределений: реальные и предпочитаемые модели модернизации. Как оказалось, эти ряды не идентичны. По оценкам экспертов западная, как и восточно-европейская модель модернизации, гораздо чаще (на 18,4 и 10,3 процентных пункта соответственно, т.е. в сумме на 28,7 п.п.) позиционируются в качестве реальных, нежели номинируются в качестве предпочитаемых. (В целом около 70% экспертов полагают, что в реальной модернизационной практике современного Казахстана осуществляется либо западная, либо восточно-европейская модели). Иное дело с национальной самобытной моделью. В качестве реальной (фактической) ее упоминают гораздо реже (на 12,8 п.п.), чем в качестве предпочитаемой. Лишь 26,2% определили действующую (реальную) модель модернизации как национально-самобытную. Расхождение желаемого и действительного свидетельствует об определенном градусе общественного напряжения, в основе которого лежит неудовлетворенность отдельных групп населения курсом реформирования, продуцирующим угрозу экспансии моделей модернизации западного образца. Выразителями этих взглядов в нашем обследовании и выступили эксперты – представители субэлиты современного казахстанского общества. Они на-

ряду с элитами являются генераторами, проводниками и трансляторами цивилизационно-модернизационных напряжений данного типа.

Казахстан сегодня – это молодая развивающаяся страна с грузом социокультурных традиций, представляющих собой синтез национальных культур многих народов, его населяющих, и специфического культурного следа социалистической эпохи. Это накладывает отпечаток на характер, содержание и темп модернизационных процессов, делая проблематичной разработку универсальной стратегии развития, которая устроила бы в равной степени все группы населения: и тех, кто ориентирован на западную культуру, и тех, кто связывает будущее страны исключительно с традиционной национальной культурой.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что взгляды ученых-обществоведов на содержание и природу модернизационных процессов на протяжении последних двух веков трансформировались в сторону усиления значимости в них социокультурной составляющей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смелзер Н. Социология: Учебник. М.: ФЕНИКС, 1994.
2. Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе) / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1994.
3. Харрисон Л. Введение. В чем значение культуры? // Культура имеет значение: каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований, 2002.
4. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994.
5. Радаев В.В. Экономическая социология: учеб. пособ. для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
6. Старостин Б.С. Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. М., 1995.
7. Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
8. Зарубина Н.Н. О социокультурной самобытности России как предпосылке ее модернизации // Модернизация и национальная культура. М.: Апрель-85, 1995.
9. Ерасов Б.С. Одномерная логика российских модернизаторов // Общественные науки и современность. 1995. № 2.
10. Зарубина Н.Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М.: Магистр, 1998.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Изд-во АСТ, 2003.
12. Амселль Ж.-Л. Глобализация: большой дележ или плохое упорядочение // Журн. социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V., № 3.

Е.А. БОДРЯКОВА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ КАЧЕСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

аспирант,
Новосибирский государственный
медицинский университет Росздрава
e-mail: nefertiti9@yandex.ru

В статье обсуждаются современные интерпретации основных концепций качества с целью выяснения научной обоснованности экономических разработок, решения важных прикладных задач оценки качества в экономической практике. Обоснованы выводы об ограниченности отдельных теорий качества, прикладных моделей и методик оценки качества. В интерпретации термина «качество» экономической теорией автором выявлены существенные противоречия. Основным гносеологическим препятствием в практическом использовании экономической теорией философской категории «качество» признано обедненное теоретическое содержание экономического термина «качество». Теоретическое обогащение содержания категории «качество» автор предлагает провести посредством философской критики принципа понимания качества как статичного содержания сущности. Ставится задача исследования качества как процесса, обеспечивающего все разнообразие функционирования экономической реальности.

Ключевые слова: *качество, содержание, методы оценки, критерии, экономическое качество, философское качество, процесс.*

Категория качества – одна из сложнейших и важнейших, с которой человеку приходится иметь дело на протяжении всей истории существования. К этой категории обращаются при выборе предметов для удовлетворения как производственных, так и личных потребностей, при планировании производства и оценке его результатов, при организации труда, при создании новых изделий. Потребность в ней возникает тогда, когда необходимо разобраться с составом и характером свойств создаваемой и изготавливаемой продукции. Все окружающие человека предметы материального и нематериального мира постоянно подвергаются сравнению между собой и оценке уровня их качества. Среди объектов, подвергаемых оценке, – не только продукция и услуги. Общая концепция такой оценки используется и в других направлениях и сферах жизнедеятельности. Если раньше производитель стремился контролировать лишь качество производимой продукции, то сегодня основной акцент делается на контроле качества различных процессов: производственных, образовательных, информационного взаимодействия и т.д. Современные тенденции постиндустриальной рыночной экономики заставляют все чаще и чаще обращаться к таким понятиям, как «качество фирмы», «качество жизни», «качество системы здравоохранения» и т.д. Этот перечень можно продолжать бесконечно, но главное – это то, что качество – чрезвычайно разнообразная по своей сути категория, и люди с ней сталкиваются повседневно как в производственной, так и в личной жизни.

Вместе с тем современный уровень научной достоверности представлений о качестве не соответствует требованиям рынка. Более того, как экономическая категория этот показатель в мировой и отечественной литературе практически не имеет единых критериев

и общего логического основания. Отсюда вытекает потребность в научном осмыслении и практическом внедрении адекватных теоретических, методологических и методических подходов к оценке качества.

Обращаясь к содержанию понятия «качество», можно предположить, что понимание качества одного и того же предмета для каждого настолько же индивидуально, насколько индивидуальны характеры, интересы и предпочтения различных людей. Можно также предположить, что никто из обывателей, скорее всего, не даст научного определения качества, так как это понятие будет всегда иметь для них прагматичный характер. Строго говоря, научным считается современное философское определение качества. Использование термина «качество» и попытки трактовать его встречаются уже в трудах древних философов, а с развитием философии его определение становилось все более полным и строгим. Постепенно оно не только уточнялось, менялись и содержание этого понятия, и критерии оценки качества. Это происходило по мере наполнения содержания данного понятия прагматичным смыслом. В конце концов, стала проявляться не только востребованность этого понятия в реальной жизни, но и необходимость изучения способов измерения и достижения определенного уровня качества любого объекта. Такую роль взяла на себя экономическая наука.

Философское определение лишь отдаленно напоминает экономическое определение качества, а по сути отлично от него. По определению, приведенному в «Философском словаре», качество – это «существенная определенность предмета, в силу которой он является данным, а не иным предметом и отличается от других предметов. Качество предмета, как правило, не сводится к отдельным его свойствам. Оно связано с предме-

том как целым, охватывает его полностью и неотделимо от него. Предмет не может, оставаясь самим собой, потерять свое качество. В отношении какого-либо предмета с другими проявляются различные его свойства или группы свойств. В этом смысле можно говорить о многокачественности предметов и явлений» [1, с. 238].

Сравним это определение с современной экономической трактовкой качества: «качество — совокупность характеристик объекта, относящихся к его способности удовлетворять установленные и предполагаемые потребности» [2, с. 365].

И в первом и во втором определении речь идет о характеристиках (свойствах) объекта (предмета). Но с экономической точки зрения рассматриваемый круг свойств сужается. Принимаются во внимание только те из них, которые обеспечивают способность удовлетворять потребителя, т.е. подвергаются субъективной оценке, при этом остальные свойства игнорируются или учитываются как малозначительные.

Другое отличие состоит в подходах к оценке качества. Философское определение не содержит критериев такой оценки. С философской точки зрения, качество либо есть, либо его нет, т.е. в принципе не может идти речь о высоком или низком качестве — оно не подлежит сравнительной оценке. С экономической же точки зрения, качество объекта — это относительная категория. Например, если объект не обладает характеристиками, способными хотя бы в минимальной степени удовлетворить потребителя, то это будет означать, что он — некачественный или уровень его качества ниже допустимого. Объекты могут сравниваться между собой только по способности удовлетворять потребности. В этом смысле качество имеет относительный характер.

Таким образом, качество любого объекта существует в двух измерениях: «философском» и «экономическом». Сложность этого понятия проявляется не только в различиях, выявленных при сравнении философского и экономического его определений. Даже в рамках экономической науки имеет место полемика относительно того, что же считать качеством того или иного объекта.

Принципиальным и спорным, с точки зрения экономической науки, является соотношение понятий «потребительная стоимость» и «качество продукции». Впервые термин «потребительная стоимость» был введен в научный оборот К. Марксом и Ф. Энгельсом в следующей трактовке: потребительная стоимость — это способность вещи (изделия, продукта) удовлетворять потребности людей в соответствии с назначением [3, с. 183]. Несколько иное определение дает «Экономический словарь»: потребительная стоимость — это термин, означающий полезность вещи как предмета потребления, наличие у нее свойств и качеств, позволяющих удовлетворять человеческие потребности (см. [4, с. 654]).

В обыденной жизни, в производственной деятельности термин «качество» нашел самое широкое употребление. Термин «потребительная стоимость» используется главным образом в научно-технической сфере, а в обыденной жизни и производственной деятельности он практически не применяется. Можно ли отождествлять качество продукции и ее потребительную стоимость, являются ли эти понятия синонимами, а если нет, то в чем отличие? Принято считать, что качество продукции и потребительская стоимость — это одно и то же. Однако некоторые ученые отказываются ставить знак равенства между этими понятиями: кто-то ставит знак «больше», а кто-то — «меньше».

Р.М. Петухов [5] приводит следующие критерии отличия. «Во-первых, качество — это просто совокупность свойств объекта, а потребительная стоимость — отношение потребителей объекта к этим свойствам. Оценка изделия и его свойств потребителем зависит от нескольких моментов:

- от комплекса свойств, которыми обладает изделие, и их уровней;
- от времени, когда производится оценка;
- от места, где проводится оценка;
- от конкретных обстоятельств и ситуаций во всем их многообразии, которые складываются в момент оценки.

Различные оценки — от высоких до самых низких — могут быть даны одному и тому же изделию с его неизменными свойствами. Ведь сами по себе свойства от перемены места, времени, обстоятельств оценки не изменятся; какими они были, такими и останутся. В зависимости от условий использования объекта изменяется отношение потребителя к свойствам изделия с позиций возможностей его использования, вследствие этого изменяется оценка потребительной стоимости изделия, но не оценка его качества» [5, с. 57]. В этом утверждении понятие качества интерпретируется как неизменное на том основании, что неизменными признаются его свойства. В соответствии с логикой рассуждений Р.М. Петухова становление нового качества возможно только при условии возникновения новых свойств, но возникновения объективного, независимого от оценок субъекта, — поскольку субъективная характеристика свойств, даваемая качеству потребителем, на содержание и сущность качества не влияет. Между тем в реальности именно оценка свойств потребителем или производителем зачастую оказывает решающее влияние на бытующее в социуме вариативное и не остающееся всегда неизменным представление о качестве. Так, зеленые помидоры считаются некачественными с точки зрения поставки их как продукции предприятиям общественного питания, но весьма привлекательны для индивидуальных потребителей с позиции возможности их долговременного использования.

Во-вторых, Р.М. Петухов допускает вместе с тем «различие баз сравнения при оценке качества и потребительной стоимости. Это принципиальное различие

при оценке материальных предметов (продукции). ... Если при оценке качества изделий необходимо или, во всяком случае, допустимо в качестве базы сравнения принимать нормативные требования, то при оценке потребительной стоимости обязательно в качестве такой базы нужно принимать требования потребителя» [5, с. 58]. Однако требования потребителя, хотя и не имеют законодательного характера, но также задают норму качества, с которой и призывает считаться сам Р.М. Петухов.

В-третьих, по его мнению, потребительная стоимость является рыночной категорией, в то время как качество – техническая категория. Учет актуальности и востребованности продукции на рынке – обязательный момент, который следует принимать во внимание при оценке потребительной стоимости промышленных изделий. При оценке качества этот момент вообще не может быть учтен [5, с. 61].

Таким образом, Петухов пытается выявить неоднозначность содержания понятия качества продукции, существующую сегодня в экономической литературе, и конкретизировать сферу возможного применения данного термина. «Качество, – пишет он, – по сути, – категория технико-экономическая. Неслучайно качество промышленных изделий контролируется и оценивается с помощью технических средств. Потребительная стоимость – категория социально-экономическая. “Инструментом” оценки здесь служат мнения, оценки людей, в частности мнения и оценки потребителей» [5, с. 63].

Соглашаясь с Р.М. Петуховым в отношении неоднозначности содержания категории качества, существующей в экономической литературе, вряд ли можно принять предлагаемую им интерпретацию качества. Качество – более полное и всестороннее понятие, включающее в себя потребительную стоимость.

Иной точки зрения придерживается Р.А. Фатхутдинов [6]. Он рассматривает соотношение трех понятий: потребительной стоимости, качества товара и полезного эффекта. Для нас представляет интерес его понимание первых двух категорий. Вот как он раскрывает эти понятия. «Потребительная стоимость – это способность удовлетворять определенные потребности». «Качество – это потенциальная способность товара удовлетворять конкретную потребность». Но любое «конкретное» всегда и есть «определенное», взятое во всем богатстве существующих отношений и взаимосвязей объекта. Поэтому попытка Фатхутдинова определить потребительскую стоимость как более широкое по объему понятие неправомерна в логическом смысле, хотя включение потребительской стоимости в содержание качества экономического объекта заслуживает самого пристального внимания и одобрения.

В целом в современной экономической литературе наблюдается путаница в понятиях потребительной стоимости и качества, что объясняется прежде всего различиями толкования именно понятия качества.

Грубо говоря, одним и тем же вещам присваиваются разные названия.

Очевидно, что отсутствие единого мнения по поводу экономического содержания понятия качества связано главным образом с методологической несостоятельностью исходных положений, принимаемых многими исследователями данных проблем, что проявляется, прежде всего, в отождествлении качества продукции с потребительной стоимостью и рассмотрении этой последней в отечественной науке только с позиций классической политэкономии.

Даже этот небольшой обзор базовых экономических концепций позволяет выявить место и роль философской методологии в упорядочении исходных принципов экономического анализа. Экономика и философия, объединив свои познавательные усилия, способны существенным образом повысить эффективность теоретического инструментария экономической теории. Дело в том, что диалектика, взятая в ее логическом плане и в системе образуемых последовательностей, способна выявлять основные тенденции в теоретической реконструируемых объектах. Экономическая теория также стремится фиксировать не только эмпирическую данность, но и реальные возможности ее изменения в различных условиях, однако она ограничена в познавательной практике количественными характеристиками экономической реальности и не имеет теоретических средств для выявления и фиксации потенциалов развития объекта.

Философия демонстрирует, что анализировать и трактовать качество можно различными способами, при этом результат будет определяться общностью тех свойств и потенциальных возможностей изменения объекта, которые выделяются познающим мышлением из окружающей действительности. Именно поэтому разные науки или научные направления, использующие различную методологию для формирования научных фактов, понимают под качеством объекта различные результаты. Даже один и тот же продукт труда, анализируемый с точки зрения культуры, будет иметь одно качество, с позиций идеологии – другое, экономики – третье и т.д. Различие трактовок качества в исследовании и оценке одного и того же объекта определяет ситуацию, при которой, если и может быть получен универсальный результат и выделена универсальная общность, то это мало что даст для анализа многообразных случаев использования понятия качества. Ведь качество, анализируемое в контекстах некоторых структур отношений, оказывается разным в разных исследовательских областях, поскольку имеющиеся в отношениях потенции оцениваются субъективно – в прямой зависимости от тех ценностных установок, которые приняты в данной научной парадигме или в индивидуальной познавательной практике исследователя. Структура оказывается движением, изменением, игрой, в то время как качество – чем-то ставшим, а не становящимся, формирующимся и изменяющимся.

Прямым доказательством данного тезиса является современная практика анализа технико-экономического понятия качества, которая определяет качество через ситуацию «здесь и сейчас». Между тем реальность в экономике – это неразрывное единство субъективного и объективного, в котором неотъемлемая ресурсная составляющая экономического качества имеет вариативный характер.

При использовании в качестве основания экономического исследования философского, а не технико-экономического понимания качества мы получаем методологию познания, работающую как в системе всеобщего, так и особенного. Философская ценность такого решения проблемы бесспорна. Но конкретность реального при данном анализе учитывается не полностью: в том числе конкретное явление не будет целиком охватываться системой обобщающего смысла, который мог бы стать основой для выявления перспектив рассматриваемого явления в отношении будущего. Возникает настолько абстрактно-общая определенность, что она неспособна быть достаточным основанием для анализа единичных фактов экономики, которые и позволяют выявить тренды общественного развития в рамках экономической определенности.

В современной экономической теории представления о качестве оказываются статичными, поскольку единство экономических представлений достигается лишь за счет статичных объектов. Факт становится неподвижным. При этом экономическая теория и практика исходят из идеи о том, что экономический факт нелинейно изменчив. Но в самих теоретических построениях данная идея не работает, превращаясь в декларированный, но не действующий принцип и, следовательно, он становится недостоверным с научной точки зрения, поскольку не может быть ни верифицированным, ни фальсифицированным.

Экономисты могут объяснить, почему решение является неправильным, но они не могут сказать, что будет с самой действительностью в результате неправильных действий. Экономическая наука не берет на себя неспецифических функций – заниматься исследованиями в области «защиты от дурака». Философия, в отличие от экономики, тесно связана с полем смысла, любое действие и статус изменений действительности рассматриваются как в тексте, так и в контексте смысла.

Теория экономики более или менее хорошо разработана, но в области экономической практики «бал правят» дилетанты. Благодаря философской методологии могут быть выявлены критерии разграничения верного и неверного без катастрофических последствий для жизни людей. Появляется связь, хотя бы в области смысла, между общемировыми тенденциями экономического развития и локальными экономическими про-

блемами. Человек легко может сказать, что ему нравится, а что не нравится, но личные пристрастия не всегда могут являться основой объективной оценки. Дополнение поля экономического исследования полем понимания средствами философии открывает возможность, которая повысит эффективность экономической теории за счет наработки критериев правильного и неправильного, а также предохранит от фатальных ошибок. В частности, общая теория смысла позволит человеку, знакомому с научным анализом, не принимать дилетанта за специалиста и разглядеть ошибки в системе принимаемых решений.

Введение в теоретическую модель даже одного неучтенного на стадии построения экономической модели фактора приводит к установлению совершенно иного типа функциональных зависимостей, что делает неработоспособной экономическую модель в целом. Учет факторов экономики средствами других научных дисциплин позволяет говорить о создании возможностей для преодоления кризиса экономической теории. Место философии здесь связано не только с использованием философских методов в исследовании экономической действительности, и прежде всего с тем, что философия в своем поле смысла создает подвижную логическую и смысловую модель, в которой можно определить и выявить не только тенденции, но и противоречия развития.

Таким образом, актуализация для современной экономики и социальной практики качественно новых стратегических задач, специфика которых определяется объективной интенсификацией общественного развития и возрастанием значения субъективного фактора в управлении экономическими процессами, ставит перед философией задачу формирования «прикладных» философских теорий и концепций, а перед экономической теорией – введения в теоретический аппарат научных исследований системы философских категорий, способных обеспечить науке необходимый уровень всеобщности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2002. 576 с.
2. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 5-е изд, перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006. 495 с.
3. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 19, ч. 1. 378 с.
4. Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азриляна. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Ин-т новой экономики, 1997. 864 с.
5. Петухов Р.М. Оценка эффективности промышленного производства: Методы и показатели. М.: Экономика, 1990. 95 с.
6. Фатхутдинов Р.А. Стратегический менеджмент. М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998. 416 с.

В.В. МАРХИНИН*, И.В. УДАЛОВА**

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЮГРЕ

* д-р филос. наук, профессор
Сургутский государственный университет
e-mail: socius@bk.ru

** канд. филос. наук, старший научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН,
e-mail: popkov@philosophy.nsc.ru

На основе данных статистики и социологических исследований рассматриваются демографические процессы (естественный и миграционный приросты населения) в Ханты-Мансийском АО – Югре и их влияние на межэтнические отношения. Показана обусловленность демографической ситуации в Югре и межэтнических отношений политикой проведения «радикальных реформ» в стране и особенностями экономического развития Югры. Выявлена тенденция постоянного сокращения доли русского и славянского населения в округе, являющаяся почвой для роста межэтнической напряженности.

Ключевые слова: *межэтнические отношения, миграционные и демографические процессы.*

Демографические процессы вообще, и особенно со стороны изменений, происходящих в национальном составе населения, относятся к базисным условиям динамики и состояния межэтнических отношений. Это особенно справедливо для такой многонациональной страны, как Россия (последней переписью в России учтено около 160 национальностей), и для каждого ее региона, в частности для Ханты-Мансийского автономного округа (в составе его населения насчитывается около 120 национальностей). Определяющей чертой демографической ситуации современной России является процесс обвальной депопуляции, начавшийся под воздействием либерально-буржуазных, так называемых «радикальных», «реформ» и разрушения СССР в начале 1990-х гг. и продолжающийся донныне. Депопуляция, помимо того, что она непосредственно угрожает национально-государственной безопасности России, подрывая ее геополитическое положение, является еще и почвой для дестабилизации межэтнических отношений в стране. Колоссальные демографические потери понес в результате «реформ» русский народ.

В целом миграция постсоветского периода в РФ носит преимущественно остро вынужденный характер. И, прежде всего, это касается миграции русских, выдвигаемых из бывших союзных республик, а часто фактически изгоняемых и притом разоряемых при выезде грабительскими условиями и правилами из прежних мест проживания. (Не говоря уже о социальных проблемах, порождаемых такого рода миграцией в силу ее остро вынужденного, а в случае русских зачастую и насильственного, характера.) Все это усиливает потенциальную конфликтности в межэтнических отношениях в РФ.

В Ханты-Мансийском автономном округе в силу ряда причин демографическая динамика гораздо более благополучна, чем в РФ в целом, хотя общие для страны тенденции находят специфические проявления и здесь.

Главная особенность демографической динамики округа проистекает из того, что его территория с 1960-х гг.

стала территорией интенсивного промышленного освоения. Поэтому решающий вклад в рост численности и формирование состава населения, определивший современный демографический облик округа, внесли миграционные процессы. В 1970 г. численность населения округа составляла 272,85 тыс. чел., в 1979 г. – 570,76, в 1989 г. – 1 282,4, а в 2002 г. – 1 432,82 тыс. чел. Таким образом, с 1970 по 1979 г. численность населения округа возросла в 2 раза, с 1979 по 1989 г. – в 2,2 раза, а всего за 1970–1980-е гг. – в 4,7 раза. Очевидно, что львиную долю прироста населения округа в 1970–1980-е гг. обеспечил миграционный приток.

В 1990-е гг. и в начале XXI в. темпы прироста населения округа сравнительно с предшествующими десятилетиями снизились на порядок: с 1989 по 2002 г. численность населения ХМАО – Югры увеличилась всего в 1,12 раза. В табл. 1 отражено соотношение вкладов естественного и миграционного приростов в общий прирост населения округа за 1990–2001 гг. [1].

Из табл. 1 видно, что в 1990–1993 гг. округ терял население в результате миграционного оттока. Суммарно за эти годы он потерял около 30 тыс. чел. В результате в 1991 и 1992 гг. сократилась и общая численность населения округа. 1990–1993 гг. стали годами начала «радикальных реформ», и отток населения из округа был тогда процессом общим для всех северных регионов страны. Но с середины 1990-х гг. социально-экономическое положение в округе сравнительно стабилизировалось и приток мигрантов возобновился, вновь начался рост численности населения округа. За прошедшие после этого годы все же еще раз, в 1999 г., имело место отрицательное сальдо миграции, повлекшее и сокращение общей численности населения округа. Это явилось последствием известного «дефолта», гигантской девальвации рубля, разорившей основную массу населения. Как видим, миграционная составляющая демографической динамики округа заметно зависит от социально-экономических факторов, от кризисных явлений в экономике страны в целом.

На процессе естественного воспроизводства населения округа также заметно отражается социально-экономический кризис периода «радикальных реформ». Хотя, в отличие от положения в стране в целом, округу, как и ряду других регионов, удалось избежать депопуляции, сохранив положительные значения естественного прироста населения. Тем не менее за годы «реформ» естественный прирост населения снизился в среднем в 3 раза по сравнению с предшествующим десятилетием. Сохранившиеся положительные значения естественного прироста имеют, как видно из табл. 1, очень незначительные величины, и к тому же мы не можем говорить об устойчивой тенденции их роста.

С 1995 г. по 2000 г. увеличение естественного прироста наблюдается в Ханты-Мансийске, Нижневартовске, Сургуте, а также в Нефтеюганском, Нижневартовском и Сургутском районах. Это увеличение нельзя не увязать с известным ростом в данное пятилетие нефтедобычи в округе, сказавшимся на повышении уровня жизни. Высказанное предположение подтверждается также тем, что в трех районах округа – Бе-

резовском, Кондинском и Ханты-Мансийском, в которых нефтедобыча не велась или велась в незначительном объеме, в течение 1990-х гг. имел место отрицательный прирост населения. Все это показывает, насколько сильно естественный прирост населения округа зависит от развития нефтегазодобывающей промышленности. Причем неблагоприятная конъюнктура цен на нефть может свести на нет положительный естественный прирост населения автономного округа. А поскольку конъюнктура цен на нефть определяется не экономикой округа и даже не экономикой страны, а мировым рынком, то очевидно: пока сохраняется экономическая политика, установившаяся в результате «радикальных реформ», положительная в целом демографическая динамика округа (и без того имеющая скромные масштабы) едва ли может быть признана прочной положительной тенденцией демографических изменений.

Динамика населения округа в разрезе по национальностям по данным переписей 1970, 1979, 1989, 2002 гг. показана в табл. 2.

Т а б л и ц а 1

Источники формирования населения Ханты-Мансийского АО в 1990-е гг. (тыс. чел.)

Год	Численность постоянного населения на начало года	Естественный прирост	Миграционный прирост	Общий прирост
Все население				
1990	1315,2	16,5	–,5	13,0
1991	1328,2	13,2	–22,5	–9,3
1992	1318,9	8,7	–12,6	–3,9
1993	1315,0	5,1	6,5	11,6
1994	1326,6	5,2	8,4	13,6
1995	1340,2	4,4	0,2	4,6
1996	1344,8	5,0	0,5	5,5
1997	1350,3	6,1	15,1	21,2
1998	1371,5	7,4	4,6	12,0
1999	1383,5	6,2	–8,0	–1,8
2000	1381,7	6,2	14,0	20,2
2001	1401,9	7,0	14,9	21,9

*) Миграционный прирост за соответствующие годы рассчитан как разница между естественным и общим приростами на основании данных Комитета государственной статистики Ханты-Мансийского АО.

Т а б л и ц а 2

Этническая структура населения Ханты-Мансийского АО
(по данным переписей населения), %

Население	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:				
коренные народы Севера	7,3	3,2	1,6	2,0
русские	76,9	74,3	66,3	66,0
титульные народы РФ	8,7	10,4	13,2	15,0
выходцы из стран нового зарубежья и прочие	7,1	12,1	18,9	17,0

Что касается национальностей, то население округа отличается тем, что в нем меньшими долями, чем во всех других северных автономиях, представлены и коренные малочисленные народы Севера (титульные для округа народы ханты и манси и обитающие в округе ненцы), а также русские. Данная ситуация сложилась в результате миграционных процессов в период промышленного освоения округа. Хотя абсолютная численность населения народов Севера с 1970 по 1989 г. заметно возросла (с 19 893 чел. до 28 312 чел.), однако их доля в составе населения за это время существенно снизилась – с 7,3 до 1,6%. Численность русских в округе с 1970 г. по 1989 г. возросла с 208 500 чел. до 850 297 чел., т.е. в 4 раза, но их доля в населении округа за этот период снизилась с 76,9 до 66,3%, т.е. на 10,6%. Соответственно, доля в населении округа других народов, как титульных для РФ, так и обитающих в странах нового зарубежья (взятых вместе с прочими народами), согласно данным табл. 2, возросла с 15,8 до 32,1%. Отмеченные демографические тенденции во многом определяются социально-экономическими факторами 1990-х – начала 2000-х гг.

Обращает на себя внимание большой рост численности коренных малочисленных народов Севера за период 1990-х – начала 2000-х гг. Их численность возросла на 42%, благодаря чему доля аборигенов в населении округа к 2002 г. также возросла: с 1,6 до 2,0% (см. табл. 2). Положительный прирост населения титульных коренных малочисленных народов округа, ханты и манси, за рассматриваемый период был выше, чем у всех других малочисленных народов Севера, проживающих в России.

Однако положительный прирост численности населения коренных малочисленных народов произошел не за счет естественного прироста и не за счет миграционного притока. Его можно объяснить только следующим обстоятельством. Дело в том, что с началом «реформ» многие лица метисного происхождения в северных автономных округах, в том числе и в ХМАО, перерегистрировали свою национальную принадлежность, чтобы официально войти в состав того или иного коренного малочисленного народа. Главным стимулом для подобной перемены национальности являлось стремление увеличить размеры личных и семейных доходов за счет материальных дотаций и льгот, направляемых государством на поддержку коренных малочисленных народов. Конечно, данный стимул стал активно действовать тогда, когда в результате «реформ» возникли условия, потребовавшие вести борьбу за физическое выживание.

Наши исследования, проводившиеся в сельских районах округа в 1991–2000 гг., показали, что в условиях, когда массы сельского населения, независимо от национальности, вынуждены были вести борьбу за выживание, дотации и льготы, предоставляемые коренным малочисленным народам, зачастую воспринимаются местным населением иных национальностей

(а это главным образом русское старожильческое население) как нарушение принципа национального равноправия, что вызывает осложнения в межнациональных отношениях. Особенно такие осложнения провоцируются фактом распространения льгот на контингент лиц, формально изменивших прежнюю национальную принадлежность. Несмотря на то, что отмеченное явление имеет, казалось бы, локальный характер и в заметных масштабах распространено только в сельских национально-смешанных поселениях, его не следует рассматривать как незначимое для межэтнических отношений в округе в целом. Ведь органичная целостность сельских местных межэтнических сообществ, ядром которых являются отношения между русским старожильческим населением и коренным национальным населением, представляет собой культурно-историческое основание органичной целостности всего югорского межэтнического сообщества.

Русское население округа за период после 1989 по 2002 г. возросло с 850 297 чел. до 946 590 чел., т.е. на 11% (табл. 2). При увеличении абсолютной численности его доля в населении округа за этот период все-таки сократилась – с 66,3 до 66%. Уменьшение доли русского населения в этот период продолжило тенденцию предшествующих десятилетий. Но поскольку сокращение доли русского населения в населении округа происходит за счет преобладания миграции в округ некоренного для округа нерусского населения, постольку данный контраст выступает более явно. Объективно этот контраст является тревожным фактом в плане его влияния на межэтнические отношения в регионе. Субъективное его восприятие, надо думать, не лучшим образом сказывается на национальном самочувствии русского населения Югры как государствообразующей нации и ключевого субъекта межэтнических отношений.

После образования на месте бывших союзных республик стран нового зарубежья произошло перераспределение миграционных потоков. Начиная с 1989 г., в составе населения округа быстрее росла численность представителей титульных народов РФ (здесь и дальше – без русских и народов Севера), чем выходцев из стран нового зарубежья (здесь и дальше – без русских и народов Севера). В результате величины долей этих категорий населения в населении округа заметно сблизились, хотя численность выходцев из стран нового зарубежья по-прежнему продолжает превышать численность представителей титульных народов России. Так, если в 1989 г. доля выходцев из бывших союзных республик была 18,9%, а представителей титульных народов РФ – 13,2, то в 2002 г. эти доли, соответственно, составляли 17 и 15% (см. табл. 2).

Другое дело, что нельзя не замечать, что проблема нарушения баланса национальностей в населении округа, состоящая в заметном сокращении доли русского и в целом славянского населения, обостряется во многом вследствие столь быстрого прироста числен-

ности мигрантов некоторых титульных национальностей стран нового зарубежья (азербайджанцы – прирост за период между переписями 1998 и 2002 гг. с 12 846 чел. до 25 988 чел., т.е. в 2 раза; армяне – прирост с 2490 чел. до 6471 чел., т.е. в 2,6 раза; таджики – прирост с 635 чел. до 5651 чел., т.е. в 9 раз; узбеки – прирост с 2052 чел. до 5182 чел., т.е. в 2,5 раза), как, впрочем, и республик РФ (чеченцы – прирост с 2845 чел. до 6943 чел., т.е. в 2,5 раза, представители народов Дагестана: кумыки – прирост с 3077 чел. до 9554 чел., т.е. более чем в 3 раза; лезгины – прирост с 3091 чел. до 8580 чел., т.е. в 2,8 раза).

Но дело в данном случае не в национальной принадлежности как таковой, а в том, что особенно быстрый миграционный прирост населения именно данных национальностей сопряжен с монополизацией определенными этническими группировками в округе определенных секторов занятости в сферах торговли и обслуживания, благоустройства и строительства. Поэтому правомерно ограничение квот на прием трудовых мигрантов, направляющихся в соответствующие сектора занятости из названных стран нового зарубежья и республик РФ. Ясно, что регулирование рынка трудовой занятости в направлении борьбы с монополизацией его отдельных секторов этническими группировками одновременно явилось бы косвенным, но вполне действенным средством оптимизации демографического баланса национальностей в округе. Оптимизации демографического баланса национальностей косвенным, но действенным образом призвана служить также борьба с нелегальной миграцией. Следует иметь в виду, что лица именно указанных титульных национальностей стран нового зарубежья и республик РФ доминируют в потоке нелегальных мигрантов. И если бы эти лица были учтены, то выяснилось бы, что действительный миграционный прирост населения данных национальностей еще выше, чем отраженный последней переписью.

В этнодемографическом плане за отмеченным сдвигом постсоветского периода в национальном балансе населения округа стоит заметное сокращение доли славянского населения. Относительное перераспределение соотношения долей численностей выходцев из стран нового зарубежья и титульных народов РФ в пользу первых произошло, главным образом, за счет оттока из округа украинцев и белорусов. Численность украинцев в округе снизилась за период между переписями 1989 и 2002 г. со 148 317 чел. до 123 238 чел., или на 16%, а численность белорусов – с 27 775 чел. до 20 518 чел., или на 13,5%. Общая доля численности украинцев и белорусов в населении округа сократилась с 14 до 10%. В целом абсолютная численность восточнославянского населения округа за указанное время возросла весьма незначительно – с 1026 389 чел. до 1090 346 чел., но при этом его доля в составе всего населения округа заметно сократилась – с 80 до 76%. В населении округа вообще заметно сократилась доля

представителей народов с традиционной христианской культурой – с 81 до 78% и повысилась доля представителей народов с традиционной мусульманской культурой – с 12 до 15%.

Таким образом, демографический баланс национальностей в автономном округе в постсоветский период претерпел и претерпевает заметные изменения. Отчетливо определилась тенденция к сокращению вместе с долей русского населения и доли всего населения славянских национальностей, отличающихся высокой степенью взаимной толерантности и высокой степенью признания ключевой роли русской нации в существовании и развитии многонациональной России. Вместе с тем, данная тенденция заключается также в изменении демографического баланса между представителями традиционно христианских и традиционно мусульманских национальностей, не в пользу первых. А между тем известная контрастность традиционных христианских и мусульманских культур, сама по себе не препятствовавшая их согласному сочетанию в многонациональном российском единстве, в настоящее время в условиях чрезмерной «суверенизации» отдельных республик с титульным мусульманским населением, акцентируется и используется определенными силами для раздувания националистических настроений и ослабления исторически достигнутой в России и ее регионах высокой степени взаимного согласия национальностей. Охарактеризованная выше тенденция в изменении демографического баланса национальностей, следовательно, если сама по себе и не дестабилизирует, то, как минимум, может стать почвой для дестабилизации сферы межэтнических отношений в автономном округе. Вероятность этого нельзя исключать, поскольку Россия, как и многие страны мира, является ныне объектом экспансии идеологии панисламизма, причем в самых радикальных ее версиях, чему способствуют многие зарубежные центры.

Конечно, надо иметь в виду, что непосредственно в округе отмеченная тенденция в изменении демографического баланса национальностей, осложняющая ситуацию в сфере межэтнических отношений, возникла, прежде всего, под воздействием миграционных процессов. Но хотя это и так, указанная ситуация представляет собой все-таки, пусть и ослабленное и специфически выраженное, но, тем не менее, проявление тех же негативных последствий демографических процессов, которые вообще характерны для РФ постсоветского периода. Ведь вектор данной, определившейся в округе тенденции – тот же, что и действующей в РФ в целом тенденции нарушения этнодемографического баланса в результате неравномерности естественного воспроизводства – положительного прироста населения в ряде национальных республик и отрицательного прироста в целом в России, особенно в областях с преимущественно русским населением. Такая ситуация – результат масштабной депопуляции русского населения, подрывающей государствообразующую роль

русской нации, и наконец роста конфликтогенного потенциала миграционных процессов.

Предотвращение указанных рисков обострения и без того усилившегося в самые последние годы неблагополучия в сфере межэтнических отношений предполагает, на наш взгляд, необходимость налаживания постоянного межконфессионального православно-исламского диалога, а для успешного проведения государственной национальной политики – разработки и осуществления программы изучения и мониторинга состояния отношений между православной и мусульманской конфессиями и сообществами верующих в автономном округе.

Очевидно, что решающую роль в стабилизации межэтнической ситуации в стране и ее регионах в рассматриваемом нами плане призваны играть меры по преодолению демографической депопуляции, что в основном совпадает с решением задачи достижения положительного демографического прироста русской нации. Решение данной задачи требует коренного изменения унаследованной от курса «радикальных реформ» социальной политики в стране, превращения Российской Федерации на деле в социальное государство.

Разработанная в Ханты-Мансийском автономном округе концепция демографического развития предполагает, что в основе решения проблем демографического развития округа должны лежать меры социального порядка: повышение уровня и качества жизни всего населения, реализация охватывающей все слои населения здравоохранительной программы, адекватной региональным природно-климатическим условиям и эти-

ологии заболеваний [2]. Демографическим основанием надежной стабилизации сферы межэтнических отношений в автономном округе может стать достижение, благодаря реализации намеченной социальной политики, устойчивого положительного естественного прироста населения, а затем – превращение естественного прироста в основной источник воспроизводства населения округа. Данные задачи наиболее значимы и актуальны не только потому, что их решение призвано служить стабилизации межэтнических отношений, но и потому, что они вообще являются, как это следует из Концепции демографического развития Ханты-Мансийского автономного округа, задачами в целом всей программы демографического развития региона.

Решение указанных основополагающих задач не исключает необходимости одновременного решения задач регулирования миграционных процессов с целью их оптимизации. В этой связи следует отметить, что в рамках Концепции демографического развития Ханты-Мансийского автономного округа регулирование миграции рассматривается как приоритетное направление в достижении оптимизации демографического баланса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демографическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа: ситуация, прогноз, политика / Под ред. Л.Л. Рыбаковского и А.В. Филипенко. М.: Ханты-Мансийск, 2002. С. 16.
2. См.: Концепция демографического развития Ханты-Мансийского автономного округа // Демографическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа: ситуация, прогноз, политика... С. 103–210.

М.В. МУСИЙЧУК

КОММУНИКАТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ЮМОРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИРОНИИ КАК ПРИЕМА ОСТРОУМИЯ*

канд. пед. наук, доцент
Магнитогорский государственный
университет
e-mail: mv-mus@ya.ru

Рассматривается коммуникативный механизм юмора на основе такого приема, как остроумие, ирония. Коммуникативный механизм юмора – это изменение смысла в результате соединения различных слов или выражений, близких по звучанию, построению, значению. Язык имеет эффективные формы изменения смысла в процессе восприятия. Это основа коммуникативного механизма юмора.

Ключевые слова: коммуникативный механизм юмора, прием остроумия «ирония», коммуникативная интенция, коммуникативные модальности, смысловое восприятие юмора.

Онтологические основания юмора проявляются в несоответствии цели средствам; формы – содержанию; сущности – ее проявлению; претензии личности – ее субъективным возможностям; действия – обстоятельствам; реальности – представлениям о ней; старо-

го – новому; и т.п. Категория «юмор» как таковая издавна существует в сознании людей и проявляется в устной и письменной коммуникации. Чувство юмора как умение понимать и продуцировать смешное всегда высоко ценилось в социуме.

Рассмотрим коммуникативный механизм юмора. Коммуникация характеризуется как смысловой аспект социального взаимодействия, основные функции кото-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-06-94007а/к).

рого состоят в достижении социальной общности при сохранении индивидуальности общающихся сторон. Интенции юмора реализуются в коммуникативных функциях языка, таких как апеллятивная – служащая для обращения; воздействия (волюнтаривная) – средство призыва, побуждения к действиям; экспрессивная – выражение личности говорящего; контактоуставливающая (фатическая) – создание и поддержание контакта; усвоения (конативная) – хранение и передача национального самосознания.

Под коммуникативным механизмом юмора мы понимаем интенционально-мотивированную контактизацию (изменения смысла в результате скрещивания различных слов или выражений, близких по звучанию, построению, значению). Данный механизм реализуется через передачу коммуникативной интенции (равнодействующей мотивов и целей общения) посредством:

– воздействия на восприятие содержания через языковую форму как средство изменения смысла в процессе восприятия; наличия в языке (речи) эффективных форм, влияющих на изменение смысла высказывания в процессе восприятия, таких как доведение до абсурда, смешение стилей, намек, ирония, метафоричность, двусмысленность, парадоксальность;

– динамизации смысловой системы, приводящей к созданию и поддержанию контакта при минимальном количестве затраченных на это средств на различных уровнях взаимодействия (индивидуальном, межличностном и социальном);

– иерархии языковых коммуникативных средств смещения оценок (обесценивания и повышенной оценки), создающей условия для мобилизации коммуникативных ресурсов и выхода из коммуникативного кризиса через изменение целевых и операциональных установок личности.

Категория «ирония» в разные эпохи существенно видоизменялась. Например, Аристотель называл иронией такой прием, когда говорят одно, а делают вид, что говорят другое; или когда называется что-либо словами, противоположными по смыслу тому, о чем говорится. Аристотель считал, что ирония – наиболее подходящий вид смеха для свободного человека, так как пользующийся ею вызывает смех ради собственного удовольствия, а шут для того, чтобы забавлять других. В «Риторике» Аристотель советует сделать иронию своим «оружием», подчеркивая при этом, что ирония присуща тому, кто обладает «величием души».

По отзывам древних, в иронии всех превзошел Сократ. В диалоге «Пир» Алкивиад, обращаясь к своему собеседнику, говорит: «Неужели ты поверил всему, что Сократ сейчас говорил? Разве ты не знаешь, что бы он тут ни говорил, все обстоит как раз наоборот». Подчеркивая роль иронии Сократа, А.Ф. Лосев писал, что эта ирония имела своей целью «изменять жизнь к лучшему и быть активным рычагом во всем воспитании человека» [1, с. 78].

Иронию иногда описывают как «отголосок мудрости бессмертных богов, никогда не принимавших жизнь всерьез». Об активном использовании приема остроумия «ирония» свидетельствуют античные мифы, населенные беспощадными богинями судьбы, обычно предрекающими смерть героев. Они названы «парки», т.е. «шадящие»; яростные и злобные богини мести носят имя «эвмениды» – «милостивые», «благосклонные». Римляне называли иронию «столичным притворством». Цицерон считал, что ирония – это такой вид смешного, когда мы говорим иначе, чем чувствуем, т.е. когда мы серьезно шутим.

Понятие «ирония» появляется в философской мысли в работах известного римского оратора Марка Фабия Квинтилиана (35 – ок. 100 г.), в значительной степени выражающего греко-римскую тенденцию высокой оценки художественной формы слова.

Давая характеристику иронии, Климент Александрийский утверждает, что цель иронии – «возбудить удивление, довести слушателя до раскрытого рта и до онемения». И далее продолжает, выражая всеобщий взгляд на иронию на протяжении средних веков: «истина же через нее нигде не преподается». Ему вторит Фома Аквинский, неодобрительно называя иронией «манеру притворно умалять себя». При этом подчеркивается, что ирония является пустой и вредной, так как разрушает веру в авторитеты.

Рассматривая коммуникативную функцию иронии, Честерфилд подчеркивает, что при использовании данного приема остроумия человек говорит прямо противоположное тому, что думает. В письме к сыну Филиппу Стенхопу (1732–1768) от 15 июля 1739 г. Честерфилд писал: «... помни, что всякая похвала, если она не заслужена, становится жесткой насмешкой и даже больше того – оскорблением и всего нагляднее обличает людские пороки и безрассудства».

Бытийные основания иронии весьма различны. Ирония как средство передачи смысловой интенции может быть реализована интерпретацией языковой формы сквозь призму ситуации. Например, при рассказе о событии в ироническом ключе, посредством каламбурного взаимодействия целого и части. «*“Неприятель нас не разбил”, – говорит один генерал. Ему отвечают: “Да, вы сказали правду: неприятель вас не раз бил”*». Здесь отчетливо прослеживается семантическая этимология целого слова и частей этого же слова, приводящая к разрушению первоначально созданного ожидания.

Таким образом, процесс восприятия юмора связан определенным образом не столько с простым пониманием значения отдельных лингвистических единиц, сколько с изменением смысла текста, с интерпретацией высказывания в рамках цельной ситуации, в рамках диалога. Интерпретация базируется на семантических связях, определяемых широким контекстом, включающим в себя как интра-, так и экстралингвистические факторы. В результате возникает новообразование в виде некоторого отношения, которое не было задано

заранее, а устанавливается в процессе мыслительного акта. Процесс восприятия юмора совмещен во времени и с процессом мышления, и с процессом формирования содержательных знаний. Последние переводят то, что мы понимаем, в «форму содержания», а затем, когда мы начинаем действовать, – в форму «действительности нашей деятельности» (П. Щедровицкий).

Ф. Ницше подчеркивает, что самый верный признак непонимания между партнерами диалога состоит в том, что каждый из них вставляет ироническое замечание в разговор и при этом не различает иронии другого. Следует отметить, что ирония нуждается в большом избытке несомненных свойств, условий, значений, опыта, на которые в случае возникновения необходимости можно будет намекать. Поскольку результирующие смысловые структуры при понимании требуют для своего построения некоторого набора общих (или фоновых) знаний, то очевидно, что, несмотря на индивидуальные различия, коммуниканты должны обладать некоторыми общими навыками и знаниями, которые позволяли бы им совершать результативные коммуникативные действия; причем эти навыки не являются чисто лингвистическими – мы воспринимаем смыслы независимо от языковых форм, выбранных для их передачи.

В основе смыслового восприятия юмора находится форма, опосредующая выявление смысловых составляющих на начальном этапе и построение новых смысловых моделей коммуникативной ситуации с целью адекватной в ней ориентации на базе выявленных составляющих. Смысловое восприятие юмора – творческий процесс, требующий привлечения определенного набора знаний, умений и навыков, основанный на законах интерпретации смыслов посредством их включения в концептуальные структуры, которые требуют известной степени абстрагирования. Юмор как средство передачи смысловой интенции может быть осуществлен интерпретацией языковой формы с учетом ситуации. Порождение остроты может также происходить посредством интерпретации ситуации сквозь призму языковой формы. Наконец, форма отвечает за подачу тривиального содержания и парадоксальным образом способна вызывать эмоциональную реакцию, ведущую к размышлению.

Процесс понимания речи, особенно юмористического содержания, тесно связан с коммуникативной деятельностью, предполагающей не только передачу сообщения, но и установление его смысла слушающим. При этом мы считаем важным подчеркнуть, что личностный смысл (термин А.А. Леонтьева), на наш взгляд, может быть заложен в текст только при наличии уверенности в том, что этот смысл может быть расшифрован (интерпретирован) реципиентом.

При восприятии юмористического высказывания реципиент сам находит для себя уровень релевантности тех или иных смысловых структур. То есть, базирясь на своих концептуальных структурах и фоновых

знаниях, на своем видении коммуникативной или социальной ситуации, реципиент определяет, какие смысловые структуры важны для него при ориентации в изменяющейся (или изменившейся) ситуации. Действие коммуникативного механизма юмора как интенционально-мотивированной контаминации в процессе восприятия юмористического текста производит эффект обманутого ожидания.

Ирония может опираться на общий исторический или социальный контекст, а также на узкий контекст общения группы. Прием остроумия «ирония» как средство конвенционального общения выполняет функцию группового самоутверждения посредством перенесения негативных качеств на объект иронии и повышения за счет этого своей относительной ценности. О значимости действия данного механизма свидетельствует наличие разнообразных иронических форм выражения отношения к происходящему: учтивая насмешка; злобная насмешка; жестокая насмешка; горькая ирония; подражание; миловидное притворство; приписывание черт. Такая богатая палитра не наблюдается ни в одном приеме остроумия. На уровне бытовых межличностных отношений ирония выполняет коммуникативно-полемическую функцию, устанавливая особые взаимоотношения между собеседниками. Контекст основывается на совместном прошлом опыте общения и деятельности. Впрочем, «семантическая информация, которую адресат получает из данного сообщения, определяется тезаурусом этого адресата», – подчеркивает Ю.А. Шрейдер [2, с. 32].

Значимость иронии как коммуникативного приема подчеркивается наличием слов с постоянно закрепленной за ними эмоционально-экспрессивной окраской, имеющих в словарях пометку «ирон.» (ироническое). Такой чести не удостоен ни один из 12 приемов остроумия.

Принято выделять несколько родов иронии как характерных способов передачи имплицитного содержания сообщения в различных коммуникативных модальностях: это учтивая насмешка, реализующаяся посредством способов создания комического эффекта (астеизм), аттическая соль, панегирик; злобная насмешка (диасирм); жестокая насмешка (сарказм); подражание (мимезис); миловидное притворство (хариентизм); приписывание черт (халеазм); вербализация умолчания (паралепсис); употребление слов или выражений в их противоположном значении (антифазис).

Так, коммуникативная модальность «астеизм» состоит в том, что под видом похвалы скрывается учтивая насмешка, или, наоборот, под видом насмешки подразумевается похвала. Например, выражение М. Пруста: «*Оставим красивых женщин людям без воображения*». Или же описание своего обращения к всевышнему И. Губермана: «*Я Богу докучаю неспроста/ и просьбу не считаю святотатством;/ тюрьмой уже меня Ты испытал,/ попробуй испытать меня богатством*». К приему «астеизм» обращаются многие

авторы с различными целями. Так, максимы Ларошфуко вносят иронические коррективы в трактовку образа героической личности античных трагедий. Если Корнель восхищается героем, обуздавшим свои страсти, то Ларошфуко иронически подчеркивает, что не люди настолько сильны, чтобы владеть своими страстями, а страсти эти слишком слабы.

Ироническая рефлексия позволяет осмыслить любое явление с противоположных сторон, что способствует получению более объективной оценки. Эту мысль неоднократно подчеркивал Гёте в письмах и дневниковых записях, говоря о том, что иронический взгляд на жизнь ведет к объективному и трезвому осмыслению человеком своих поступков. Аналогичным образом действует ирония Вольтера. Большая часть его остроумия построена на иронии, как отмечает Л. Каган [3, с. 129]. Ирония используется в качестве комического контраста как прием разоблачения нелепости господствующих порядков с логической стороны. Примером тонкой, образной остроты, свойственной древним жителям Аттики, получившей переносное значение «аттической соли», являются слова И. Губермана: *«Я люблю, когда слов бахрома/ Золотится на мыслях тугих,/ А молчание – признак ума,/ Если признаков нету других»*. Великим мастером иронии, без сомнения, является Ф. Ницше. Судите сами: *«Кто честно относится к людям, тот все еще скупится своей вежливостью»*. Чем тоньше ирония, чем глубже она спрятана, тем сильнее ее воздействие на личность, тем большее удовольствие возникает при осознании скрытого подтекста.

Коммуникативная функция приема «диасирм» характеризуется самой злобной насмешкой, касающейся какого-либо лица. Это проявляется в различных типах коммуникативного контекста. Ф. Геккер писал, что ирония освещает глубокие тайники человеческих характеров. При этом он особо подчеркивал, что иронии присущ двоякий смысл: буквальный и скрытый; чем глубже спрятан скрытый смысл, тем злее ирония. Наиболее ярко ирония проявляется в сфере межличностных отношений, выполняя коммуникативно-полюемическую функцию. Особый психологический контекст иронии проявляется в специфических правилах взаимоотношений собеседников, основанных на совместном прошлом опыте общения и деятельности, понятных только им. Например, Генрих IV, король французский, спорил с испанским посланником, сказав с гневом: *«Я дойду до Мадрида»*. *«Для чего же так, Ваше величество, – возразил хладнокровно посланник, – Франциск I также был в Мадриде»*. Через этот диасирм посланник напомнил о заточении Франциска I в Испании и дал понять, что с Генрихом это тоже может произойти. Или варианты, вышедшие из-под пера В. Вишневского: *«Я в душу вам?.. Но я же не доплюну!.. Такой бы и от Вас не отказался ...»*.

Особый род иронии как жестокой насмешки – сарказм (от греч. «срывать мясо с костей», выражение,

употребляющееся в отношении голодных собак). Коммуникативный прием остроумия тем более жестокий, что употребляется в том случае, когда осмеянное лицо бывает не в состоянии мстить за себя.

Сарказм отличается от других видов иронии большей едкостью и мрачностью, хотя способ создания юмористического эффекта остается тем же. Так, Фридрих Великий, король Пруссии, обращаясь к солдатам, бегущим с поля битвы под Колином в 1757 г., сказал: *«Канальи, вы что, хотите жить вечно?»* Отличительной коммуникативной чертой сарказма является также то, что происходит не только усиление контраста выражаемого и подразумеваемого, но и немедленное обнажение подразумеваемого. Обратимся к примеру, как это сделал с высочайшей степенью мастерства Н. Некрасов: *«Ты уснешь, окружен печеньем/ Дорогой и любимой семьей/ Ждущей смерти твоей с нетерпеньем»*.

Об эффективном воздействии иронии в процессе полемических дискуссий писали многие выдающиеся личности. Так, классики марксизма подчеркивали, что силу и выразительность речи придает преимущественное использование иронии, насмешки, сарказма, «которые уязвляют противника больше, чем самые грубые слова возмущения» [4, с. 283–284]. Подчеркивая значение употребления сарказма в речевой коммуникации, А.В. Луначарский [5, с. 8–9] писал, что «сарказм заключается в том, чтобы унижить противника, путем превращения того, что он считает серьезным, в ничтожное ... Когда такой, вольтеровского типа, смех направляется на то, что было окружено фимиамом, – действие смеха оказывается настолько сильным, что вряд ли с ним может сравниться другое полемическое оружие».

Рассматривая специфичность иронии, Г. Гегель говорил о существовании «трагической» и «комической иронии» [6, с. 489–490]. Передача высокого эмоционального накала достигается в процессе коммуникации посредством применения горькой иронии или так называемого «юмора висельников» как глубочайшей самоиронии. Когда Томаса Мора, приговоренного к смертной казни, подвели к эшафоту, он обратился к одному из присутствующих: *«Помогите мне только подняться, а опуститься я сам сумею»*. Самоирония как механизм компенсации и защиты часто проявляется в творчестве И. Губермана: *«Зря моя улыбка беспечальная/ бесит собутыльников моих: очень много масок у отчаянья, смех – отнюдь не худшая из них»*. На наш взгляд, смех – не только не худший вариант, а наилучшее средство достижения психического равновесия собственной личности или душевного комфорта партнеров по общению. Б. Шоу со свойственным ему лаконизмом блестяще передал эту мысль: *«Иногда надо рассмеить людей, чтобы отвлечь их от желания вас повесить»*.

Диапазон эмоционального воздействия иронии распространяется от весьма острых форм, таких как

диасирм, сарказм до весьма мягких, таких как мимезис и хариентизм. Мимезис (от греч. «подражание») – подражание насмешливое, посредством телодвижения и голоса. Такое, например, как у Д. Бедного: *«Вам мой фамилий всем известный/ Их бин фон Врангель, герр барон./ Я самый лучший, самый шестный/ Есть кандидат на русский трон»*. Хариентизм (от греч. «приятное, миловидное притворство») также можно отнести к «мягким» видам иронии. Английская актриса XVIII в. мисс Питт Энн сказала кому-то, кто ей приглянулся: *«Я знаю вас всего третий день, сударь, но будем считать, что мы знакомы уже три года»*.

Другой разновидностью передачи информации является прием халеазм (от греч. «насмешка, смех»). Этот род иронии состоит в том, что себе приписывают то, что принадлежит другому, или наоборот; другому приписывают то, что принадлежит себе. Как не вспомнить великолепный пример самоиронии Горация:

«О нет! Превосходно
Сделали боги, что дали мне ум
и скудный, и робкий!
Редко и мало ведь я говорю»
(Сат. I, 4, 16–18).

Прием халеазм так же активно применялся в процессе общения в глубокой древности. Его использует, в частности, Вергилий при построении речи Юноны против Венеры. Или пример, расположенный ближе к нам на хронологической оси: *«Вежливый вопрос: “Благополучно ли вы добрались вчера домой?”»* свиде-

тельствует еще о наших прежних нравах и мостовых» (Г.К. Лихтенберг).

Велико прагматическое значение ряда помех для правильного восприятия иронии. К числу наиболее важных относят такие помехи, как недостаточный общий кругозор, односторонний подход без учета контекста, неразвитость чувства стилистической нормы, предвзятость толкования. К числу помех, носящих печать безнадежности, мы бы взяли на себя смелость отнести отсутствие чувства юмора.

Таким образом, коммуникативный механизм юмора на основе приема остроумия, называемого «ирония», реализуется в характерных способах передачи имплицитного содержания в различных коммуникативных модальностях. Кульминационного момента в процессе коммуникации ирония достигает в момент переосмысления полученных ранее сигналов. В процессе коммуникации необходимо учитывать помехи, возникающие при восприятии иронии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А.Ф. История античной эстетики. М.: Искусство, 1969. С. 78.
2. Шрейдер Ю.А. Семантическая информация и принцип фокализации // Общение в свете теории отражения. Фрунзе, 1980. С. 32.
3. Каган Л. Философские повести Вольтера // Реализм 18 века на Западе. М., 1938. С. 129.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 35. С. 283–284.
5. Луначарский А.В. О смехе // Литературный критик. 1935. № 4. С. 8–9.
6. Гегель Г. Эстетика: В 4 т. – М., 1973. Т. 4. С. 489–490.

ПРАВО И ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

А.Б. ДИДИКИН

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ НАУКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО (КОНСТИТУЦИОННОГО) ПРАВА В РОССИИ

младший научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН,
Новосибирский государственный университет
abdidikin@bk.ru

В статье предпринята попытка анализа исторических и правовых аспектов формирования науки конституционного права в России. Рассматривается политическая ситуация и ее влияние на российскую систему юридической науки и образования, касающиеся проблем формирования концептуальных основ и методологии конституционно-правовой науки. Автором предложен новый подход к историко-правовому исследованию с целью анализа внешних и внутренних факторов развития конституционно-правовой науки.

Ключевые слова: *наука конституционного права, конституционализм, конституционные проекты.*

Формирование конституционно-правовой традиции в России происходило в XVIII в. в процессе дифференциации политико-правовых знаний о государстве и праве и завершилось в начале XIX в. в условиях формирования отраслевых юридических наук и отраслей права. Как отмечает В.А. Томсинов, юридическая наука «в течение длительного времени, даже после того как право стало писанным, не имела теоретического характера и существовала как сугубо практическая деятельность, необходимая для обслуживания механизма формирования и функционирования права» [1, с. 89]. Однако и к началу XIX в. юридические знания традиционно составляли неотъемлемую часть комплекса философских знаний и представлений о природе, обществе и человеке. По мнению Н.А. Богдановой, причиной такого состояния являлось «отсутствие сложившейся отрасли позитивного права, которая регулировала бы вопросы власти, правового положения сословий, взаимоотношения верховной власти и подданных» [2, с. 9]. Однако особенностью возникновения науки конституционного права как самостоятельной области научного знания и отрасли юридической науки в этот период объясняются действием внешних и внутренних факторов.

Развитие конституционализма в России в XVIII в. обусловлено взаимодействием объективных, преимущественно социально-исторических факторов, которые детерминируют функционирование правовой системы общества в конкретный исторический период, и субъективных факторов, характеризующих сферу правосознания, важнейшей составляющей которой выступает правовая наука как система объективных и достоверных знаний о закономерностях государственно-правовой действительности [3, с. 5]. Несмотря на то, что внешние соци-

ально-исторические факторы являются необходимым условием любых качественных изменений в науке конституционного права, специфика и возможность таких изменений обусловлена действием, прежде всего, внутринаучных факторов, к числу которых относятся изменения в научных представлениях об *объективности* юридического познания, т.е. изменения в *теоретико-методологических основаниях конституционно-правовой науки*. Анализ данных факторов позволяет объяснить конкретные условия формирования отраслевой конституционно-правовой науки в России в первой половине XIX в. и выявить причины, препятствующие отраслевой специализации научной юриспруденции в XVIII в.

Внешние факторы связаны с динамикой социально-экономического и политического развития Российской империи в XVIII в. и на рубеже XVIII–XIX вв., нарастанием кризиса феодально-крепостной системы хозяйства, формированием и укреплением политической и правовой системы абсолютизма. В условиях абсолютизма создание государственных учреждений относится к полномочиям императора, который при осуществлении властных полномочий был ограничен лишь двумя правовыми условиями: соблюдением закона о престолонаследии и необходимостью исповедания православной веры. Становлению абсолютизма в России в XVIII в. способствовали реформы Петра I и связанная с этим тенденция к централизации государственной власти [4, с. 25, 28].

Реформы Петра I были направлены на совершенствование системы государственного управления. Признание закона единственным источником права способствовало возрастанию роли законодательства в политике самодержавной власти. В частности, в указе Петра I от 17 апреля 1722 г. проявилось стремление ввести

принцип законности в структуру государственного управления с целью обеспечить неукоснительное соблюдение предписаний действующих законов. Еще в 1714 г. по инициативе Петра I издан указ о всенародном объявлении и распространении текстов нормативных актов, которые доводились до сведения органов управления, зачитывались в церквях и на площадях городов и селений [5]. Позднее в 1761 г. Сенат постановил, чтобы указы помимо обнародования печатались в едином источнике [6, № 11. 270]. В связи с активизацией законодательной деятельности в эпоху Петра I предпринимались попытки создания свода законов, нормы которого были бы согласованы с действующим Соборным уложением 1649 г. Указом Петра I от 18 февраля 1700 г. была учреждена специальная комиссия – Палата об Уложении (Уложенная палата), на которую возлагалась обязанность сформировать юридический сборник на основе Соборного уложения и принятых после него законов [6]. К июлю 1701 г. Палата об Уложении завершила работу по составлению Новоуложенной книги и проекта царского манифеста о введении данной книги в действие. Однако подготовленные ею варианты не были одобрены императором из-за неполноты многих статей и отсутствия связей между ними и нормами Соборного уложения [1, с. 86; 7]. В дальнейшем деятельность комиссий по систематизации законодательства неоднократно возобновлялась в 1714–1727 гг., но не привела к созданию единого свода законов [8, с. 1–8].

В XVIII в. в системе источников позитивного права появились новые виды нормативных правовых актов – манифесты, указы, регламенты, учреждения, уставы и жалованные грамоты. «Манифесты» издавались монархом в связи с важнейшими политическими событиями. Для эпохи «дворцовых переворотов» такими событиями выступали «восшествие на престол» нового монарха и провозглашение реформ в области управления. В частности, правовые последствия государственного переворота 1730 г. с целью ограничения самодержавной власти были юридически закреплены в Манифесте императрицы Анны Иоанновны от 4 марта 1730 г. о восстановлении самодержавия, упразднении Верховного Тайного Совета и восстановлении некоторых полномочий Сената. «Указы» представляли собой нормативно-правовые акты, в которых юридически закреплялись отдельные политические решения: учреждение или упразднение конкретных государственных органов, определение их полномочий, структуры и т.д. Так, с помощью именных указов происходили как нормативная регламентация реформаторской деятельности Петра I, так и проведение контрреформы преемников Петра I (именной указ от 8 февраля 1726 г. об учреждении Верховного Тайного Совета). Эту же цель преследовали указы, издаваемые императором и объявленные из Сената. «Регламенты» определяли структуру и конкретные полномочия, задачи и процедуры деятельности государственных органов, права

и обязанности должностных лиц, порядок делопроизводства. Важнейшим нормативно-правовым актом, способствовавшим развитию системы высшего юридического образования в России, стал «Регламент Академии наук и художеств» от 25 июля 1747 г. Иногда содержание реформ отражалось в таких специфических нормативных актах, как «учреждения». По мнению А.Д. Градовского, основные положения губернской реформы Екатерины II закреплены в «Учреждении о губерниях» 1775 г. [9, с. 11–13] Соответственно, в «уставах» регламентировались основные функции, методы и формы деятельности отдельных учреждений (Академии наук, университетов). А «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» («Жалованная грамота») Екатерины II 1785 г. представляла специфические привилегии дворянству как высшему сословию императорской России [10].

С расширением эмпирической основы юриспруденции в XVIII в. происходят более глубокая специализация политико-правовых исследований и конкретизация предмета юридической науки. Этому способствуют не только разработка и совершенствование законодательных актов, но и появление конституционных проектов реформирования государственного строя Российской империи. Впервые попытка проведения конституционных реформ предпринимается во время государственного переворота 1730 г. с целью ограничения полномочий верховной самодержавной власти вступившей на престол императрицы Анны Иоанновны.

В научной историко-правовой и исторической литературе показано, что политическим событиям 1730 г. предшествует укрепление власти группы аристократов из знатных дворянских родов на основе деятельности Верховного Тайного Совета, учрежденного указом от 8 февраля 1726 г. – совещательного органа при императрице Екатерине I [11]. Его учреждение повлекло за собой разделение функций верховного и подчиненного управления в системе государственных органов и снижение роли Сената, которому отводилось подчиненное место в системе абсолютизма [12, с. 66; 13–14]. В период правления Петра II (1727–1730) полномочия деятелей Верховного Тайного Совета существенно расширяются в связи с осуществлением регентства над малолетним императором. Эти полномочия активно используются Советом во время событий января 1730 г. при разработке специфического проекта ограничения власти вступившей на престол императрицы – «Кондиций». Они стали первым конституционным проектом, в котором были отражены политические требования отдельных групп дворянского сословия по изменению формы правления. В соответствии с «Кондициями» императрица *не имела права без согласия Высокого Совета* принимать решения по государственным делам – в частности, объявлять войну и заключать мир, вводить налоги, выносить приговоры о смертной казни за преступления против ее величества, осуществлять конфискацию имений дворян, а также дарить казенные вот-

чины, пользоваться иными средствами помимо выделенных из бюджета государства, вступать в брак и назначать наследника престола.

Подписанные императрицей «Кондиции» стимулировали разработку представителями дворянского сословия конституционных проектов о будущей форме правления в Российской империи. Мнения исследователей о характере, содержании и значении «Кондиций» расходятся. Одни полагают, что «Кондиции» не соответствовали характеру политической системы абсолютизма в России XVIII в. и представляли собой «конституционное заимствование», попытку внедрения шведской модели управления – ограничение прав монарха деятельностью Государственного Совета (А.Д. Градовский [15, с. 145]). Другие называют «Кондиции» результатом политических интриг дворянской группы «верховников» (А.С. Алексеев, А. Филиппов) либо неудачной попыткой реализации конституционных убеждений прогрессивной части дворянского сословия (В.Т. Козлов, С.А. Седов) [16; 17].

Предложенные дворянами проекты (Д.М. Голицын, А. Черкасский, Д. Мамонов) исходили из факта ограничения самодержавия и предлагали расширить состав Верховного Тайного Совета, предоставить дворянскому «Собранию» как представительному органу власти право составлять и утверждать законы, решать государственные вопросы, избирать состав высших правительственных учреждений [17, с. 191]. Однако ни один из проектов не был реализован в связи с изменением политической ситуации. Коронация императрицы в апреле 1730 г. завершилась аннулированием «Кондиций» и восстановлением абсолютной монархии. Несмотря на восстановление отдельных полномочий Сената, разделение функций государственного управления в годы правления Анны Иоанновны (1730–1740) было ликвидировано [19; 20]. «Кондиции» по своему историческому значению были достаточно радикальным проектом, после 1730 г. в конституционных проектах вопрос об изменении формы правления открыто уже не ставился.

Проекты 50–80-х гг. XVIII в. были направлены главным образом на совершенствование государственно-правовых институтов, ограничение произвола бюрократии и реформирование судебных органов. В проекте графа П.И. Шувалова «О разных государственных пользы способах» (1754 г.) среди рассуждений о способах увеличить государственные доходы, о реформировании армии и совершенствовании государственной пограничной службы существенное место занимают размышления о благополучии народа, облегчении его доли, о защите «поселян» и «обитателей» от грабительств и «прочих притеснений» [21]. Тем самым особое значение придается режиму законности, кроме того, делается первая попытка указать на специфику местного управления.

После государственного переворота и вступления на престол в 1762 г. императрицы Екатерины II появляется конституционный проект графа Н.И. Панина, основными идеями которого стали ограничение императорской власти, усиление роли Сената в государ-

ственном механизме и создание Императорского Совета. Но сохраняется существенный признак правовой системы абсолютизма – Сенат с департаментами должен был действовать «под государевою державною властью». Фактически сформулированная Н.И. Паниным идея ограничения императорской власти в проекте Манифеста была представлена в виде нормы закона, которая сводила на нет всю самостоятельность новых представительных органов. Их самостоятельность проявлялась только в праве предоставления на рассмотрение императрицы своих предложений.

Однако при всех недостатках попытка ограничения самодержавной власти в данном случае достаточно очевидна [22, с. 33]. После государственного переворота 1730 г. российский конституционализм и отечественная конституционно-правовая мысль вступили в новую стадию своего развития. Уже в начале 80-х гг. XVIII в. Н.И. и П.И. Панины выступили за разработку в России фундаментальных государственных законов (1784 г.), без которых монарх «зиждет на песке свои здания», «ясность их должна быть такова... чтоб из них монарх и подданный равномерно знали свои должности и права», «государь есть первый служитель государства». Ранее Екатерина II в «Наказе» Комиссии о составлении нового Уложения Российского, опираясь на христианские заповеди и идеи французских просветителей, декларировала в качестве политических ценностей «добро», «честность», необходимость видеть граждан России «охраняемых законами» и равенство этих граждан перед законами, запрещение «богатым удручать меньшее их стяжание имеющих» [23].

Среди конституционных проектов конца XVIII в. особое место занимает записка А.А. Безбородко. Провозгласив, что «Россия есть самодержавное государство», А.А. Безбородко вновь развивает мысль (которая содержалась в проектах П.И. Шувалова, Н.И. и П.И. Паниных, «Наказе» Екатерины II) о том, что беспредельная власть дана монарху «не для того, чтобы управлять делами по прихотям», но чтобы «держат в почтении и исполнении законы предков своих и самим им установленные» [24, с. 115–119]. Высказываясь за сохранение крепостной системы, А.А. Безбородко предлагает практиковать отпуск крестьян на волю с тем, чтобы они, «вне мнимого равенства, порожденного развратом» французской революции, сами продвигались от «меньшего» к «большему». Как отмечает А.Н. Медушевский, буржуазный принцип свободы и само утверждение прав личности здесь определенно преобладают над революционными утопиями [25].

К числу других внешних социально-исторических факторов следует отнести и становление науки и образования как общественных институтов в результате реформаторской деятельности Петра I. Организационно-правовой основой функционирования Петербургской Академии наук как государственного учреждения послужил первоначально проект «Положения об учреждении Академии наук и художеств», утвержденный

Петром I 22 января 1724 г. [26, с. 14] На основании данного проекта Сенатом был издан Указ от 28 января 1724 г. «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов...» [11, № 4443]. До официального принятия Устава Академии наук в 1747 г. данный документ может рассматриваться в качестве Положения об Академии наук.

Важным элементом функционирования созданного научного учреждения стало выделение в его структуре научно-исследовательского центра, Петербургского университета и гимназии. Это заложило основу для формирования в России системы высших и средних учебных заведений, в которых осуществлялась подготовка квалифицированных научных кадров. При этом гуманитарный класс наук включал и кафедру права, политики и этики. На юридическом факультете согласно «проекту Положения» должен был работать академик, «который науки практики, яко политику, этику и право натуры, учить быть может» [27, с. 90]. Таким образом, Академия наук была государственным учреждением, которое не имело академической автономии, финансировалось из бюджета государства, подчинялось царю (ее «протектору») и находилось под контролем Сената и Кабинета императорского величества.

В персональный состав Академии наук 1726 г. включены доктор права, академик по кафедре правоведения И.Ф. Бекенштейн, затем в 1738–1741 гг. и 1746–1757 гг. – академик по кафедре юриспруденции и политики Штрубе-де-Пирмон, в 1760–1770 гг. – обер-аудитор Адмиралтейств-коллегии Г.Ф. Федоров [28, с. 78]. Сфера научных и профессиональных интересов конкретного ученого определяла характер и содержание преподаваемых учебных дисциплин. Профессора-юристы читали преимущественно курсы естественного, русского и гражданского права в Петербургском университете. Естественно-правовые воззрения оказывали доминирующее влияние на систему юридического образования и научное знание в данный период.

В 1747 г. был принят Устав Академии наук, его официальное название – «Регламент императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге» [29]. В нем также отсутствовал принцип автономии академии и университета, существенно расширились полномочия президента Академии наук и его канцелярии. Важным нововведением стали нормативно утвержденные учебные планы каждого из факультетов академического университета. В частности, обязательным учебным курсом являлась такая дисциплина, как «права натуральные и философия практическая или нравоучительная», в которой были отражены политико-правовые идеи западно-европейского и русского Просвещения [30, с. 185].

Активная реформаторская деятельность М.В. Ломоносова в сфере науки и образования способствовала открытию Московского университета в 1755 г., который также имел три факультета: юридический, медицинский и философский [31, с. 78–79]. В отличие от Петербургского академического университета, юридическое обра-

зование в Московском университете занимало одно из ведущих мест в подготовке квалифицированных кадров. Деятельность юридического факультета начинается в 1756 г. с приездом в Россию немецкого правоведа Ф.Г. Дильтея. Специфика преподавания им юридических дисциплин состояла в применении основных положений естественно-правовой теории к русскому законодательству. Среди его учеников – такие известные русские правоведы, как И.А. Третьяков и С.Е. Десницкий, которые заложили основы для развития политико-правовой мысли в эпоху русского Просвещения. С.Е. Десницкий в своих научных работах обосновывал необходимость сочетания в процессе преподавания теоретического материала (нравственной философии, естественного права, римской юриспруденции) с практическим (решения судебные). Многие педагогические идеи С.Е. Десницкого были воплощены на практике лишь в первой половине XIX в.

Таким образом, конституционные проекты XVIII в. и становление юридических научно-исследовательских и образовательных учреждений послужили основой для осуществления либеральных преобразований в политической и правовой системе абсолютизма в начале XIX в. и формирования отраслевой конституционно-правовой науки в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томсинов В.А. Понятие юриспруденции, ее происхождение и основные функции // Законодательство. 2003. № 6.
2. Богданова Н.А. Истоки и становление государственного права как науки и учебной дисциплины: вклад ученых и профессоров Московского университета // Конституционное (государственное) право в Московском университете. М., 2005.
3. Черненко А.К. Теоретико-методологические аспекты формирования правовой системы общества: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
4. Тянь В.В. Эволюция верховной самодержавной власти России (1860е – 1917 гг.). Автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 2006.
5. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1. С. 6.
6. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. V, № 1765.
7. Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833.
8. Основные законодательные акты, касающиеся высших государственных учреждений в России XVIII и первой четверти XIX столетия / Под ред. А.А. Кизеветтера. М., 1909.
9. Вицын А. Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания общего учреждения министерств. Казань, 1855.
10. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXII, № 16 187.
11. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. VII, № 4830. С. 568–569.
12. Указ «О должности Сената» от 7 марта 1726 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. VII, № 4847. С. 581–583.
13. Указ «Об именовании Сената Высоким, а не Правительствующим» // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. VII, № 4853. С. 586.
14. Указ «О форме сношений Верховного Тайного Совета с Сенатом и Коллегиями» от 28 марта 1726 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. VII, № 4830. С. 568–569.

15. Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1866.
16. Алексеев А.С. Сильные персоны в Верховном Тайном Совете Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоанновны. М., 1898.
17. Филиппов А. История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета. Юрьев, 1895. Ч. 1.
18. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Исторический этюд Д.А. Корсакова. Казань, 1880.
19. Указ «О разделении Сената на Департаменты и о назначении каждому Департаменту особого рода дел» от 1 июня 1730 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. VIII, № 5570. С. 285–286; Указ «Об учреждении при дворе Ее Императорского Величества Кабинета» от 10 ноября 1731 г. // Там же. С. 285–286.
20. Веретенников В. Проект уничтожения Сената в XVIII веке. Харьков, 1913.
21. Шувалов П.И. «О разных государственной пользы способах» // Антология мировой правовой мысли. М., 1999. Т. 4.
22. Пряхина Т.М. Конституционная доктрина Российской Федерации. М., 2006.
23. «Наказ» Екатерины II Комиссии для составления проекта Уложения Российского 1766 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XVIII. № 12.949. С. 142–280.
24. Безбородко А.А. О потребностях империи Российской (1798 г.) // Государство российское: власть и общество: Сб. документов. М., 1996.
25. Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России XVIII–XX вв. М., 2000.
26. Курмачева М.Д. Петербургская Академия наук и М.В. Ломоносов. М., 1975.
27. Томсинов В.А. Развитие русской юриспруденции в первой четверти XVIII века. Ст. 2 // Законодательство. 2006. № 3.
28. Лантева Л.Е. и др. Российская Академия наук: история и перспективы // Государство и право. 2005. № 6.
29. Полное собрание законов Российской империи. Т. XII. № 9425.
30. Змеев В.А. У истоков высшего образования в России // Социально-политический журнал. 1997. № 4.
31. Томсинов В.А. Из истории юридического факультета Московского университета: период становления (1755–1770) // Законодательство. 2005. № 1.

А.К. ЧЕРНЕНКО

ИННОВАЦИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой
Сибирский государственный университет путей сообщения,
Институт философии и права СО РАН
e-mail: tiv@stu.ru

В статье предпринята попытка анализа генетической природы современного инновационного процесса в российской правовой системе. Рассматриваются проблемная ситуация в отечественной юридической науке, особенно ее кризисные аспекты, касающиеся проблем формирования концептуальных основ и методологии юридической науки, классификации и критериев правотворчества. Автором предложен генетический подход к правовым инновациям с целью анализа внутренней логики самодетерминации правовых явлений.

Ключевые слова: *инновация, правотворчество, уровни правовой системы.*

В современной юридической науке формируется мнение о необходимости разработки новой парадигмы права, что объясняется как объективными, так и субъективными факторами. К объективным факторам можно отнести новый этап развития российского общества. Известно, что предшествующим этапом был период, который в науке и в практике означал *переходный* период от социалистического советского общества к постсоциалистическому обществу. Экономической основой этого периода, как известно, являлась смена общественно-экономической формации, переход к капиталистическим, рыночным отношениям. Современное государство, право и общество, на мой взгляд, приобретают новые качественные свойства и признаки, которые существенно меняют всю систему общественных отношений между субъектами права. В силу этого возникают вопросы: какова же сущностная природа современного периода развития государства и права и каковы качественные характеристики современной правовой парадигмы. Следует сразу сказать, что ответы на поставленные вопросы сложные и неоднозначные. По большому счету современный период

является новым для юридической науки и практики государственно-правового строительства. В статье предпринята попытка сформулировать концептуальные положения этого периода, которые, конечно же, представляют собой в известном смысле всего лишь начало его исследования.

Каковы же базовые категории и подходы к такой концепции? Нам представляется, что одной из базовых ее составляющих является категория *инновации*. В современной правовой, политологической и социально-экономической литературе эта категория имеет разную интерпретацию. Например: она объясняется как осуществление новых концепций в экономике, с учетом их внедрения, т.е. эффективности этих концепций в практической социально-экономической жизни. В действительности инновация предполагает не только социально-экономический и экономико-правовой аспекты, но и теоретико-методологический и даже мировоззренческий аспекты. Другими словами, эта категория имеет более глубокие основания и характеристики. Рассмотрим эти положения подробнее. Во-первых, инновация, на наш взгляд, харак-

теризует не просто внедренческий потенциал новых подходов, а представляет собой *внутренний* механизм модернизации уже достигнутого состояния общества, государства и права. Иначе говоря, речь идет о том, что инновационный процесс предполагает критическое осмысление существующего социально-правового пространства и на основе этого решение новых задач и достижение целей, адекватных новым потребностям и интересам общества, сложившейся объективной социально-правовой ситуации в России.

Во-вторых, стратегия развития политико-правовых структур общества предполагает изменение метода проб и ошибок, который был характерен в 1990е гг., и создание научно обоснованной логики конструирования современного этапа государства и права. Эта логика должна представлять собой триединую задачу: во-первых, выявление основы инновационного процесса; во-вторых, раскрытие основных институтов, с помощью которых можно осуществить инновационный процесс; и, в-третьих, определение способа, методов и принципов формирования государства и права в новых условиях.

Основной инновационного процесса является *стратегическое* направление развития, в котором приоритет отдается человеку. Человек выступает в качестве *основного капитала*, в него инвестируются основные ресурсы. Нет сомнений, что решение этой задачи имеет первостепенное значение в силу того, что за последние восемь лет не уменьшилось, а напротив, возросло различие между доходами богатых и бедных – с 14 до 16–17 раз. В Новосибирской области, к примеру, доходы населения составляют 70% от уровня доходов 1990-х гг., а зарплата и того ниже: всего лишь 57%. Поэтому, хотим мы или не хотим, но ради объективности должны сказать, что на этом фоне произошло определенное игнорирование общепринятых показателей жизни, таких как продолжительность жизни, качество образования и здравоохранения, уровень доходов населения. Иначе говоря, решение этих социально-экономических проблем является действительно центральной задачей, в том числе политики и права. Их решение – гарантия формирования стабильности и снятия социальной напряженности в обществе. В силу этого основной целью инновационного этапа являются именно интересы *каждого* человека, а не избранной элиты, а, следовательно, и правовая защита интересов рядового человека.

Встает вопрос, как и каким образом мы можем решить эту важнейшую и в то же время сложнейшую для современного российского общества проблему? Ее решение, на мой взгляд, предполагает создание ряда условий. Одно из них – это *изменение* характера наших *рыночных отношений*. Такое изменение в своей основе должно состоять в *модернизации* рынка – переводе его целевой установки с получения прибыли любой ценой на рынок, ответственный за *социально-экономическое положение населения*. При этой постановке вопроса рынок может стать действительно важным фактором экономического развития и преодоления неравенства между различными

группами населения. С точки зрения основной задачи инновационного процесса, он действительно может превратиться в инструмент эффективного развития всей политико-правовой системы общества [1].

Второе направление, в рамках которого возможно осуществление инновационных процессов, – это модернизация *политического института, т.е. государства*. Основой этой модернизации является переход от конституционного требования, которое состоит в построении правового государства, к его *практическому* осуществлению. Встает вопрос, какова же суть этой модернизации? На мой взгляд, она состоит прежде всего в формировании *социального* государства, т.е. не просто абстрактно-правового, а именно социально-правового как его высшей формы, т.е. государства, основанного на принципах справедливости и социальной защиты человека (особенно ослабленных слоев населения – пенсионеров, инвалидов, детей). Кроме того, она предусматривает отказ от сформировавшегося в 1990-е гг. либерального государства, которое утратило активное осуществление своих социально-экономических функций. Примерами чего являются неконтролируемый рост цен, в том числе на продукты первой необходимости, неоправданная монополия рыночных механизмов, ослабление правовой защиты рядового человека.

Построение правового государства предполагает, прежде всего, преодоление негативных факторов, препятствующих его созиданию. Такими факторами, являются: неоправдавшая себя теория и практика радикальных методов разгосударствления, минимизация роли государства, что приводит к максимальному его устранению из основных сфер жизнедеятельности общества, особенно из социально-экономической сферы. Устранение причин, препятствующих формированию правового государства, предполагает преодоление «комплекса неполноценности» государственности. В этих целях плодотворной является концепция сильного правового государства, которая предполагает следующие основные условия. *Первое* – превращение социальной и экономической функций из второстепенных в ключевые функции становления правового государства. В этих условиях право используется как фактор эффективного развития экономики. Реализация социальной функции позволяет разрешить острые проблемы, вызванные социальным неравенством, ущемлением прав и свобод человека. При этом само законодательство получает новый импульс развития, оно превращается в мощный способ реализации общегосударственных интересов. *Второе* – превращение слабого, «минимизированного» государства в сильное, правовое и устойчивое, опирающееся на правовой закон, принцип справедливости. Основываясь на системно-содержательном правопонимании и правовом законе, оно создает себе иммунитет, который способен защитить его от авторитарных и тоталитарных методов управления [1, с. 155–163]. В-третьих, государство не должно отвергать прежний исторический опыт, традиции, духовно-культурные ценности и не должно разрывать тем самым историческую причинную связь во избежание противопоставления одного поколе-

ния другому, одних нравственных и правовых ценностей другим. Государство должно включить в новую социально-правовую реальность все положительное, что было накоплено в предшествующий период, используя его как предпосылку формирования сильного, устойчивого государства. В-четвертых, формирование правового государства предполагает его активное участие в процессе глобализации, при этом оно находит в себе силы и средства, с помощью которых эти данные преобразуются в целях утверждения и развития национальных интересов.

Основой и предпосылкой формирования правового государства является правовая личность. Уровень развития такой личности характеризует степень развития правового государства. Структура правовой личности имеет двуединую природу: с одной стороны, государство, согласно Конституции страны, должно гарантировать личности возможность свободно пользоваться своими правами и свободами, а с другой – принцип прав и свобод человека предполагает наличие активной правовой личности, которая не только наделена юридическими правами, но может реально и свободно пользоваться ими.

Третьим направлением интеграции права и политики и всего инновационного процесса является модернизация системы законотворчества и реализации права. Дело в том, что сложившаяся система правотворчества и правореализации имеет ярко выраженный характер коммерциализации и лоббизма, при этом недооцениваются гуманистическая и социально ориентированная составляющие системы законодательства. В самом деле, мы нередко сталкиваемся (в том числе и в судебной системе) с тем, что при решении дел приоритет отдается коммерческой выгоде, а не конституционным требованиям в защиту прав и свобод человека. В этом плане можно согласиться с существующим мнением, что суды на разных уровнях не служат примером защиты социальных и экономических интересов обычного человека.

Далее, юридическая наука, обеспокоенная низким качеством законов, стремится определить теоретико-методологические основания, необходимые для формирования качественных законов. Вместе с тем внимательный взгляд на ситуацию позволяет обнаружить, что по-прежнему приоритетными остаются позитивистская (нормативистская) тенденция в понимании права, его формально-абстрактные составляющие и свойственные им юридические характеристики. Все же слабо учитываются системные и ценностные характеристики права, принципы, методы правовой технологии. В силу этого в системе мер, необходимых для повышения качества законов, особое место занимают такие, как защита в полном объеме социальных прав человека, воплощение в законодательстве принципа справедливости, причем не только его формальных, но и содержательных характеристик, системный учет общественного мнения, использование реальных демократических институтов и методов правовой технологии.

Четвертое направление инновационного процесса – это новый подход в борьбе с *правовым* нигилизмом. Про-

блема правового нигилизма обычно формулируется как отрицание права, закона, правовых сфер общества. Нередко эта проблема связана с отрицанием права, якобы имеющим место в теории марксизма. На деле источник современного правового нигилизма коренится в нашей повседневной действительности. Это, прежде всего, осуществление приватизации вне правового поля. В этом ключе следует понимать гайдаровские заявления о том, что рынок все решит сам, не надо вмешиваться ни государству, ни праву. Одним из источников правового нигилизма, как мы уже отмечали, является коррупция, т.е. чиновник воспринимает свое служебное положение как источник для собственного обогащения. Как известно, такая позиция является прямым отрицанием правового положения государственного чиновника и пренебрежения им форм правового управления.

Пятое направление – это формирование концепции, способной ответить на вопрос, как осуществить политико-правовую инновацию в российском обществе. Такой концепцией, по нашему мнению, является концепция правовой технологии [2]. Специфическая природа *объекта* правовой технологии представляет собой не макро-, а скорее микропроцессы, микросреду, историческую обстановку и присущие ей правовые реальности: конкретную социальную и правовую ситуацию, тот или иной правовой институт*. *Предмет* правовой технологии представляет собой внутренне взаимосвязанную систему, состоящую из трех основных элементов: а) методы познания конкретной правовой реальности; б) методы, способы, процедуры конструирования, т.е. построения и формирования правовой системы, ее институтов; в) использование общественных и правовых институтов как средств изменения и построения эффективных правовых структур. Можно дать следующее определение правовой технологии. *Правовая технология – это система принципов и методов, способов и средств эффективного и рационального конструирования правовых институтов и правовой системы в целом в соответствии с поставленными целями, которые детерминированы конкретно-историческими потребностями и интересами общества, закономерностями социально-правового развития.*

Концептуальная основа правовой технологии получает свою конкретизацию и развитие в *принципах и методах.*

Особое место в построении эффективной правовой системы занимают принцип эволюционности и принцип критического рационализма. Принцип эволюционности (позтапности) позволяет избежать издержек – непродуктивной растраты опыта и средств в ходе радикальных, быстрых и масштабных изменений как правовых институтов, так и правовой системы в целом. Известно, что радикальный путь ведет к разрыву преемственности с прошлой правовой системой, к разрушению государственно-правовых институтов. В 1990-е гг. в России такой

* В отечественной юридической литературе попытка системного анализа проблем правовой технологии была предпринята автором настоящей работы (см. [2–10]).

подход привел к радикальным изменениям прежней правовой системы, и, как следствие этого, возник известный «правовой вакуум» и «правовой беспредел». Анализ ситуации позволяет сделать вывод, что, с точки зрения построения эффективной правовой системы, эволюционный путь по сравнению с радикальным подходом имеет ряд бесспорных преимуществ. Прежде всего, эволюционные изменения в праве и государстве осуществляются не спонтанно, а на основе тщательно продуманной и научно обоснованной программы, четко сформулированной концепции построения правовой системы. Согласно принципу критического рационализма анализ ситуации направлен на обнаружение скрытых потенциалов и неиспользованных возможностей, реализация которых способствует совершенствованию правовой системы на основе становления эффективной экономики и осуществления принципа справедливости. Рациональность как составляющая данного принципа предполагает, что деятельность государственных и иных органов управления должна осуществляться на основе целесообразности, эффективности, простоты и прозрачности при соблюдении демократических требований. Далее, среди методов правовой технологии выделяются: метод целевой детерминации, т.е. сознательного, целенаправленного, научно обоснованного проектирования и формирования; метод поэтапности, последовательности мер, направленных на изменение и преобразование правовой системы; метод проб и ошибок; метод корректировки и моделирования.

Кратко остановимся на анализе *механизма правовой технологии* как системы методов, средств и мер, при помощи которых практически осуществляются функции правовой технологии и достигаются ее цели. Это интеллектуальная и организационная деятельность субъектов политики и права, которая «материализует» теоретическую конструкцию правовой технологии. Анализируются правотворчество и правоприменение как сферы действия механизма правовой технологии. При этом механизм действия правовой технологии предполагает не изменения как таковые, а изменения на основе принципов эволюционности, критического рационализма. Основное различие между существующими в теории права положениями и правовой технологией состоит в том, что если в первом случае правотворчество и правоприменение исследуются с точки зрения их сущности, признаков, видов и стадий (этапов), то во втором случае анализируются условия и методы, при которых правотворческий и правоприменительный процессы могут и должны стать эффективными и рациональными. Законодателем разрабатываются и осуществляются меры и способы формирования и изменения правовых норм в соответствии с изменившимися общественными отношениями и более полным осуществлением принципов справедливости и гуманизма. Иначе говоря, правовая технология отвечает на вопрос, не *что* есть правотворчество, а *как и какими* методами и способами могут и должны происходить эффективно правотворческий и правоприменительный процессы. В качестве научной основы выступает не только зна-

ние, позволяющее раскрыть общественные закономерности и противоречия, но и знания об их конкретных, специфических формах, характерных для данной социальной и правовой ситуации.

Применение правовой технологии, ее принципов и методов вносит свои коррективы и в понимание классификации стадий правотворческого процесса. Это связано главным образом с использованием рационального метода правовой технологии, согласно которому предполагается, что законопроект задолго до своего принятия становится известным и понятным населению – людям, которым предстоит жить и действовать в рамках установленного законом правопорядка.

Таким образом, правовая технология выступает важным способом модернизации политико-правовой сферы, а, следовательно, и решения задач, поставленных перед российским обществом на перспективу. В качестве вывода можно сказать, что роль правовой технологии в исследовании и формировании законодательства и правовой системы в целом дифференцируется по следующим позициям: а) осуществление оценки действующего законодательства и правоприменения с точки зрения их гуманистической ориентации, эффективности и рациональности; б) обеспечение надлежащего качества принимаемых законов и эффективности правоприменительной практики; в) использование скрытых ресурсов государства и права для наиболее полного удовлетворения общесоциальных потребностей и интересов, развития общества, прав и свобод человека; г) научное прогнозирование законодательства и правоприменения в целях определения оптимальных путей формирования государственно-правовой системы.

В заключение следует отметить, что на первый взгляд может показаться – рассматриваемые проблемы в большей степени носят теоретический характер и не имеют выхода на сферу высшего образования. На самом деле решение этих проблем напрямую связано с отечественными образовательными процессами. Ведь от того, насколько эффективно мы будем решать эти проблемы, зависят политико-правовая зрелость сегодняшних студентов и выпускников вузов, их активная политическая и правовая позиция. И каждый преподаватель несет особую миссию в решении актуальных проблем, от которых зависит будущее развитие нашего общества, преодоление препятствий, которые стоят на пути этого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черненко А.К. Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества. Новосибирск: Наука, 2004.
2. Черненко А.К. Правовая технология: Метод конструирования устойчивости правовой системы // Право и правовое регулирование в системе устойчивого социального развития. Новосибирск, 1995.
3. Черненко А.К. Правовая технология и устойчивое социальное развитие: опыт методологического анализа. Новосибирск, 1996.

4. Черненко А.К. Философия права. Новосибирск, 1997.
5. Черненко А.К. Концептуальные основы правовой технологии // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 1.
6. Черненко А.К. Правовые технологии как регулятор развития научного и образовательного процессов // Новые технологии в науке и образовании. Новосибирск, 1998.
7. Черненко А.К. Правовая технология как научная основа устойчивого развития и социального конструирования // Вопросы устойчивого и бескризисного развития. Новосибирск, 1999. Вып. 1.
8. Черненко А.К. Правовые технологии как научная основа формирования правовой системы: Концептуальные направления анализа // Современные проблемы права и правовые технологии. Новосибирск, 1999.
9. Черненко А.К. Правовая технология как проблема общей теории государства и права // Современные проблемы юридической науки. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2000.
10. Черненко А.К., Бобров В.В. Целевая составляющая и аксиологические основания правовой технологии (социально-философский аспект). Новосибирск, 2003.

Ю.Г. МАРКОВ

ХОЗЯЙСТВО БУДУЩЕГО: ПРАВО КОЛЛЕКТИВНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

д-р филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН,
Новосибирск

Статья посвящена проблеме выбора доминирующего права собственности в хозяйственной системе России. Показано, что хозяйство будущего будет строиться, скорее всего, в рамках коллективной собственности, точнее – общей долевой собственности. Этому виду собственности предстоит быть доминирующим, поскольку он не только наилучшим образом учитывает интересы людей труда, но и соответствует историческим ценностям России, ее социокультурному базису. В статье приведены факты, подтверждающие мысль о высокой эффективности кооперативных хозяйств, основанных на коллективной собственности участников.

Ключевые слова: *право, собственность, кооперативные хозяйства.*

Ведение любого хозяйства предполагает в своей основе духовно-нравственный фундамент, который диктует соответствующий вид собственности. Последняя охватывает всю цепочку вещей, начиная с ресурсов и кончая произведенным продуктом. Всякий объект собственности, как правило, нуждается в специальных мерах по его сохранению и поддержанию. Эти меры способны обеспечить лишь само общество в лице его властных структур независимо от масштабов объекта собственности.

Собственность, поскольку она рассматривается как экономическая и правовая категория, не включает в себя вещи и факторы, лежащие за пределами хозяйственно-правовых отношений. Например, мы не можем обходиться без атмосферного воздуха. Но никому не приходит в голову сделать атмосферу объектом собственности. Являясь определенной формой субъект-объектных отношений, собственность не может быть привязана только к физическим лицам как субъектам, хотя такая точка зрения имеет место в литературе [1, с. 18]. Субъектом собственности в СССР было, как мы знаем, государство, а ныне таковыми субъектами стали разнообразные юридические лица. Право индивидуальной собственности в обществе возникает как некий инструмент для обеспечения возможности удовлетворять потребности человека в материальных и духовных благах. Общественное признание собственности осуществляется соответствующей правовой нормой. Существует, кроме того, естественное право собственности, которое не нуждается в специальных актах признания. В соответствии со сложившейся традицией законодательство включает

в число объектов собственности, прежде всего, материальные вещи и денежные средства, составляющие так называемое имущество. Объектами собственности не принято считать трудовой и интеллектуальный потенциал человека, хотя без этого потенциала было бы невозможно и само имущество.

Таким образом, собственность является более широким понятием, чем право собственности. Данное право возникает тогда, когда требуется обеспечить защиту собственности. Законодательная защита, к сожалению, осуществляется даже в тех случаях, когда законодатель по тем или иным причинам нарушает естественные права человека. Пожалуй, именно этот случай имеет место при законодательном закреплении права частной собственности. Немного лучше обстоит дело и при доминирующем положении государственной собственности. Невольно забегаю вперед, скажем, что наиболее согласованной с естественным правом человека является коллективная (совместная или общая долевая) собственность. Такой должна быть, в частности, собственность на природные блага и ресурсы. В данном случае государство могло бы взять на себя лишь функции хозяйственного ведения и оперативного управления.

С точки зрения современного законодательства участие лица в общественном производстве дает ему право собственности на конечную продукцию лишь в том случае, если это лицо является собственником имущества, используемого в процессе производства (Гражданский кодекс РФ, ст. 218). В. Каменецкий и В. Патрикеев правы в том, что подобное основание приобретения права собственности нельзя считать удовлетворительным, по-

сколькo здесь игнорируются затраты трудового и интеллектуального потенциала человека [1, с. 43–44]. А между тем именно эти затраты могли бы служить веским основанием для приобретения права собственности на производимую продукцию. Тем более что собственник используемого имущества вообще может не затрачивать свою физическую и интеллектуальную энергию, наблюдая процесс со стороны. Юридическое лицо, являясь организационно-правовой формой реализации совместной или общей долевой (коллективной) собственности, может рассматриваться в качестве коллективного собственника по отношению к имуществу данного лица и тех продуктов, которые производятся при использовании этого имущества. Проще говоря, юридическое лицо представляет собой коллектив, организованный тем или иным способом и выступающий в роли собственника. Поэтому мы вправе допустить, что юридическое лицо может быть субъектом собственности, несмотря на попытку оспорить это положение [1, с. 48–51]. Есть основания полагать, что в будущем система отношений собственности должна измениться в сторону безусловного доминирования общей долевой собственности. Кстати, данная форма собственности бурно развивалась в России конца XIX – начала XX в. в связи с ростом кооперативного движения, которое позднее (после октябрьской революции 1918 г.) было насильственно прервано.

Иногда собственность трактуют как волю субъектов социального действия, распространяемую ими на соответствующий объект собственности [2, с. 36]. Заметим, однако, что рассматривать собственность как проявление воли было бы не вполне корректно, поскольку за понятием воли скрывается всего лишь способность человека к выбору. Здесь важно подчеркнуть другой момент. А именно, собственность выражает некое отношение между субъектом и объектом, накладывающее определенный отпечаток также на межсубъектные (общественные) отношения. В этой связи собственность обычно рассматривают как отношение между людьми по поводу вещи (объекта присвоения) [3, с. 619]. Подобным образом отношения между человеком и природой накладывают определенный отпечаток также на общественные отношения, которые мы называем социально-экологическими или просто экологическими отношениями. Столь же естественно говорить об отношениях собственности.

Казалось бы, можно думать, что отношения собственности немислимы без наличия соперничества и конкуренции в обществе по поводу объектов собственности. И все же это не совсем так. Отношения собственности не всегда нуждаются в защите от посягательств. Например, знаниями, которые стали нашей собственностью, мы обычно с удовольствием делимся с другими. Весь процесс обучения строится именно на передаче знаний, которыми обладает учитель как своей собственностью. Человек является собственником своих органов и даже порой готов согласиться на их пересадку другому человеку. Наконец, моя личная собственность возникает не потому, что кто-то хотел бы ею завладеть, а потому, что

у каждого человека есть вещи, которыми он владеет, пользуется и распоряжается даже в отсутствие посягательств. Однако во всех случаях, когда сохранение и поддержание собственности обеспечивается властными структурами в обществе, говорят о праве собственности. Содержанием права собственности выступают как раз права владения, пользования и распоряжения вещами как своим имуществом [4, с. 82].

Будущее хозяйство вряд ли можно себе представить без реструктуризации форм собственности. Сложившиеся в обществе институты и формы собственности могут не соответствовать духовно-нравственным основаниям данного общества, и тогда они не находят соответствующего признания и поддержки. Вряд ли в этом случае их можно рассматривать как легитимные. Есть основания думать, что именно такая ситуация имеет место в нынешней России, где широкое внедрение институтов частной собственности противоречит идеологии и психологии коллективизма, исторически сложившимся представлениям о нравственности и справедливости. В Западной Европе, пережившей в свое время Реформацию, противостояние государства и общества в области отношений собственности в значительной степени ослаблено. Пожалуй, именно Реформация была необходимой духовно-нравственной установкой для введения частной собственности как некоей идеологической доминанты в обществе. Либерально-рыночная экономика, предполагающая принцип индивидуализма, вполне отвечает ценностным основаниям европейского общества, но не находит себе должного сочувствия в России.

Зато естественный ход событий в дореволюционной России показал, что у нас хорошо себя чувствуют кооперативные модели хозяйства и соответствующие ей институты кооперативной собственности. Влияние демографических проблем, якобы порождающих дефицит ресурсов жизнедеятельности в условиях роста населения, если и имеет какое-то значение для снижения престижа и масштабов распространенности частной формы собственности в обществе, то оно является минимальным. Гораздо важнее такой фактор, как исторические духовно-нравственные ценности.

Современная Россия, во всем стремящаяся подражать Западу, вошла в зону долгосрочных противоречий с традиционным российским обществом, которое не так просто переделать методом психологического давления через СМИ. И эти противоречия будут только обостряться и углубляться. Благоприятная среда для частных собственников интересов и частного бизнеса вряд ли когда-нибудь у нас сложится, даже если государство будет предпринимать немалые усилия, чтобы поддержать частные компании. Это вовсе не означает, что нужно брать курс на доминирование государственной собственности. По всей видимости, данный этап в России уже пройден и вряд ли повторится. Отделение людей от собственности, как это было в период существования СССР, оборачивается государственным насилием над личностью, превращением людей в «винтики» государственной машины,

снижением эффективности труда и возможностей обеспечения населения соответствующим набором материальных и духовных благ, утратой чувства ответственности за результаты труда, в том числе управленческого труда.

Для так называемых российских реформ конца XX в. характерно пренебрежение историческими и национальными особенностями. Любопытная деталь: рыночная политика в начале перестройки (конец 1980-х – начало 1990-х гг.), нацеленная на разрушение государственной собственности, тем не менее, исключала развитие традиционной кооперативной собственности. В Законе РСФСР «О собственности» понятие кооперативной собственности даже не упоминалось. А между тем кооперативные хозяйства на базе общин и артелей еще во времена Д. Менделеева оценивались как зародыши перспективного промышленного развития России [5, с. 299]. И хотя артель как форма хозяйствования исчезла с исторической арены, будущее остается за коллективной собственностью, способной заменить частноиндивидуальную и даже, во многих случаях, государственную формы собственности. Ф. Рыбаков прав, когда говорит о важности преемственности национальных особенностей хозяйствования, чего в перестроечной России, к сожалению, не произошло [6].

Правовое государство, на которое нацелена Конституция РФ (ст. 1), предполагает систему национального законодательства, основанного на принципе социальной справедливости. Лишь в этом случае возможно говорить о верховенстве закона. Институт права частной собственности, который может вступать в противоречие с принципом социальной справедливости, способен разрушить правовое государство. Утрата социальной справедливости в системе законодательства противопоставляет друг другу государство и общество.

Производство вещей в силу своего коллективного характера делает приоритетной коллективную форму собственности на эти вещи. И это обстоятельство надлежит закрепить в Конституции вместо пресловутого плюрализма и равноправия форм собственности. Предприятия, которые в этом случае становятся предметом коллективной собственности, могут, вместе с тем, рассчитывать на поддержку государства, поскольку в них нуждается общество. Формирование «среднего класса», образуемого индивидуальными предпринимателями, отнюдь не так важно для современного общества, как это может показаться. Государство всегда будет нести ответственность за социальное благосостояние и функционирование хозяйственных систем. Полагаться на регулирующую роль рынка было бы в высшей степени опрометчиво.

Как известно, право собственности предполагает владение, пользование и распоряжение своим имуществом. Наличие своего имущества делает человека собственником с соответствующими правами. Законодательство, к сожалению, не рассматривает основания для таких прав, а между тем это чрезвычайно важно для нравственно оправданной системы общественных отношений. Для начала заметим, что человек может производить те

или иные вещи и услуги, потребляемые другими людьми, и лишь постольку он становится собственником. В частности, он имеет право собственности на производимую им вещь в форме так называемого вещного права. Однако данное положение нуждается в дальнейшем уточнении, поскольку многие вещи не могут производиться одним человеком. Требуется коллектив, в котором работа по производству вещи распределена между различными людьми. И эти люди, таким образом, становятся частичными (долевыми) собственниками. Сама же вещь становится предметом коллективной (общей долевой) собственности.

Более того, необходимо иметь в виду, что реальное производство вещей предполагает не просто коллектив (множество) людей, но некоторую систему, имеющую определенное организационное единство. В гражданском праве говорят в этой связи о понятии юридического лица. Любое имущество организации, представляющей собой юридическое лицо, может принадлежать ему на праве хозяйственного ведения и оперативного управления либо находиться в собственности этого лица. Идея заключается в том, что право собственности юридического лица относится также к вещам, производимым для внешнего потребления (по крайней мере, до момента реализации). Произведенные вещи не должны находиться в государственной собственности, а тем более в собственности отдельных лиц (граждан). Эти вещи должны находиться в коллективной (общей долевой) собственности в соответствии с логикой и нравственными принципами. Данное право собственности, поскольку оно относится к системе гражданских прав, подлежит (в соответствии со статьей 1 Гражданского кодекса РФ) беспрепятственному осуществлению, а в случае необходимости – судебной защите.

В свое время рядом крупных социологов, философов и экономистов (П. Сорокин, Н. Бердяев, Дж. Гелбрейт и др.) высказывалась идея конвергенции капитализма и социализма. Данная идея, с одной стороны, пренебрегала формационной теорией К. Маркса, а с другой – пользовалась марксистскими представлениями об основных типах общественного устройства. В действительности следовало бы говорить не о смешении типов общественного устройства, а о некотором сочетании частной и государственной форм собственности. Если уж на то пошло, то социализм можно трактовать как государственный капитализм, и тогда несовместимость социализма и капитализма обретает характер некой мифологемы, рожденной абстрактно-схоластической теорией об обществе и общественном развитии.

Нередко полагают, что демаркационная линия между упомянутыми формациями проходит по «водоразделу» между плановым и рыночным хозяйством. Между тем любой хозяйственный субъект (в том числе частный предприниматель) не может не планировать свою деятельность. Все дело заключается только в масштабах планирования, связанных с размерами хозяйственной системы как объекта собственности.

Следовало бы говорить не столько о конвергенции, сколько о существенном ограничении как частной, так и государственной собственности. Вместо этих явно неудовлетворительных в нравственном отношении видов собственности следовало бы доминантной сделать коллективную форму собственности, связав ее непосредственно с самими производителями. Кооперация производителей (производственная кооперация), способная поставлять на рынок некий конечный продукт, имеет естественное моральное право быть собственником как этого продукта, так и способа его производства – завода, фабрики или их кооперативного объединения. Что касается природных ресурсов, то их целесообразно рассматривать как форму гражданской собственности, права на которую принадлежат всем гражданам страны размещения этих ресурсов. Эта идея уже высказывалась в литературе [7, с. 205]. Именно Россия раньше всех других государств могла бы убедиться на практике в несостоятельности так называемого социализма, а ныне (после пресловутой перестройки) и капитализма.

О конвергенции частной и государственной собственности давно говорят в Западной Европе и даже реализуют ее в той или иной форме. Речь идет всего лишь о смещении этих двух видов собственности. Такое смещение вполне приемлемо для Запада в рамках исторических ценностей. Даже в ГДР в 1962 г. была предпринята попытка ориентировать хозяйства на рыночные отношения под эгидой регулирующей и направляющей роли государства. Теоретической опорой для соответствующей программы служили идеи конвергенции, развиваемые во Фрейбургской школе немецких экономистов (руководитель Мюллер-Армак) [8, с. 15]. Несомненно, популярность различных теорий в области конвергенции в ГДР во многом объяснялась стремлением к воссоединению ГДР и ФРГ. Теории эти находили поддержку и в ФРГ. Дело доходило даже до официальных обращений в Правительство СССР непосредственно к Л.Брежневу. Однако эти обращения не только не нашли поддержки со стороны руководства СССР, но даже были засекречены для СМИ. Был упущен шанс к политическому диалогу и сближению стран Варшавского договора с другими странами Западной Европы и снижению уровня военного и политического противостояния.

В 1982 г. Институт экономики мировой социалистической системы подготовил аналитическую записку (составитель – проф. В.И. Дашичев) в адрес ЦК КПСС, в которой предлагались и обосновывались меры по расширению инициативы и полномочий различных хозяйственных организаций при сохранении централизации власти. Сам В. Дашичев полагал, что именно на основе теории конвергенции возможно построение социализма «с человеческим лицом», которое соответствовало бы особенностям исторического развития советской России и менталитету русского народа [8, с. 20]. Речь шла, в частности, о передаче государственной собственности (различных предприятий и организаций) в длительную и наследуемую аренду или концессию не только коллективам

этих предприятий и организаций, но даже отдельным лицам и товариществам. Предлагалось посредством правового и государственного регулирования исключить возможность опасной концентрации финансовых средств в руках отдельных лиц и тем предотвратить образование финансовой олигархии, способной оказывать давление на правительство и отдельных чиновников. Природные ресурсы предполагалось использовать в интересах всего общества путем придания им статуса общественной собственности. Однако отношение к данной аналитической записке было сдержанное. Высшие партийные руководители испытывали в то время неприязнь к любым предложениям, угрожающим монопольному господству КПСС.

Представляется поразительным факт перехода в 1974 г. 10 тыс. предприятий США частично или даже полностью в собственность работников в соответствии с ранее принятым федеральным законом о создании предприятий, находящихся в коллективной собственности. Данные предприятия возникли не только в торговле и здравоохранении, но и в отраслях строительной и машинной промышленности, а также в целом ряде других сфер, включая финансовые услуги. Желающих продать свои предприятия частных собственников оказалось довольно много. Причем возникающие таким путем новые (коллективные) предприятия не только входили в сложившуюся рыночную среду, но и становились вполне преуспевающими. В последующее годы число таких предприятий существенно выросло. Их акции высоко котировались на американском фондовом рынке. Например, с 1992 по 1995 г. стоимость акций всех коллективных предприятий увеличилась на 84%, обогнав рост стоимости акций частных предприятий более чем на 30%. Передача предприятий в собственность их работников была осуществлена в связи с опасностью чрезмерной концентрации капитала в частных руках. Таким путем предполагалось укрепить хозяйственную систему США, не ущемляя в то же время власть олигархической прослойки в стране, которая продолжала полностью определять курс внутренней и внешней политики США. К тому же коллективные предприятия строились на базе акционерной собственности, что делало эти предприятия предметом биржевой игры и способствовало развитию финансового капитализма с соответствующим расширением рынка ценных бумаг.

Изучая этот пример, В. Дашичев, как уже говорилось, предлагает, сохраняя государственную собственность в качестве доминантной, передавать предприятия на правах долгосрочной аренды или концессии производственным коллективам [8, с. 23–24]. Подобным образом колхозные и совхозные предприятия использовали передаваемую им государством землю на праве вечно пользования. Известно, однако, что самостоятельность этих предприятий была весьма относительной. Достаточно упомянуть хотя бы их полную подчиненность государственному плану. Венгерский опыт 1980-х гг. по предоставлению сельскохозяйственным организациям полной самостоятельности и независимости, хотя и оказался довольно эффективным, не получил должного развития,

поскольку противоречил универсализму государственной власти, обязательному для модели социализма.

Теория конвергенции предполагает обычно расширение функций государственного управления и регулирования в области распределения объектов собственности и доходов, а также в решении социальных задач. При этом о существенном ограничении частной и государственной собственности речь может и не идти. Дело может дойти до выявления оптимального соотношения этих видов собственности, но не более того. Напомним также: во многих случаях говорят о разумном сочетании плановой и рыночной экономики. Но при этом забывают о том, что в обоих случаях принцип коллективизма остается нарушенным. В СССР данный принцип лишь провозглашался, в то время как люди труда представляли собой всего лишь работников по найму либо выступали в качестве трудовых ресурсов. Что же касается принципа индивидуализма, лежащего в основе частной собственности, то его осуществление в хозяйственной системе закономерно ведет к «диктатуре наживы», поддерживаемой государством. Подобным образом формируется слой элиты, например, в США и Англии. Во многих других странах Запада происходит усиленный поиск либерально-рыночной модели с «человеческим лицом». Похоже, что это не всех устраивает. Например, английский премьер Т. Блэр в своей книге «Третий путь» (1998 г.) предлагает приблизить западно-европейскую модель к американской [8, с. 25]. Тем самым создаются предпосылки замещения идеи социальной справедливости идеей «диктатуры наживы», что вряд ли может произойти в условиях все большего осознания в большинстве стран мира нарастающей угрозы всеобщей катастрофы. Монетаристская экономика, превратившая хозяйственную деятельность всего лишь в элемент биржевой игры, все более становится непопулярной даже на Западе, не говоря уже о странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Представляется, что Россия не только не сможет приблизиться к американской модели, но скорее всего найдет в себе силы преодолеть популизм теорий конвергенции в любых ее формах и двинется по пути безусловного авторитета кооперативной экономики с ее коллективными формами собственности. Есть все основания полагать, что будущее хозяйственные системы будут базироваться, прежде всего, на принципах кооперации, в рамках которой реализуется право общей долевой собственности. Именно в России имеют место настойчивые попытки выстроить подобную модель социально-экономического устройства. Как известно, в России в 1985 г. была создана практически работающая схема производственной кооперации, именуемая «Союзом совладельцев-собственников» (Акушинский район Дагестана). Это так называемая система Чартаева [9, с. 325–328]. Важнейшие особенности этой схемы таковы: полное исключение наемного труда; финансирование промежуточных фаз только по достижению конечного результата и лишь в той степени, в какой он достигнут; решительный отказ от ценных бумаг (акций) и введение паев (трудовой пай,

«земельный» пай); распространение принятых принципов работы также на управленческих работников (включая директоров).

Опыт первых 11 лет работы дал поразительные результаты: валовая продукция хозяйства увеличилась более чем в 18 раз, урожайность с гектара повысилась в 5 раз, социальная сфера (по степени обеспеченности) оказалась в 10 раз лучше, чем в среднем по России, производительность труда возросла в 64 раза, материальные затраты на транспортное обслуживание снизились в 20 раз, численность управленцев уменьшилась в 8 раз. И это при отсутствии каких-либо государственных дотаций.

Можно с уверенностью сказать, что большей эффективности труда, чем в рамках системы Чартаева, мир не знал. Кроме того, добавим, что данная система могла бы без особого труда применяться во всех сферах экономической и научно-технической жизни в России. Такие тенденции наблюдались, в частности, в Белгородской области. Тогдашнее политическое руководство в России (М. Горбачев, Е. Гайдар и др.) знали об этом опыте, однако, необходимой поддержки система Чартаева так и не получила, поскольку, как теперь известно, все помыслы данной политической элиты были направлены на заимствование принципов либерально-рыночной экономики Запада.

Представляется, что соответствующая реорганизация всей системы собственности в России могла бы не только обеспечить устойчивое развитие страны, но и стать примером для организации эффективного хозяйства во многих других странах, включая страны Запада, все глубже входящие в состояние социально-экологического тупика. Общая долевая (кооперативная) собственность могла бы служить базовым элементом национального проекта хозяйственной жизни России, одновременно стимулирующего социальный и научно-технический прогресс в обществе. Этот путь нашел бы самую широкую поддержку у всех коренных народов России, и, прежде всего, у русского народа. Кооперативная система хозяйственной и социокультурной жизни могла бы даже претендовать на статус национальной идеи России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каменецкий В.А., Патрикеев В.П. Собственность в XXI столетии. М.: Экономика, 2004. 314 с.
2. Черненко А.К., Бобров В.В. Целевая составляющая и аксиологические основания правовой технологии: Социально-философский аспект. Новосибирск: Изд-во ГЦРО, 2003. 232 с.
3. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия. 1983. 840 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. (Статья 209). М.: Норма, 2002. 424 с.
5. Менделеев Д.И. Промышленность: богатство и капитал. Община и артель // Экономика русской цивилизации. М.: Родник, 1995.
6. Рыбаков Ф.Ф. Российские экономические реформы: диалектика общего и особенного // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 3. С. 238–244.
7. Разовский Ю.В. Горная рента. М.: Экономика, 2000. 221 с.
8. Дашичев В.И. Какая модель общественного развития нужна России // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 3–27.
9. Андреев С.Ю. Набат. Не говорите потом, будто вы его не слышали! СПб.: Пионер, 2002. 400 с.

Ю.В. НЕЧАЕВА

**ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО
ПРИНЦИПА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ**аспирант,
Институт философии и права
СО РАН, Новосибирск

В статье рассматривается вопрос о «разногласии» федеральных норм и сложившейся ситуации на уровне муниципалитетов. Делается вывод о необходимости принятия федерального закона, регулирующего вопросы формирования контрольного органа муниципального образования.

Ключевые слова: *местное самоуправление, муниципальное образование, органы местного самоуправления.*

В пункте 1 статьи 1 Основного закона страны записано: «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» [2, ст. 1]. Институт демократии – залог уважения населением страны государственной власти. До реформы местного самоуправления органы государственной власти осуществляли и власть на местах. Как следствие, абсолютизировалась роль государства в управлении делами местной жизни. Целесообразно привести следующее высказывание: «Известно – человеку нужна крыша над головой, не протекающая при дожде, тепло в доме, чистая вода, желательно не только холодная, но и горячая. Люди в России привыкли, что все это предоставляет им государство. Оно несет ответственность за обеспечение их непосредственных жизненных нужд» [1, с. 5].

Сегодня вопросы обеспечения жизнедеятельности населения решаются и органами местного самоуправления, в связи с чем следует говорить и об авторитете местной власти среди жителей конкретного муниципального образования. Одним из основных условий авторитетной власти выступает эффективная, иерархическая система Конституции Российской Федерации, законов страны и подзаконных нормативно-правовых актов, включая механизмы их реализации. Изменение федерального законодательства должно быть напрямую связано с преобразованием правовой базы местного самоуправления. В противном случае система адаптации федерального законодательства останется лишь декларацией.

В основе реформы местной власти лежит принцип самостоятельности местного самоуправления. Данный принцип является конституционным [2, ст. 12] и включает:

1) организационную самостоятельность: самостоятельность населения в решении вопросов местного значения, в определении структуры органов местного самоуправления [2, ст. 130, п.1; ст. 131, п. 1];

2) территориальную самостоятельность: осуществление местного самоуправления в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций; учет мнения населения соответствующих территорий при изменении границ этих территорий [2, ст. 131];

3) финансово-экономическую самостоятельность: признание и защиту муниципальной собственности наравне с государственной, частной и иными формами собственности; обеспечение самостоятельного владения, пользования и распоряжения муниципальной собственностью; управление муниципальной собственностью, формирование, утверждение и исполнение местного бюджета, установление местных налогов и сборов самостоятельно органами местного самоуправления [2, ст. 8, п. 2; ст. 130, п. 1; ст. 132, п. 1];

4) самостоятельность в принятии нормативно-правовых актов, что вытекает из ст. 12 Конституции Российской Федерации.

Конституционное закрепление указанных положений конкретизируется в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3, ст. 3822].

Естественно, самостоятельность местного самоуправления носит относительный характер, поскольку:

во-первых, органы местного самоуправления могут наделяться законом отдельными государственными полномочиями. При этом органы государственной власти осуществляют контроль за осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий и за использованием предоставленных на эти цели материальных ресурсов и финансовых средств [2, ст.132, п. 2; 4, гл. 4];

во-вторых, установление общих принципов организации системы органов местного самоуправления находится в совместном ведении Российской Федерации

и субъектов Российской Федерации [2, ст. 72, ч. 1, п. «н»]. В связи с этим нормативно-правовые акты, принимаемые на местном уровне, не должны противоречить вышестоящим нормативно-правовым актам. Более того, муниципальные правовые акты в части, регулирующие осуществление органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, переданных им федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, могут быть отменены или их действие может быть приостановлено уполномоченным органом государственной власти Российской Федерации (уполномоченным органом государственной власти субъекта Российской Федерации) [3, ст. 48].

Но можно ли вообще говорить о реализации принципа самостоятельности местного самоуправления? Можно ли считать структуру органов местного самоуправления «проекцией» данного принципа?

Прежде всего, формирование структуры органов местного самоуправления не основывается на конституционном принципе разделения властей. Это вполне объяснимо: органы местного самоуправления не входят в механизм (аппарат) государства [2, ст. 12]. Тем не менее представительный и исполнительный органы местного самоуправления организационно обособлены и обладают правами юридических лиц [3, ст. 35, п. 9; ст. 37, п. 7; ст. 41]. Это объясняется необходимостью создания «системы сдержек и противовесов» при осуществлении местной власти.

Кроме того, в соответствии с пунктом 1 ст. 131 Конституции Российской Федерации структура органов местного самоуправления определяется населением муниципалитета самостоятельно. В связи с этим особый интерес вызывает положение абзаца 1 п. 2 ст. 34 Федерального закона от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: «Наличие в структуре органов местного самоуправления представительного органа муниципального образования, главы муниципального образования, местной администрации (исполнительно-распорядительного органа муниципального образования) является обязательным, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом». Вместе с тем в п. 2 ст. 130 Конституции Российской Федерации закреплено иное положение: «Местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления». Тем самым конституционная норма обязывает лишь к наличию выборных органов местного самоуправления. Назревает вопрос о соответствии указанной нормы права конституционной норме.

С одной стороны, несоответствие очевидно: структура органов местного самоуправления не в полной мере определяется населением, часть ее элементов устанавливается законодателем.

С другой стороны, Постановление Конституционного суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава – Основного Закона Читинской области» позволяет иначе взглянуть на данную проблему. Конституционным Судом Российской Федерации установлено следующее: «Конституция Российской Федерации (ст. 12) не включает органы местного самоуправления в систему органов государственной власти и предусматривает, что их структура определяется населением самостоятельно (ст. 131, ч. 1), в соответствии с федеральными законами, законами и иными нормативными актами субъектов Российской Федерации, устанавливающими общие принципы организации местного самоуправления (ст. 72, п. «н» ч. 1; ст. 76, ч. 2). Установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации» [4, ст. 700].

Таким образом, Федеральным законом в качестве обязательных органов местного самоуправления могут быть установлены не только представительный орган, но и другие органы местного самоуправления. Тем самым норма абзаца 1 п. 2 ст. 34 Федерального закона от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не противоречит п. 1 ст. 131 Конституции Российской Федерации.

По данному поводу справедливым является высказывание В.И. Васильева: «Конституционная формула при этом остается как бы заявлением о намерениях. Формально она действует, но фактически парализована нормами текущего законодательства, которые и применяются на практике. Дело не просто в юридической констатации противоречия или не противоречия норм Федерального закона от 6 октября 2003 г. конституционным положениям, суть в более общей и значимой политико-правовой проблеме о соответствии некоторых положений Конституции 1993 г. конкретным историческим условиям» [1, с. 36].

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в качестве необязательного органа местного самоуправления называет контрольный орган муниципального образования [4, ст. 38]. Необходимость на местах в данном органе может быть вызвана рядом затруднений при подготовке проекта местного бюджета. Контрольный орган муниципального образования, в свою очередь, создается в целях контроля за исполнением местного бюджета, соблюдением установленного порядка подготовки и рассмотрения проекта местного бюджета, отчета о его исполнении, а также в целях контроля за соблюдением установленного порядка управления и распоряжения муниципальным имуществом [3, ст. 38, п. 1]. Вопросы организации и деятельности ор-

ганов местного самоуправления определяются уставом муниципального образования [3, ст. 34, п. 3]. Данной нормой регулируются и вопросы, связанные с организацией и деятельностью контрольного органа муниципального образования. В связи с этим ст. 38 Федерального закона от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не содержит указаний на то, в какие сроки органы и должностные лица местного самоуправления обязаны представлять в контрольный орган муниципального образования необходимую информацию и документы. Абстрактность нормы может вызвать затруднения в механизме ее реализации. Отсутствуют гарантии того, что Устав того или иного муниципального образования, закрепляя положения о контрольном органе муниципального образования, не будет дублировать федеральную норму. Как следствие, на уровне муниципалитета данный вопрос останется открытым. До конца не решен и вопрос о формировании указанного органа на муниципальных выборах. В частности, не урегулирован вопрос о выдвижении, регистрации и статусе кандидатов на должность. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» к указанным выборам в полной мере применить нельзя [5]. Специальный федеральный закон о проведении местных выборов в контрольный орган муниципального образования отсутствует. Целесообразным предполагается принятие федерального закона, устанавливающего порядок формирования контрольного органа муниципального образования либо закрепление основных положений по проведению муниципальных выборов в указанный орган в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Сегодня местное самоуправление в определенной мере остается лишь некой декларацией. Конституирование модели местного самоуправления в России началось скорее революционным путем, нежели эволюционным. В связи с этим возникают «разногла-

сия» федерального законодательства и сложившейся ситуации на уровне муниципалитетов, что не создает благоприятной основы для осуществления местного самоуправления. Очевидным является отсутствие эффективного механизма реализации правовых норм на территории определенного муниципального образования. Законодателю необходимо устранить пробелы в законодательстве, содержащем муниципально-правовые нормы. Одним из вариантов (как уже было отмечено) является принятие федерального закона, регулирующего вопросы формирования контрольного органа муниципального образования, что в свою очередь не должно повлиять на их статус необязательных органов местного самоуправления. Речь идет о создании не только развитой правовой базы, но и необходимых экономических условий для реализации местного самоуправления. Однако и это не является окончательным вариантом решения обозначенных проблем, поскольку сам Федеральный закон от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливает переходный период [3, гл. 12]. Поэтому оценить, насколько соответствует современная модель местного самоуправления демо-кратической России, можно только по истечении определенного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев В.И. Государственная власть и местное самоуправление: продолжение спора // Конституционные и законодательные основы местного самоуправления в Российской Федерации. Сб. науч. трудов / Под ред. А.В. Иванченко. М., 2004. С. 5.
2. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. // Рос. газ. 1993. 25 дек.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 1996 г. № 3П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава – Основного закона Читинской области» // СЗ РФ. 1996. № 7. Ст. 700.
4. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
5. Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Рос. газ. 2002. 15 июня.

А.В. ЦИХОЦКИЙ

**ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ
В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

д-р юрид. наук, профессор, зав. сектором
Институт философии и права СО РАН
e-mail: anvic7@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы гражданского процессуального принуждения в механизме правового обеспечения эффективности правосудия. Доказывается, что принуждение в гражданском процессе – это часть социальной действительности, явление, объективно существующее, находящееся в сложных взаимоотношениях с разными сторонами судопроизводства и правосознанием участников процесса; направлено оно на создание предпосылок для достижения целей правосудия.

Ключевые слова: *право, судопроизводство, противоправное поведение, процессуальное принуждение, меры ответственности, меры защиты правопорядка, превентивные меры.*

Среди обширного перечня проблем, исследование которых предопределяет создание модели эффективно правосудия по гражданским делам, следует выделить вопрос о процессуальном принуждении.

Проблеме государственного принуждения, как одной из центральных в правоведении, посвящена обширная философская, социологическая, психологическая и юридическая литература. Однако считать ее исчерпанной и даже удовлетворительно решенной нельзя. Профессор И.А. Ребане даже утверждает, что «на достигнутом уровне развития науки разработка общепризнанного учения о правовом принуждении и общей его концепции является пока задачей преждевременной» [1, с. 30].

Разделяя эту обеспокоенность, мы должны констатировать: в современной юридической науке пока нет единой теории правового (государственного) принуждения, которая могла бы стать общеметодологическим основанием соответствующих отраслевых теорий.

Что касается гражданского процессуального права, то проблема принуждения представляет собой научный пласт, который еще предстоит разрабатывать. В подтверждение этого тезиса достаточно сослаться на тот очевидный факт, что вопросы процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве не были предметом монографического исследования, им посвящены только отдельные статьи.

Логика требует ответа прежде всего на следующие вопросы: что представляет собой принуждение в механизме обеспечения гражданско-процессуальных норм? Какие меры (виды) принуждения предусматривает действующее гражданское процессуальное законодательство?

Механизм правового регулирования схематично можно представить следующим образом. Государство нормой права наделяет субъекта права (суд, истец, свидетель и т.д.) субъективными правами или возлагает на него юридические обязанности, а участник общественных отношений, осуществляя или исполняя их, дей-

ствует в соответствии с волей, желанием государства и общества. Поскольку реализация воли, выраженной нормой права, зависит от поведения, действий участников правоотношений, то законодатель постоянно вынужден решать проблему: какими рычагами, средствами, мерами воздействовать на субъекта, чтобы тот исполнял свои юридические (должные) обязанности, соблюдал нормативные предписания?

Эта цель достигается с помощью следующих форм (методов) влияния на субъекта права:

а) посредством правового стимула, т.е. правового побуждения к законопослушному поведению, который создает субъекту режим благоприятствования для удовлетворения собственных интересов ;

б) посредством правового ограничения, т.е. правового сдерживания противозаконного поведения, создающего условия для удовлетворения интересов других субъектов права в охране и защите;

в) посредством государственного принуждения, т.е. специфического воздействия на поведение субъекта, которое направлено на исполнение норм права.

Следует заметить, что указанные формы влияния, обеспечивающего правомерное поведение субъекта, наличествуют во всех отраслях права, хотя и проявляются в них различными комбинационными вариантами.

Какова природа государственного принуждения в гражданском судопроизводстве? Можно ли его рассматривать в качестве метода регулирования процессуальных правоотношений? Важно учесть тот факт, что государство выражает волю большинства населения (ст. 3 Конституции РФ), т.е. принуждение к отдельному субъекту гражданского судопроизводства должно рассматриваться, хотя и с элементом условности, в качестве принуждения, исходящего от общества. Принуждение связано с ограничением свободы субъекта процессуальных отношений, поэтому в правовом государстве оно должно приобретать правовую форму, т.е. получать юридическое оформление. Важно отметить, что в ГПК будут находить отражение как сред-

ства ограничения, так и его пределы. Ограничивая свободу действий лица, государство тем самым признает определенное право каких-то иных субъектов судопроизводства или общества в целом.

Государственное принуждение в гражданском процессе – это внешнее воздействие на поведение субъекта процессуального правоотношения, призванное обеспечить регулятивную функцию процессуального законодательства. Это специфическая реакция государства на неправомерное поведение участников судопроизводства. Она нацелена на то, чтобы устранить в судопроизводстве аномалии, привести его в соответствие с требованиями гражданской процессуальной формы.

В принуждении важно видеть феномен, цементирующий гражданское судопроизводство; это необходимый элемент судебной власти, испытанное средство борьбы с процессуальными правонарушениями. Данный феномен отражен во многих статьях ГПК, призванных минимизировать социальные траты на правосудие. Итогом явились определенные ограничения и запреты, обуславливающие нормальное функционирование гражданского процесса, достижение задач и целей судопроизводства и правосудия.

Истории известны самые различные формы принуждения, используемые в судопроизводстве: от запрета определенного судебного действия до мер физического воздействия на участника процессуального правоотношения. Примером указанного запрета может служить действовавшее у многих народов общее положение: процессуальное представительство не допускается. Безусловно, подобное правило вытекает из понимания частноправовой природы правонарушения и защиты нарушенного права. В частности, в средневековой Германии возник взгляд, распространившийся на всю Европу, в том числе и Россию, согласно которому всякое правонарушение рассматривалось как *delictum privatum*. Потерпевшее лицо находило защиту от *delictum privatum* посредством своего рода единоборства перед судом. Следовательно, при таком понимании судебной защиты личное участие в суде являлось необходимой предпосылкой судопроизводства. Гражданский процесс приобретал характер личного поединка, в результатах которого были заинтересованы все члены фамилии. Подобное ограничение судебного представительства господствовало до XVI в.

Переход от запрета процессуального представительства до его полного разрешения совершался в течение довольно продолжительного времени – посредством исключений из первоначального общего правила. В европейских законодательных памятниках, дошедших до современных исследователей, можно найти подтверждение данного вывода. Так, первоначально допускалось судебное представительство вдов, сирот, причем лишь с согласия противной стороны. Сама процедура допуска в процесс судебного представителя стороны предусматривала, что такое действие допускается лишь после начала процесса, когда сторона,

лично присутствуя на суде, передавала свои процессуальные полномочия официальному лицу посредством формального акта. Иными словами, законодательство требовало личного присутствия сторон при начале судопроизводства.

Принуждение в общем плане означает воздействие на волю субъекта с целью подчинить его поведение определенным требованиям. Используя меры принуждения, государство добивается нужного поведения вопреки воле субъекта. Государственное принуждение выступает в форме правового принуждения, поэтому понятия «государственное принуждение» и «правовое принуждение» в основном совпадают.

Принуждение в праве существует как потенция, возможность. Оно реализуется тогда, когда других средств недостаточно для обеспечения исполнения юридической обязанности. Следовательно, право способно функционировать и без принуждения до тех пор, пока не происходит нарушение нормативных предписаний.

Гражданско-процессуальные отношения существуют в той сфере общественной жизни, где часто возникают конфликтные ситуации, остро проявляются социальные противоречия. Здесь воля лиц, вовлеченных в гражданское судопроизводство, может не совпадать с государственной волей, выраженной в норме ГПК. И это несовпадение проявляется в невыполнении юридических обязанностей. Например, свидетель не является в суд по вызову суда, т.е. он не выполняет своих обязанностей, закрепленных ст. 70 ГПК. Государство при этом лишается возможности установить истину по делу.

Принуждение в гражданском процессе в конечном счете обеспечивает выполнение задач судопроизводства (ст. 2 ГПК): позволяет правильно и своевременно разрешить спор о гражданском праве.

Не следует забывать, что в каждом случае производства по гражданскому делу используется как стимулирование (убеждение), так и принуждение, а их соотношение различно в зависимости от потребностей практики. Применение принуждения в гражданском процессе ограничивается действием необходимости (принципа) экономии мер процессуального принуждения, т.е. суд может их применить, максимально обосновав целесообразность и исчерпав другие средства.

Применение мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве характеризуется рядом черт (признаков), среди которых можно выделить следующие:

- 1) субъектом применения мер принуждения выступает суд, а в случаях, прямо указанных в ГПК, – судья;
- 2) допускается применение только тех принудительных мер, которые определены законом;
- 3) применение принуждения допускается по отношению к субъектам, поименно определенных ГПК;
- 4) принуждение применяется на основании процессуального акта-определения;

5) применение мер принуждения осуществляется на основании и в порядке, указанных законом.

Применение этих мер связано с правами участников гражданского процесса, а также других лиц, поэтому законодатель, как правило, допускает возможность обжалования действий суда.

В итоге можно предложить следующую дефиницию гражданского процессуального принуждения: *это совершающееся в сфере гражданско-процессуальных отношений воздействие со стороны суда на поведение субъектов процессуальной деятельности, направленное на обеспечение выполнения процессуальных обязанностей, если они не выполняются добровольно, или на пресечение и предотвращение нежелательных с точки зрения права действий в целях обеспечения нормального хода гражданского судопроизводства.*

Анализ процессуального законодательства позволяет выяснить, что меры процессуального принуждения различны: например, ГПК предусматривает такие меры принуждения, как штраф, принудительный привод в суд, возложение убытков и др. Данное обстоятельство дает возможность классифицировать меры процессуального принуждения по самым различным основаниям (признакам). Так, классификационными признаками могут быть цель этой меры, основания применения и др.

Наиболее приемлемым основанием для подразделения мер принуждения может быть сам характер применяемых мер процессуального принуждения. И в зависимости от этого они (меры) классифицируются как меры ответственности, меры защиты правопорядка и превентивные меры.

Итак, что касается мер процессуальной ответственности, то вопрос о том, существует ли процессуальная ответственность, не относится к числу бесспорных. Известно, что не далее как два с половиной десятилетия назад наука вообще не признавала существования гражданской процессуальной ответственности. Начало разработки этой проблемы положила статья Н.А. Чечиной и П.С. Элькинды «Об уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной ответственности», в которой обосновывался тезис, что процессуальная ответственность выражает своеобразие метода правового регулирования, «образует один из необходимых компонентов такого метода. Наряду с другими компонентами она составляет юридический признак соответствующей отрасли права» [2, с. 34].

В отличие от других мер обеспечения эффективности правосудия по гражданским делам, процессуальная ответственность обусловлена признанием «упречности» поведения субъекта процессуальных правоотношений и возложением на него дополнительных обременений или ущемлением прав. К числу важнейших черт этого вида юридической ответственности можно отнести следующие:

а) фактическим ее основанием выступает процессуальное правонарушение как вид юридического факта;

б) юридическим ее основанием являются нормы гражданского процессуального права, предусматривающие как нарушенную обязанность субъекта процессуальных отношений, так и меру ответственности;

в) субъектом ответственности может быть только участник гражданских процессуальных правоотношений, если иное не предусмотрено законом (например, ответственность государства за вред, причиненный судом в сфере гражданского судопроизводства);

г) ответственность выражается в форме охранительного правоотношения между судом и нарушителем норм гражданского процессуального законодательства.

Каждый вид юридической ответственности имеет свою специфику, которая в отношении процессуальной ответственности проявляется в следующем:

– процессуальное правонарушение может повлечь за собой не только процессуальную ответственность по правилам норм ГПК, но и ответственность иного вида;

– нормы ГПК могут предусматривать меры ответственности другой отраслевой принадлежности, поскольку, как утверждает С.С. Алексеев, «законодатель при решении правотворческих задач руководствуется в ряде случаев не только логикой права, но иными потребностями – социально-политическими, чисто классификационными соображениями, законодательными традициями, рекомендациями научных учреждений и др.» [3, с. 64].

Своеобразие процессуальных норм проявляется и в том, что, закрепляя ту или иную обязанность субъекта гражданского процесса, они не всегда предусматривают меры ответственности за их неисполнение. В силу названной специфики норм ГПК многие процессуальные обязанности не обеспечены возможностью применения мер государственного принуждения, поэтому на практике возникает вопрос о применении гражданского процессуального закона по аналогии. Не касаясь аргументации, отметим лишь, что автор солидарен с исследователями, отрицающими возможность применения мер гражданского процессуального принуждения по аналогии. Этот вывод согласуется также и с судебной практикой.

Перечень мер процессуальной ответственности, предусмотренных ГПК, не является обширным. Выступая наиболее оперативным способом воздействия на правонарушителя, эти меры способны вносить изменения в правовой статус субъектов процессуальных правоотношений – обстоятельство, которое выступает ограничителем при решении вопроса о расширении перечня мер процессуальной ответственности, поскольку существенное изменение процессуального статуса участника судопроизводства способно отрицательно отразиться на решении стоящих перед судом задач. Среди мер процессуальной ответственности могут быть выделены две частично переплетающиеся и взаимодействующие группы: 1) меры ответственности, носящей личный неимущественный характер; 2) меры ответственности имущественного характера.

К первой группе мер гражданской процессуальной ответственности относятся: а) предупреждение лицу, нарушающему порядок во время судебного разбирательства (п. 1 и 3 ст. 159 ГПК); б) удаление из зала судебного заседания (п. 2 ст. 159 ГПК); в) принудительный привод (п. 2 ст. 168 ГПК). Эти меры принуждения обращены к личности правонарушителя, не затрагивают его имущественных интересов, они направлены на принудительное исполнение им своих процессуальных обязанностей. Разумеется, в строгом смысле предупреждение трудно рассматривать в качестве меры ответственности, его скорее следует считать мерой пресечения в гражданском процессе, влекущей за собой привлечение правонарушителя к ответственности. Иначе говоря, предупреждение должно предшествовать применению иных мер гражданской процессуальной ответственности, например штрафа.

Вторая группа мер процессуальной ответственности включает: а) наложение штрафа в случаях и размерах, предусмотренных законом (ст. 105 ГПК); б) взыскание компенсации за потерю времени (ст. 99 ГПК); в) лишение права на получение принадлежащих правонарушителю денежных сумм (например, свидетеля, если к нему применялись меры, предусмотренные ст. 168 ГПК).

Оптимизация нормативного закрепления мер правового принуждения требует учета особенностей процессуальных обязанностей: выполнение некоторых из них достигается совершением субъектами судопроизводства не одного, а ряда различных по своей социальной значимости действий. Например, в соответствии со ст. 85 ГПК эксперт обязан явиться в суд и дать объективное заключение. Законодатель указывает на два требования, обращенные к эксперту: во-первых, явиться по вызову суда; во-вторых, в письменной форме дать заключение по ряду вопросов.

Различие процессуальных последствий, возникающих в результате неисполнения экспертом своих обязанностей, очевидно. Его неявка по вызову суда влечет нарушение сроков рассмотрения гражданского дела, отказ же от дачи заключения (дача ложного заключения) выступает препятствием на пути осуществления правосудия. Иными словами, названные противоправные действия характеризуются несовпадающей степенью общественной опасности, поэтому они и вызывают применение различных мер принуждения. Если неявка без уважительных причин по вызову суда является основанием для наложения штрафа на эксперта (при неявке по вторичному вызову – принудительному приводу) (п. 2 ст. 168 ГПК), то дача ложного заключения признается преступлением.

Анализ нормативного материала позволяет сделать и второй, более общий вывод: обязанности субъектов судопроизводства по гражданским делам могут обеспечиваться мерами принуждения многочисленных отраслей права (в приведенном примере мерами гражданской процессуальной и уголовной ответственности).

Данное обстоятельство может послужить основанием для отрицания существования процессуальной ответственности в качестве самостоятельного вида. Действительно, содержание отдельных мер процессуальной ответственности позволяет сомневаться в их процессуальной природе и дает основания для отнесения их к другой отраслевой принадлежности. Например, штраф, налагаемый на свидетеля за неявку в суд без уважительных причин, можно рассматривать в качестве меры административной ответственности. Насколько правомерна такая позиция? На наш взгляд, она ошибочна хотя бы по той причине, что «Кодекс об административных правонарушениях» вообще не упоминает процессуальные правонарушения как основания юридической ответственности. Процессуальный штраф применяется за нарушение норм ГПК, где предусмотрена процедура привлечения нарушителя к ответственности.

Понятие процессуальной ответственности выводится из более общего понятия юридической ответственности, под которой понимается обязанность правонарушителя претерпевать юридически неблагоприятные последствия правонарушения в виде лишения личного или имущественного характера. Для правонарушителя ответственность влечет за собой отрицательные последствия, т.е. с помощью этой категории оценивается прошлое (бывшее) поведение. Иными словами, ответственность носит ретроспективный характер. Однако в последние годы среди юристов стала складываться иная точка зрения, заключающаяся в расширении понятия процессуальной ответственности. По их мнению, она состоит из двух элементов: позитивной (активной, перспективной) и негативной (пассивной, ретроспективной) ответственности. В.В. Бутнев полагает, что позитивная процессуальная ответственность – это возложенная на участника гражданского процесса необходимость точно исполнять свои процессуальные обязанности и использовать предоставленные ему права в соответствии с их назначением [4, с. 13–17]. В научный оборот вводится категория, обозначающая должностное участие участника гражданского судопроизводства.

Оставляя в стороне аргументацию, выскажемся однозначно: оснований для признания существования позитивной ответственности нет, так как сама по себе эта категория не отражает какую-либо юридическую реальность. При более углубленном анализе так называемая позитивная ответственность не изменяет содержания существующего процессуального отношения, она практически сводится к уже существующей обязанности участников гражданского процесса. Таким образом, концепция позитивной юридической ответственности, в том числе и процессуальной, может стать предметом исторических исследований; действующие же научные теории, на наш взгляд, не должны включать ее в качестве составляющего элемента.

Меры процессуальной ответственности – это предусмотренные ГПК охранительные меры, применяемые против участников гражданского процесса за виновное нарушение ими процессуального права и влекущие дополнительные обязанности, либо предусматривающие лишение определенных субъективных прав. Перспектива их развития должна определяться с учетом функций юридической ответственности, среди которых выделим праввосстановительную и штрафную (карательную). Обе функции находятся, как правило, в диалектическом взаимодействии. Такое взаимодействие подчиняется правилу: чем выше общественная опасность правонарушения, тем большую роль должна играть штрафная функция юридической ответственности. Иными словами, законодатель, определяя меры процессуальной ответственности, обязан руководствоваться принципом экономии репрессии, о котором так образно высказался С.В. Курылев: «Расточительно и неумно ставить воинскую часть на охрану дровяного склада – здесь достаточно замка. Наоборот, по меньшей мере легкомысленно в охране государственных границ ограничиваться замком на шлагбауме, пересекающем границу. Так же необходимо решать вопрос и при выборе форм охраны субъективных прав и интересов граждан и организаций» [5, с. 176].

Гражданское процессуальное право предусматривает целый ряд мер защиты правопорядка при осуществлении правосудия, с помощью которых законодатель добивается выполнения участниками судопроизводства обязанностей без возложения на них каких-либо дополнительных мер штрафного характера, свойственных процессуальной ответственности. Укажем некоторые из них: а) отводы (глава 2 ГПК); б) оставление заявления без движения (ст. 136 ГПК); в) отложение разбирательства дела (ст. 169 ГПК); г) прекращение производства по делу (глава 18 ГПК); д) осуществление субъективного права вопреки воле участника процесса (ст. 196 ГПК); е) отмена и изменение незаконных и необоснованных судебных постановлений (ст. 362 ГПК).

С позиции изложенного рассмотрим отвод судьи как меру защиты правопорядка в гражданском процессе. Отвод судьи нельзя отнести к мере процессуальной ответственности, поскольку цель этой меры – не покарать, осудить лицо, а обеспечить правопорядок независимо от наличия его вины. И хотя эта мера несет в себе элементы порицания, но ее процессуальная функция иная – лишить судью возможности влиять на судьбу гражданского дела, предотвратить возможность правонарушения.

Институт допустимости доказательств в гражданском судопроизводстве также относится к числу юридических рычагов, обеспечивающих правопорядок при отправлении правосудия. Он рассчитан на нарушение процессуальных прав участников судебного процесса при собирании доказательств. Конституция РФ содержит запрет, обращенный к суду: «При осуществлении правосудия не допускается использование дока-

зательств, полученных с нарушением федерального закона» (п. 2 ст. 50). Буквальное понимание данной нормы позволяет утверждать, что степень нарушений закона, регулирующих собирание доказательств, не должна учитываться. Этот вывод согласуется с п. 2 ст. 55 ГПК. По мысли законодателя, любое нарушение ГПК, допущенное при получении доказательств, влечет признание их ничтожными, т.е. они не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда.

Всякие ли нарушения должны повлечь подобные процессуальные последствия? Можно пойти и по пути классификации всех нарушений на существенные и не очень существенные и в зависимости от этого решать судьбу доказательства. Однако этот путь менее предпочтителен, ибо он таит элементы субъективизма при оценке степени нарушения закона, допущенного при получении доказательства.

Что касается превентивных мер как средств процессуального принуждения, то своей целью они имеют предупреждение нарушений гражданских процессуальных норм, а также вредных последствий, которые суд может заранее предвидеть. Основанием применения подобных мер не выступает процессуальное правонарушение. К таким мерам следует отнести, например: а) частное определение, вынесенное судом в порядке ст. 226 ГПК; б) меры по обеспечению иска (ст. 140 ГПК) или возможных убытков ответчика (ст. 146 ГПК).

Подведем некоторые итоги:

1. Процессуальное принуждение в гражданском процессе является частью социальной действительности, объективно существующим явлением, находящимся в сложных взаимосвязях с разными сторонами судопроизводства и правосознанием участников процесса.

2. Процессуальное принуждение не может быть произвольно избранным, основания и порядок его применения предусматриваются законом.

3. В механизме обеспечения эффективности правосудия процессуальное принуждение направлено на создание предпосылок для достижения целей правосудия.

4. Анализ законодательных новелл последних лет позволяет выявить два направления в развитии процессуального принуждения: первое проявляется в усилении ранее действующих средств принуждения, второе – в расширении сферы их применения. Однако это еще не дает повод для прогнозирования закономерностей в гражданском процессуальном праве, поскольку требования, предъявляемые к новой процессуальной форме, диктуют минимальное процессуальное принуждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ребане И.А. О процессуальном аспекте уголовной ответственности // Учен. зап. Тартуск. ун-та. 1987. Вып. 765. С. 30.
2. Советское государство и право. 1973. № 9. С. 34.

3. Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 64.

4. Бутнев В.В. Реализация юридической ответственности в гражданском процессе. Ярославль, 1985. С. 13–17.

5. Курьлев С.В. Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск // Тр. Иркут. ун-та. Сер. юр. 1957. Т. 22, вып. 3. С. 176.

В.Н. ЛИСИЦА

ДОПУСК ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

канд. юрид. наук, доцент,
старший научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН

В статье понятие допуска иностранных инвесторов к осуществлению инвестиционной деятельности связывается с предоставлением им права на осуществление предпринимательской и иной деятельности на территории принимающего государства и выражается, прежде всего, в установлении указанным лицам ограничений и дополнительных обязанностей (по сравнению с гражданами данного государства). Государство самостоятельно осуществляет правовое регулирование иностранных инвестиций и, в частности, определяет, на каких условиях иностранный инвестор может начать осуществлять свою деятельность на его территории.

В зависимости от характера участия государства по аналогии со способами создания юридического лица предлагается различать три формы допуска иностранных инвесторов: разрешительный, нормативно-явочный и уведомительный (распорядительный) порядок.

Ключевые слова: *международное право, инвестиционное право, регулирование инвестиционной деятельности.*

Гражданско-правовое положение иностранных лиц во всех странах мира имеет свои особенности. Последние выражаются, прежде всего, в установлении ограничений и дополнительных обязанностей (по сравнению с гражданами этих стран). Это касается и инвестиционной сферы. Государство самостоятельно осуществляет правовое регулирование иностранных инвестиций и, в частности, по своему усмотрению определяет, на каких условиях иностранный инвестор может начать осуществлять свою деятельность на его территории.

С экономической точки зрения, указанное право обосновывается тем, что иностранные инвестиции могут нести ряд угроз государству. Это иностранное доминирование в национальной экономике, вмешательство в политическую систему; разрушение национальных предприятий через проведение деструктивной конкуренции; внедрение не соответствующих уровню развития техники технологий; причинение вреда окружающей среде, негативное воздействие на валютные запасы и платежный баланс, колониальное извлечение природных ресурсов; негативные социальные последствия вследствие внедрения нежелательных социальных стандартов [15, с. 112] и т. д.

В отечественной и зарубежной юриспруденции право государства на установление допуска иностранных лиц к осуществлению инвестиционной деятельности получило широкое признание [7, с. 522; 9, с. 225; 20, с. 84, 85]. При этом одни ученые полагают, что оно является обычным международным правом (А.А. Фатугов и др.) [15, с. 107; 8, с. 40, 41], а другие – вытекает из такого принципа международного экономического

права, как экономический суверенитет, который положен в основу многих международных актов и принимаемых законодательных актов об иностранных инвестициях (М. Sornarajah) [17, с. 50].

К примеру, Договор к Энергетической хартии от 1994 г. в ст. 18 предусматривает, что стороны Договора признают государственный суверенитет и суверенные права в отношении энергетических ресурсов. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1974 г. № 3281 (XXIX) о Хартии экономических прав и обязанностей государств в ст. 2 также провозглашает право каждого государства на свободное осуществление полного постоянного суверенитета над всеми своими богатствами, природными ресурсами и экономической деятельностью, включая право регулировать и контролировать иностранные инвестиции в пределах действия своей национальной юрисдикции согласно своим законам и постановлениям и в соответствии со своими национальными целями и первоочередными задачами. Подобные положения можно найти и в других резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН. В частности, это касается Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 1952 г. № 626 о праве свободной эксплуатации естественных богатств и ресурсов [3, с. 87], Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1962 г. № 1803 (XVII) «Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами», Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1973 г. № 3171 (XXVIII) о постоянном суверенитете над природными ресурсами, Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 1 мая 1974 г. № 3201 (S-VI) о Декларации об установлении нового международного экономического порядка.

В соответствии с рассматриваемым принципом допуска иностранные инвесторы обязаны уважать суверенитет государства и соблюдать национальное законодательство принимающего государства. Это закреплено во многих других актах, принятых на международном уровне и относящихся к «мягкому праву»: в Трехсторонней декларации Международной организации труда о принципах в отношении многонациональных предприятий и социальной политики [10, с. 700–709] от 16 ноября 1977 г. (п. 8); в проекте Кодекса ООН о поведении транснациональных корпораций [10, с. 686–699] (п. 7–9, 50); в Руководстве Организации по экономическому развитию и сотрудничеству (ОЭСР) о многонациональных предприятиях от 21 июня 1976 г., в Руководстве Всемирного банка по режиму для прямых иностранных инвестиций [13, с. 35–44] от 1992 г. (раздел 2) и др.

Для осуществления своего права на регулирование иностранных инвестиций государства принимают нормативные правовые акты (инвестиционные кодексы и законы). При этом государства в своих инвестиционных законах обычно устанавливают процедуру допуска и порядок дальнейшей деятельности инвестора на своей территории. К примеру, в соответствии с Законом Канады об инвестициях от 20 июня 1985 г. основными формами допуска иностранных инвестиций являются уведомление (*notification*) уполномоченного органа об осуществлении инвестиций и проверка (*reviewing*). В последнем случае инвестор вправе осуществлять инвестиции только после получения соответствующего разрешения (*approval*) [5, с. 393; 18, с. 968].

В Российской Федерации государственный контроль за созданием, деятельностью и ликвидацией филиала иностранного юридического лица осуществляется посредством его аккредитации. Только со дня его аккредитации филиал иностранного юридического лица имеет право осуществлять предпринимательскую деятельность на территории Российской Федерации (п. 4 ст. 22 Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»). Кроме того, в соответствии с п. 4 Положения Банка России от 23 апреля 1997 г. № 437 «Об особенностях регистрации кредитных организаций с иностранными инвестициями и о порядке получения предварительного разрешения Банка России на увеличение уставного капитала зарегистрированной кредитной организации за счет средств нерезидентов» для создания кредитных организаций с иностранными инвестициями требуется получить предварительное разрешение Банка России.

Таким образом, формы допуска иностранных инвесторов различны. В зависимости от характера участия государства, по аналогии со способами создания юридического лица, могут быть установлены:

1) разрешительный порядок, когда инвестор обязан получить предварительное разрешение (одобрение,

согласие) государства на осуществление иностранным лицом инвестиционной деятельности (Аргентина, Египет, Индия, Индонезия, Саудовская Аравия, Южная Корея и др.);

2) нормативно-явочный порядок, когда инвестор обязан подать заявку на получение права на осуществление инвестиционной деятельности. При этом уполномоченный орган государства не вправе отказать ему в выдаче разрешения (осуществлении регистрации) при соблюдении установленных условий, и только после этого инвестор вправе осуществлять инвестиционную деятельность (Китай, Россия и др.);

3) уведомительный (распорядительный) порядок, при котором инвестор вправе свободно осуществлять инвестиционную деятельность, но при условии уведомления об этом государства. Уведомление в данном случае может быть предварительным либо направляться после совершения соответствующей сделки, с которой связано ведение инвестиционной деятельности (Канада, США и др.).

По содержанию принимаемых государством решений допуск может выражаться в выдаче разрешения (лицензии) либо в издании иного акта:

1) об осуществлении инвестиционной деятельности (Джибути, Зимбабве, Турция и др.);

2) о создании юридического лица в принимающей стране (Конго и др.);

3) об импорте или экспорте продукции (Конго, Зимбабве и др.);

4) о предоставлении преференциального режима.

Виды допуска рассматривались и другими учеными, но приводимые ими формы, по нашему мнению, отличаются неполнотой. К примеру, в западной литературе было предложено различать признание права на осуществление деятельности (*admission*), когда инвестору предоставляется право заключать сделки, и право на создание представительства, филиала, офиса, агентства или дочернего предприятия (*establishment*), которое имеет более долгосрочный характер [4, с. 12; 11, с. 147]. S.H. Seid выделяет две процедуры доступа: мониторинг (*screening*) и одобрение (*approval*) [16, с. 35]. J.W. Salacuse считает, что отношения по доступу иностранных инвестиций, в которых государство разрешает осуществлять иностранные инвестиции, могут принимать две формы: административный акт и контракт [15, с. 114–128]. На эти две формы указывает и M. Sornarajah [17, с. 92].

Отношения по допуску возникают между иностранным инвестором и уполномоченным органом государства, причем последний выступает не на равных началах с частным лицом и, осуществляя административную власть, принимает решение, позволяющее иностранному лицу осуществлять инвестиционную деятельность. Это справедливо, даже если разрешение выдается путем подписания соглашения, имеющего публично-правовой характер, между уполномоченным органом государственной власти и лицом, осуществля-

ющим инвестиционную деятельность (как это имеет место, например, в Чили); здесь нет подлинного юридического равенства сторон. Поэтому мы поддерживаем позицию тех ученых, которые признают отношения по допуску административно-правовыми [17, с. 35].

Понятие допуска (*entry*) иностранных инвесторов тесным образом связано с предоставлением иностранному лицу права на осуществление предпринимательской деятельности на территории принимающего государства, а также вытекающих из этого иных субъективных прав. Так полагает Н.Г. Доронина [2, с. 33]. С этой позицией нельзя не согласиться. Вместе с тем, Н.Г. Доронина не вполне оправданно считает, что система допуска иностранных инвестиций должна быть основана на использовании методов, применяемых в антимонопольном законодательстве [2, с. 6, 7]. На самом деле, правовое регулирование иностранных инвестиций включает в себя не только положения антимонопольного законодательства, но и источники иных отраслей публичного права.

M.J. Trebilcock, R. Howse, раскрывая содержание предоставляемого иностранному инвестору права, отмечают, что оно означает право на учреждение инвестиций (*establishment*) и представляет собой гарантию для инвестора на владение активами и осуществление производственной деятельности на территории принимающего государства [19, с. 293]. В литературе приводятся и другие элементы права на учреждение инвестиций, а именно [12, с. 7]:

- 1) право вступать на территорию государства;
- 2) право находиться на территории государства;
- 3) право создавать компанию и управлять ею;
- 4) право осуществлять экономическую деятельность в соответствии с условиями соглашения;

5) право подчиняться требованиям по приобретению собственности в государстве, владению и пользованию ею.

Помимо предоставления права на осуществление инвестиционной деятельности действие принципа допуска проявляется и через установление разнообразных ограничений в правовом положении иностранных инвесторов. Такого рода ограничения могут выражаться в установлении полного запрета или ограничении присутствия, требования получить разрешения, пройти регистрацию, представить отчетность и т.д. [4, с. 7].

Ограничения приняты во всех странах ОЭСР. Они могут касаться любых иностранных инвестиций (Австралия, Исландия, Испания, Канада, Мексика, Новая Зеландия, Чили), а также и инвестиций в определенные сектора экономики. При этом в данный перечень обычно включаются банковские услуги, воздушные перевозки, перевозки водным транспортом, радио, телевидение, недвижимость, рыболовство [4, с. 7].

Россия не является исключением. В ее действующем законодательстве установлены следующие ограничения в гражданско-правовом положении иностранных инвесторов: а) ограничения в передвижении иностран-

ных граждан в пределах Российской Федерации (ст. 11 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»); б) ограничения в сфере банковского дела (ст. 18 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»); в) ограничения в сфере страхового дела (ст. 6 и п. 1 и 2 ст. 8 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»); г) ограничения в сфере массовой информации (ст. 19¹ Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»); д) ограничения в праве собственности на земельные участки (п. 3 ст. 15, п. 5 ст. 28, п. 5 ст. 35 Земельного кодекса Российской Федерации, ст. 3 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», п. 3 ст. 18 Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан»); е) ограничения в сфере воздушных перевозок и выполнения авиационных работ (п. 2 ст. 61 Воздушного кодекса Российской Федерации); ж) ограничения в сфере архитектурной деятельности (ст. 3¹ Федерального закона от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации»); з) ограничения в сфере газоснабжения (ч. 5 ст. 7 Федерального закона от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации»); и) ограничения в сфере осуществления благотворительной деятельности (п. 3 ст. 30 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях») и др.

В науке были предприняты попытки разработать классификацию рассматриваемых ограничений. К примеру, М.М. Богуславский предлагает различать следующие мероприятия по ограничению иностранных капиталовложений [1, с. 194]:

1) установление особого государственного контроля за допуском иностранного капитала к разработке недр и естественных богатств;

2) недопущение иностранного капитала в определенные, наиболее важные для народного хозяйства отрасли;

3) установление обязательной доли участия национального государственного или частного капитала в предприятиях, создаваемых иностранными фирмами (в смешанных обществах);

4) мероприятия, направленные на использование какой-либо части прибылей иностранных предприятий для внутренних нужд развивающейся страны (налогообложение, ограничения при переводе прибылей за границу и т. п.);

5) определение концессионной политики.

Ограничения, или условия допуска, иногда классифицируют по сферам применения. Они могут касаться:

1) доступа к экономике и его условий (запрета на все формы прямых иностранных инвестиций, установ-

ления «закрытых секторов экономики», количественных ограничений, требований к правовым формам и т.п.);

2) владения долями в уставных капиталах и управления коммерческими организациями [4, с. 8–10].

Существуют и другие классификации. Так, S.H. Seid предлагает различать три вида ограничений для прямых иностранных инвестиций: требования по капитализации, запрет на осуществление инвестиций в определенных случаях (например, в определенные отрасли экономики) и ограничения в праве собственности [16, с. 36]. По мнению T.L. Brewer и S. Young, доступ к инвестиционной деятельности проявляется в основном через установление двух видов ограничений:

1) ограничений в отдельных секторах экономики;

2) ограничений размеров долей в уставных капиталах коммерческих организаций [6, с. 72].

Ограничения на осуществление инвестиционной деятельности, с нашей точки зрения, являются своего рода административными барьерами, которые должны пройти инвесторы для того, чтобы начать свою инвестиционную деятельность. К ним, по мнению J. Morisset, O. Lumenga Neso, относятся [14, с. 102–104]:

1) барьеры вследствие необходимости получить одобрение допуска (регистрация компании; регистрация инвестиций; первоначальный депозит в банке; разрешения на проживание и работу и т. д.);

2) барьеры вследствие ограничений в отношении доступа к земельным участкам, работ на строительной площадке и коммунальных услуг;

3) барьеры вследствие введения требований к осуществлению операций (разрешения на импорт и экспорт; таможенная очистка для импорта и экспорта; валютное регулирование; налоговые обязанности и др.).

По оценкам указанных авторов, проведенным в отношении развивающихся стран, число процедур по преодолению инвесторами административных барьеров может варьировать от 2 до 125, время на получение доступа к ресурсам – от 8 до 985 рабочих дней, а стоимость – от 10 до 22 523 дол. США. К примеру, в Турции для получения доступа к земельным участкам требуется около 125 согласований, что занимает в среднем 985 рабочих дней. Официальная плата для соблюдения предусмотренных требований для начала ведения деятельности в трех странах (Нигерия, Мозамбик, Румыния) превышает 10 000 дол. США [14, с. 109]. Самая маленькая стоимость для преодоления административных барьеров существует в Мадагаскаре, Индии, Лесото (менее 100 дол. США на одно административное действие, согласование, разрешение), а самая большая стоимость – в Болгарии, Румынии, Турции, Мозамбике (свыше 6 000 дол. США) [14, с. 112]. Не вызывает сомнения, что только постепенное устранение указанных барьеров позволит улучшить инвестиционный климат в стране и тем самым привлечь иностранные инвестиции.

Таким образом, понятие допуска иностранных инвесторов тесным образом связано с предоставлением им права на осуществление предпринимательской и иной деятельности на территории принимающего государства, а также вытекающих из этого иных субъективных прав и выражается, помимо прочего, в установлении указанным лицам ограничений и дополнительных обязанностей (по сравнению с гражданами данного государства).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богуславский М.М.* Международное частное право. М.: Юристъ, 2002. 462 с.
2. *Доронина Н.Г.* Правовое регулирование иностранных инвестиций (Постановка проблем и варианты решений): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. 49 с.
3. *Международное частное право: В избранных документах.* М., 1961. 335 с.
4. *Admission and Establishment / UNCTAD Series on Issues in International Investment Agreements.* New York; Geneva, 1999. 64 p.
5. *Batram S.P.* Joint Venturing and Investment: Canada's Perspective as a Host Country // *International Joint Ventures: A Practical Approach to Working with Foreign Investors in the United States and Abroad. A Case Study with Sample Documents / Ed. by D.N. Goldsweig and R.H. Cummings.* Chicago, 1990. P. 387–428.
6. *Brewer T.L., Young S.* Towards a Multilateral Framework for Foreign Direct Investment: Issues and Scenarios // *Transnational Corporations.* 1995. Vol. 4, № 1. P. 69–83.
7. *Brownlie I.* Principles of Public International Law. New York; Oxford, 1998. 744 p.
8. *Fatouros A.A.* Governmental Guarantees to Foreign Investors. N.Y., 1962. 411 p.
9. *Houtte H.V.* The Law of International Trade. London, 1995. 429 p.
10. *International Economic Law: Basic Documents / Ed. by Ph. Kunig, N. Lau, W. Meng.* Berlin; New York, 1993. 834 p.
11. *International Investment Agreements: Key Issues / U.N. Conference on Trade and Development.* New York; Geneva, 2004. 2 v.
12. *Key Concepts in International Investment Arrangements and Their Relevance to Negotiations on International Transactions in Services / UNCTC Current Studies.* N.Y., 1990. Ser. A. N 13. 66 p.
13. *Legal Framework for the Treatment of Foreign Direct Investment.* Washington, 1992. 2 v.
14. *Morisset J., Lumenga Neso O.* Administrative Barriers to Foreign Investment in Developing Countries // *Transnational Corporations.* 2002. Vol. 11, N 11. P. 99–120.
15. *Salacuse J.W.* Host Country Regulation and Promotion of Joint Ventures and Foreign Investment // *International Joint Ventures: A Practical Approach to Working with Foreign Investors in the United States and Abroad. A Case Study with Sample Documents / Ed. by D.N. Goldsweig and R.H. Cummings.* Chicago, 1990. P. 107–136.
16. *Seid S.H.* Global Regulation of Foreign Direct Investment. Aldershot, 2002. 254 p.
17. *Sornarajah M.* The International Law on Foreign Investment. Cambridge, 1994. 430 p.
18. *Swan A.S., Murphy J.F.* Cases and Materials on the Regulation of International Business and Economic Relations. N.Y., 1999. 1320 p.
19. *Trebilcock M.J., Howe R.* The Regulation of International Trade. London; New York, 1995. 510 p.
20. *Wallace C.D.* Legal Control of the Multinational Enterprise: National Regulatory Techniques and the Prospects for International Controls. The Hague; Boston; Hingham, 1983. 387 p.

О.А. БУХТОЯРОВА

ПРАВО НА ИСК В ЗАЩИТУ ИНТЕРЕСОВ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КРУГА ЛИЦ

соискатель

Тывинский государственный университет

e-mail: OABukhtoyarova@pochta.ru

В статье исследуется право на иск в защиту публичных (общественных) интересов в гражданском судопроизводстве. Доказывается общедоступность правосудия по делу многочисленной группы лиц, обозначаемой понятием «неопределенный круг лиц». Рассматриваются права и обязанности прокурора, контролирующих и надзирающих органов государственной власти, направленные на защиту прав, свобод и законных интересов других лиц.

Ключевые слова: закон, правосудие, публичные интересы, право на иск, неопределенный круг лиц, защита прав человека, гражданский процесс.

В гражданском судопроизводстве термин «неопределенный круг лиц» символизирует защиту публичных (общественных) интересов, которая опосредуется предъявлением в суд заявления в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц.

В работах отечественных процессуалистов сложилась определенная консолидация взглядов на квалифицирующие признаки защиты прав и законных интересов неопределенного круга лиц в гражданском судопроизводстве. Отмечаются характерные признаки: многочисленность группы лиц, которая делает невозможными установление и привлечение в процесс потенциальных истцов; общие вопросы права или факта для группы лиц; тождество предмета и основания иска; наличие общего ответчика (соответчиков) и способа защиты права в суде; защита публичного (общественного) интереса как группового без индивидуализации и материально-правовых требований для каждого; допустимость защиты определенной многочисленной группы без соучастия [1–6].

Исковые заявления в защиту неопределенного круга лиц – это относительно новое явление для российского гражданского процесса, которое характеризуется фрагментарным правовым регулированием, неоднозначностью судебной практики, отсутствием общедоступности к правосудию.

Анализ судебной практики обозначил противоречие между правом на подачу иска в интересах неопределенного круга лиц и его реализацией: суды часто отказывают в рассмотрении подобных дел. Например, в одних случаях суд, отказывая прокурору в принятии иска, поданного в защиту неопределенного круга лиц на обеспечение безопасных условий жизнедеятельности человека, мотивирует судебный акт тем, что «... выявленные нарушения правил пожарной безопасности регулируются нормами административного права, предусматривающего применение к виновным мер административного воздей-

ствия»*; «... заявление прокурора рассматривается и разрешается в ином судебном порядке, регулируемом Кодексом об административных отношениях»**; «... требования прокурора сводятся к вмешательству в деятельность самостоятельного хозяйствующего субъекта, в отношении которого уже имеется соответствующее предписание, в силу чего данный спор не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства»***; «... полномочиями в области охраны окружающей среды наделены федеральные органы исполнительной власти и их территориальные органы на местах; следовательно, иск может быть предъявлен в интересах данных органов, и ссылка прокурора на предъявление иска при данных обстоятельствах в интересах неопределенного круга лиц необоснованна»****; «... федеральный надзор в промышленной безопасности осуществляет федеральный орган исполнительной власти, его территориальные органы... Таким образом, в соответствии со ст. 134 ГПК РФ прокурору надлежит отказать в принятии искового заявления»*****; «... прокурор избрал ненадлежащий способ защиты нарушенных прав неопределенного круга лиц, поскольку административные правоотношения не обеспечиваются защитой с помощью граждан-

* Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда по делу № 33-3287/05.

** Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда по делу № 33-3988/05.

*** Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда по делу № 33-1772/05.

**** Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда по делу № 33-176/06.

***** Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда по делу № 33-1400/06.

ско-правовых способов»*; «... неисполнение предприятием, которое является источником воздействия на окружающую среду обитания и здоровье человека, законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, выразившееся в нарушении действующих санитарных правил и гигиенических нормативов... влечет административную ответственность. Возложение... в судебном порядке обязанности разработать и утвердить проект организации санитарно-защитной зоны... означает не предусмотренное законом вмешательство в хозяйственную деятельность ответчика»**. В других случаях суды согласились с доводами прокуроров о том, что ненадлежащий контроль за исполнением требований законодательства и угроза жизни и здоровью детей – основание для прокурорского реагирования и обращения в суд в защиту неопределенного круга лиц***. Признавая право прокурора на иск в защиту права неопределенного круга лиц, суд пришел к выводу о возникновении гражданского спора из экологических правоотношений в защиту прав граждан на благоприятную окружающую среду****.

Кроме того, суды во всех случаях отказывают гражданину в праве на иск в защиту прав неопределенного круга потребителей по мотиву отсутствия правовой нормы о предоставлении такого права.

Не оспаривая законность принятых судебных решений, рассмотрим соотношение права прокурора, контролирующих и надзирающих органов исполнительной власти на иск в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц по отношению к их правам (обязанностям) на применение мер административного воздействия, а также доступность к правосудию граждан по таким искам.

Есть определенная дилемма – у прокурора, контролирующих и надзирающих органов исполнительной власти есть право предъявить иск в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц (ст. 45, ст. 46 ГПК РФ). При этом имеется право (обязанность) внесения предписания (представления, постановления, решения), обязательного к исполнению, и право (обязанность) возбуждения дела об административном правонарушении в пределах своей компетенции. Следовательно, можно говорить о наличии нескольких вариантов действий для достижения одной цели – защиты прав человека и гражданина.

* Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда по делу № 33-2847/06

** Определение судьи Верховного суда Российской Федерации по делу № 67-ФП07-5 от 17 апреля 2008 г. [Электронный ресурс] // СПС Гарант. Платформа F1. Эксперт.

*** Определение судьи Верховного суда Российской Федерации от 24 августа 2006 г. // Законность. 2007. № 1. С. 63.

**** Определение судьи Верховного суда Российской Федерации от 9 октября 2006 г. // Законность. 2007. № 2. С. 61.

Последовательность взаимодействия прокурора, контролирующих и надзирающих органов исполнительной власти по судебной защите публичных интересов в гражданском процессе относительно мер административного воздействия законодателем не определена. Стоит обратить внимание, что и последовательность предъявления исков контролирующими и надзирающими органами исполнительной власти в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц по отношению к своим мерам административного воздействия законодателем также не определена.

Возникает вопрос: когда и по каким основаниям прокурор, надзирающие и контролирующие органы исполнительной власти вправе предъявить иск в суд в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц в гражданском процессе при наличии их права (обязанности) в административном порядке добиваться соблюдения законов и общеобязательных норм, правил, регламентов, которые в свою очередь направлены на обеспечение безопасных и благополучных условий жизнедеятельности человека, окружающей его среды и являются критериями такого обеспечения. Обязаны ли указанные органы, а также прокурор соблюдать досудебное администрирование спора? Являются ли они истцами? Вправе ли гражданин обратиться в суд с иском в защиту неопределенного круга лиц?

В административных правоотношениях властные полномочия прокурора и органов, наделенных контрольными и надзирающими функциями (субъекты управления), обращены к неопределенному кругу как физических, так и юридических лиц (объекты управления) с целью контроля и понуждения к исполнению законов и общеобязательных норм, правил, регламентов посредством мер административного воздействия. В гражданских правоотношениях неопределенный круг лиц (многочисленная группа физических лиц) имеет право на судебную защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов от иных равноправных участников гражданского оборота.

Перечень административных наказаний как мер воздействия, направленных на защиту гражданских прав человека и гражданина, не совпадает по видам со способами защиты гражданских прав в гражданском судопроизводстве. Однако все это звенья одной цепи – защита гражданских прав человека и гражданина в целях безопасного и благополучного существования. Разница касается состава управомоченных субъектов и их полномочий. Обязанные субъекты во всех случаях, пользуясь своими правами по своему усмотрению, должны соблюдать законы и общеобязательные нормы, правила, регламенты, являющиеся нормативными правовыми актами, не допускать злоупотребления своими правами и не нарушать права, свободы и законные интересы других лиц.

Практика предъявления исков прокурора в интересах неопределенного круга лиц о предупреждении

причинения вреда показала, что в некоторых случаях в своих предписаниях контролирующие органы переписывают из года в год одни и те же требования об устранении нарушения закона или иного правового акта, по которым к организациям или должностным лицам применялось административное наказание. Но между тем ситуация не изменяется. Отчасти это объясняется тем, что далеко не все нарушения закона или иного правового акта являются основанием для административного приостановления деятельности организации, либо руководителям организаций иногда выгоднее (менее затратно) оплачивать административный штраф, чем надлежащим образом выполнять свои обязанности, либо административное наказание является одноразовым и не максимальным, несмотря на длежащее неисполнение требований. При этом некоторые нарушения закона или иного правового акта могут повлечь за собой в будущем опасность причинения вреда неопределенному кругу лиц, которая на первый взгляд не столь очевидна. Таким образом, мы видим, что административное наказание не всегда понуждает к совершению определенных действий либо не всегда пресекает действия, нарушающие права граждан, и не во всех случаях приводит к исполнению обязанности в натуре.

Если встать на позицию отказа прокурору, гражданину в праве на иск в защиту интересов неопределенного круга лиц и оставить подведомственность спора только в компетенции контролирующего и надзирающего органа исполнительной власти в порядке административных правоотношений, то возникнет следующая ситуация. Если контролирующий и надзирающий орган исполнительной власти не выполняет свои обязанности надлежащим образом в административном порядке и будет даже возбуждено уголовное дело против должностных лиц за бездействие, и при этом прокурору будет отказано в праве на иск в защиту прав неопределенного круга лиц, то остается надежда на защиту публичных интересов общественными объединениями (ст. 46 ГПК РФ, ст. 46 ФЗ «О защите прав потребителей»), для которых она не является обязанностью. Вместе с тем Конституционный суд РФ разъясняет, что в Российской Федерации гарантируется государственная, в том числе судебная защита прав и свобод человека и гражданина, составляющая обязанность государства. Иначе говоря, реализация прав каждого не должна находиться в зависимости от действий (бездействия) государственного органа исполнительной власти.

Следовательно, если нарушаются права неопределенного круга физических лиц либо есть угроза причинения вреда в будущем неисполнением другим юридически равным ему лицом общеобязательных норм, правил, регламентов, то законный представитель от имени неопределенного круга лиц имеет право на иск в порядке предупреждения причинения вреда с требованием о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, либо с требовани-

ем об исполнении обязанности. Суду должно быть неважно, что иски будут совпадать с требованиями находящегося на исполнении в организации как первичного, так и очередного предписания контролирующего и надзирающего органа. Важно обратить внимание на обязанность по выполнению законов и иных правовых актов, возникающую не с момента внесения предписания контролирующего или надзирающего органа, а с момента вступления в законную силу указанных актов.

Представляется, что понятие «обязанность по исполнению законов и иных правовых актов» не тождественно понятию «административные обязанности» как элементу правоотношения.

Анализируя ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, эксперты Совета Европы дают толкование праву на справедливое судебное разбирательство (в контексте понятия «гражданские права и обязанности») в статусе автономной концепции, которая не может толковаться исключительно в свете внутреннего законодательства государства-ответчика. При определении принадлежности дела к сфере гражданского права релевантным является только характер рассматриваемого права. Как постановил суд в деле Рингейзена: «Характер законодательства, на основании которого решается данный вопрос (гражданское, коммерческое, административное и т.д.), и органа, на который возложены полномочия по его решению (обычный суд, административный орган и т.д.), не имеют большого значения». Соответственно, то, каким образом право или обязанность определены во внутреннем законодательстве, не является решающим фактором. В деле Кенига против ФРГ суд определил: «...будет ли право рассматриваться как гражданское в смысле Конвенции, зависит не от его юридической квалификации во внутреннем законодательстве, а от того, какое материальное содержание вложено в него законодательством и какие последствия оно связывает с ним» [7, с. 11–14].

Исходя из этого не усматривается возможность возложить обязанности на досудебное урегулирование спора в административном порядке на лиц, отличных от контролирующих и надзирающих органов исполнительной власти, и прокурора при подаче ими иска в защиту интересов неопределенного круга, поскольку они не обязаны и не должны подменять собой деятельность соответствующих контролирующих и надзирающих органов исполнительной власти. При этом права и обязанности прокурора как надзирающего органа не подлежат рассмотрению в гражданском процессе как неотделимые, в противном случае его право на иск в защиту интересов других лиц всегда можно будет отрицать его административными полномочиями.

Представляется обоснованным утверждение, что наряду с предоставлением возможности саморегулирования частных интересов гражданами в гражданском праве «государство должно принимать определенные

меры охраны всех участников от злоупотреблений недобросовестных лиц, защищать интересы заведомо слабой стороны отдельных отношений, а в необходимых случаях вправе и даже обязано понуждать участников рассматриваемых взаимоотношений к соблюдению общественных (публичных), а не только частных интересов» [8, с. 2].

Спорность ситуации с правом на иск в защиту интересов неопределенного круга лиц также связана с определением сторон, поскольку суд до определения правоотношений сторон и закона, подлежащего применению, должен определить стороны, т.е. определить истца и ответчика.

Многие авторы, отграничивая истца от процессуального положения прокурора или государственного органа, подающих иск в интересах других лиц или неопределенного круга лиц, признают за ними только процессуальную правоспособность, поскольку они, не распоряжаясь материальным правом и не являясь стороной по делу в материальном смысле, не могут заключить мировое соглашение и к ним нельзя предъявить встречный иск – они не имеют обязанности по уплате судебных расходов. Однако их правовой статус обозначают различными терминами – процессуальный истец, истец в процессуальном смысле, заявитель или законный представитель, что не меняет смысла понятия – не истец.

Стоит особо отметить, что в судебных определениях Верховного суда РСФСР конца XX в. указывался особый процессуальный статус прокурора при подаче иска в интересах другого лица как не являющегося стороной в гражданском процессе в полном смысле этого понятия*.

Верховный суд Российской Федерации напоминает, что «при определении закона и иного нормативного правового акта, которым следует руководствоваться при разрешении дела, и установлении правоотношений сторон следует иметь в виду, что они должны определяться исходя из совокупности данных: предмета и основания иска, возражений ответчика относительно иска, иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела» и, далее, «указание истцом конкретной правовой нормы в обоснование иска не является определяющим при решении судьей вопроса о том, каким законом следует руководствоваться при разрешении дела»**.

Иск прокурора и иных органов государственной власти в интересах неопределенного круга лиц необходимо отличать от административных исков, когда

осуществляющие контрольные и надзирающие функции органы, выступая в суде от своего имени и являясь истцами в полном смысле этого понятия (обладают процессуальной и материальной правоспособностью), защищают в суде надлежащее исполнение законов.

Например, в соответствии со ст. 46 и 48 Налогового кодекса РФ налоговые органы имеют право на иск о взыскании налога к организации, который в соответствии с главой 26 АПК РФ («Рассмотрение дел о взыскании обязательных платежей и санкций») будет рассматриваться арбитражным судом по общим правилам искового производства с особенностями, установленными в указанной главе.

В гражданском процессе неопределенный круг лиц (многочисленная группа физических лиц) является истцом и считается присутствующей стороной через такой прием юридической техники, как юридическая фикция, который необходим для осуществления защиты публичных (общественных) интересов и соблюдения конструкции гражданского процессуального права «истец – ответчик». Юридическая фикция, будучи весьма распространенным явлением в законотворчестве, может признавать несуществующий факт юридически существующим. Например, юридическое лицо – фактически не существующее образование – признается субъектом права (ст. 48 ГК РФ), или лица, участвующие в деле, считаются надлежащим образом извещенными арбитражным судом, если, несмотря на почтовое извещение, адресат не явился за получением копии судебного акта (ст. 123 АПК РФ).

Ответчиком по делам о защите прав неопределенного круга лиц является любое юридическое или физическое лицо (отличное от органов власти), которое своими действиями (бездействием) нарушает публичные интересы или угрожает им причинением вреда в будущем. Стороны в таком споре находятся в юридически равном положении по отношению друг к другу, и между ними нет административных правоотношений. Соответственно, такой иск не является иском в интересах органа власти, а только косвенно затрагивает его интересы, и не в материально-правовой связи к истцу или ответчику, чтобы быть вовлеченным в процесс в качестве третьего лица.

Если дела косвенно затрагивают права и обязанности органов власти, то последние должны привлекаться к процессу в соответствии со ст. 47 ГПК РФ для дачи заключения по делу в целях осуществления возложенных на них обязанностей и защиты прав, свобод и законных интересов других лиц или интересов Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований. К тому же они являются специалистами в своей области контроля и надзора.

Таким образом, весьма спорной является позиция о возможности отказа в принятии иска, поданного прокурором в защиту интересов неопределенного круга лиц, с определением правоотношений сторон как административных.

* Определение СК Верховного суда РСФСР от 15 апреля 1985 г. [Электронный ресурс] // СПС Гарант. Платформа F1. Эксперт.

** Постановление № 11 Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2008. № 9, п. 6. С. 2.

Рассмотрим право на иск в защиту интересов неопределенного круга лиц с позиций доступности правосудия. Анализ современного законодательства выделяет следующих субъектов, наделенных правом на обращение в суд по поводу защиты неопределенного круга лиц: прокурор, государственные органы, в определенных случаях, а также общественные объединения потребителей. Представляется, что субъектный состав этого права необходимо расширить в отношении граждан и органов власти во всех случаях. Поэтому весьма последовательно, в контексте прав и свобод человека и гражданина, законодатель предусмотрел право гражданина на предъявление иска в суд о возмещении вреда окружающей среде (ст. 11 ФЗ «Об охране окружающей среды»). Такой иск является ярким примером частно-правового средства защиты публичных (общественных) интересов и фактически является иском в защиту прав неопределенного круга лиц на благоприятную окружающую среду, хотя с позиций прямой дефиниции таковым не является.

С.В. Лучина, разделяя позицию общедоступности права на иск в защиту интересов неопределенного круга лиц, считает, что «...недопустимо признание деятельности конкретного обязанного лица незаконным ставить в зависимость от наличия процессуального интереса соответствующего органа или организации. Поскольку процессуальные последствия решения суда по иску в защиту неопределенного круга лиц распространяются в первую очередь на материально заинтересованных лиц, то представляется логичным предоставить каждому из них рассматриваемое право» [15, с. 177].

Для зарубежного законодательства также характерна теория общедоступности права на иск в защиту интересов многочисленной группы лиц. В частности, Федеральные правила гражданского судопроизводства США, регулирующие особое групповое производство (class action), предусматривают: «один или несколько членов группы могут предъявить иск или отвечать по иску как представительные стороны от имени всех ее членов только при условии, если:

1) группа настолько многочисленна, что соучастие всех ее членов практически невозможно;

2) имеются вопросы права или факты, общие для группы» [10, с. 501].

В этой связи примечателен исторический опыт, свидетельствующий об известности римскому праву иска в защиту многочисленных лиц (actions populares). Римское право руководствовалось необходимостью

преследования определенных правонарушений, что нельзя было сделать в рамках строго гражданского права. Эти иски были перечислены в преторском эдикте и могли быть предъявлены любым из возможных заинтересованных лиц. Например, таковыми были иски против лиц, не держащих опасных животных на привязи; иски против жильца за ущерб, который наступил от падения твердых или жидких предметов из окна дома, в котором проживал этот жилец, на улицу; иски за размещение на крыше или балконе своего дома предметов, которые могли причинить ущерб прохожим в случае своего падения; иски против лиц, потревоживших захоронение или нанесших повреждения гробнице [11, с. 155].

На основании сказанного следует сделать вывод о том, что иски в защиту интересов неопределенного круга лиц, являясь средством защиты публичных (общественных) интересов, должны быть доступны не только прокурору, органам власти, общественным объединениям потребителей, но и должны быть общедоступными.

ЛИТЕРАТУРА

1. См., например: *Батаева Н.С.* Судебная защита прав и интересов неопределенного круга лиц: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 8–9.
2. *Решетникова И.В., Ярков В.В.* Гражданское право и гражданский процесс в современной России. М., 1999. С. 145.
3. *Аболонин Г.О.* Групповые иски. М., 2001. С. 19, 41.
4. *Филатова М.В.* Защита прав потребителей в Российской Федерации (гражданско-процессуальные и административно-правовые аспекты): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 50–55.
5. *Жуйков В.М.* ГПК РФ: порядок введения в действие // Российская юстиция. 2003. № 2.
6. *Артамонова Е.М.* Защита прокурором прав и законных интересов неопределенного круга лиц в гражданском судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 9–10, 97–98.
7. *Нула Моул, Катарина Харби, Л.Б. Алексеева.* Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство: Прецеденты и комментарии. М., 2001. С. 11–14.
8. *Гражданское право: В 4 т.: Учебник / Под ред. Е.А. Суханова.* М.: Волтерс Клувер, 2006. Т. 1.
9. *Лучина С.В.* Процессуальные особенности защиты многочисленной и (или) неопределенной группы управомоченных субъектов // Актуальные проблемы современной юридической науки (некоторые аспекты): Сборник научных статей. Волгоград, 2000. Вып. 2.
10. *Елисеев Н.Г.* Гражданское процессуальное право зарубежных стран. М.: ТК Велби, 2004.
11. *Гарсио Гариндо М.Х.* Римское частное право: Казусы, иски, институты (Manuel Jesus Garrido Derecho privado romano: casos, acciones, instituciones. Madrid. 1998.) / Пер. с исп.; под ред. Л.Л. Кофанова. М.: Статут, 2005.

С.В. ЗЫКОВ

ОТЛИЧИМОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

младший научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН
e-mail: ZykovSV@yandex.ru

Объекты интеллектуальных прав в качестве материальных не имеют непосредственной опоры в чувственно-воспринимаемой реальности, отсюда возникает задача их правового конструирования.

Автор подразделяет критерии обособления результатов интеллектуальной деятельности на общий и специальные. Универсальный критерий в немногочисленных доктринальных исследованиях обозначается как критерий новизны. Автор доказывает неадекватность данного понятия в силу его возможной субъективной интерпретации. Предлагается термин «отличимость», обосновывается, в частности, возможность его соотнесения не только с правовыми признаками результатов интеллектуальной деятельности, но и со средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг, т.е. его универсальность.

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, объекты интеллектуальной собственности, новизна (изобретения).*

Объекты интеллектуальных прав, как и любые другие объекты гражданского оборота, требуют обособления. Причем вопрос правообъектности в данном случае решается значительно сложнее, чем в случае, например, вещей, обособление которых непосредственно основывается на чувственной реальности. Действительно, в то время как вещи однозначно локализованы, идеальные объекты оформляются благодаря мыслительной деятельности субъектов, основанной на правовых критериях. В этом смысле можно сказать, что право конструируют интеллектуальные объекты.

Такое конструирование невозможно без установления правовых критериев, предъявляемых к объектам. Эти требования, применяемые в совокупности, можно подразделить на две основные категории:

– критерии, общие для подотрасли интеллектуальных прав, характеризующие объект как результат интеллектуальной деятельности,

– критерии специальные, применимые к соответствующему юридическому институту (субинституту), чаще всего отражающие специфику сферы деятельности, что способствует получению охраноспособного результата.

В настоящей статье речь идет об общих критериях результатов интеллектуальной деятельности. В доктрине данная проблема традиционно именуется проблемой критерия творчества.

Как измерить творчество? Этот вопрос стоит столько же, сколько существует подотрасль интеллектуальных прав, как бы она не называлась. Само ее появление следует датировать временем, когда в качестве основания выдачи привилегий была принята творческая именно деятельность заявителя, а не иные, относящиеся к нему или его деятельности факты.

Самоочевидна невозможность отследить творческий характер деятельности в процессе ее осуществления. Это было бы реально лишь в рамках такого тоталитарного

(в самой высокой, на сегодняшний день невозможной, степени) общества, в котором глобальному государственному контролю подвергалось бы не только любое поведение людей, но и их мыслительная деятельность. И хотя существует мнение, что именно в данном направлении развивается современная информационно-глобалистическая цивилизация, но пока (слава Богу!) до такого состояния далеко. Сегодня творческий (интеллектуальный) характер деятельности выявляется лишь посредством анализа признаков полученного в ее результате объекта.

Какими же признаками наделяет право результат интеллектуальной деятельности? Применительно к объектам авторского права легальные критерии отсутствуют, в доктрине назывались оригинальность, уникальность, новизна. В отношении объектов патентных прав (имея в виду те условия патентоспособности, которые связаны именно с признаками интеллектуального результата, а не специфические для сферы технической деятельности, например, промышленная применимость) в Гражданском кодексе Российской Федерации фигурируют: новизна, изобретательский уровень, оригинальность. Что касается селекционных достижений – отличимость (она ближе к «новизне» патентного права, чем «новизна», определенная в качестве легального условия охраны для данных объектов) топологий интегральных микросхем – оригинальность.

Вряд ли методологически правильно выбрать универсальную категорию, исходя из частоты употребления указанных терминов. В данном случае следует отметить, что не всегда оправданный терминологический разнобой в легальном определении признаков творческих результатов предопределен нерешенностью соответствующих концептуальных вопросов.

В доктрине традиционно наиболее популярен признак новизны. Популярность этого признака сыграла с ним злую шутку, впрочем, ее предпосылки заложены

ны и в нем самом. Действительно, термин «новизна» допускает как объективное, так и субъективное понимание. Последняя конструкция особенно поддерживается таким известным цивилистом, как А.А. Пиленко («субъективное понятие творчества» [1, с. 278]).

Какие бы аргументы не выдвигались в пользу критерия субъективной новизны, совершенно очевидно, что этим критерием не может руководствоваться ни сотрудник патентного ведомства при оценке охраноспособности изобретения, ни судья при разрешении авторско-правового спора. Критерий субъективной новизны неизбежно требует оценки с точки зрения внутреннего мира автора, что сегодня, как уже было отмечено, просто невозможно.

Момент истины в данном подходе также присутствует. Творчество – деятельность, бесспорно, субъективная. Вместе с тем, эксперт, судья, разумеется, – тоже люди, и они могут вносить в процесс оценки творческого результата человеческие заблуждения. Но даже если взять, очень непростой на практике вопрос оценки «изобретательского уровня», то наличие фиктивной фигуры «специалиста», по существу, означает объективизацию даже внешне субъективистской, персоналистической конструкции. Таким образом, и субъективные заблуждения преодолеваются в результате переоценки, в ходе последующего обжалования, правоприменительного решения.

В этом же контексте можно выделить виды творчества как деятельности, в ходе осуществления которой (разумеется, при соблюдении ее правил) неизбежно достигается охраноспособный результат. Таким является творчество в области литературы и искусства. Объяснение заключается в том, что в данных сферах произведение (исполнение) является выражением уникальной личности, ее внутреннего мира. Таким образом, по общему правилу, субъективная и объективная новизна в авторском праве совпадают. С оговоркой необходимости следует исключить правовую охрану банальностей, очевидных форм, для чего используется критерий объективной новизны, отличимости от существующих общеупотребительных форм. Как правило, в последнем случае речь идет об элементарных, недостаточно развернутых эстетических формах (очевидно, что не охраняемы общераспространенные языковые штампы приветствия, прощания, констатации фактов и т.п.). Не бесполезным для данных целей является доктринальное разделение деятельности на продуктивную и репродуктивную, однако следует отметить, что это разделение в значительной степени утратило свое значение, – то, что для В.Я. Ионаса было «кардинальной константой гражданского права» [2, с. 10], (имеется в виду вопрос наличия/отсутствия правовой охраны), сейчас применяется дифференцированно, в зависимости от объектов, среди которых как объекты продюсерских прав присутствуют и результаты репродуктивной деятельности (например, базы данных в отношении своего содержания).

С иной ситуацией мы сталкиваемся в сфере технического творчества применительно к изобретениям. Здесь отличимость от существующего уровня техники не достигается автоматически. Субъективная новизна выступает предпосылкой достижения охраноспособного результата, причем необходимой, но отнюдь не достаточной. Ее можно было бы использовать в качестве условия охраны лишь ценой не реализуемой на практике фикции знания автором уровня техники.

Таким образом, следует различать формы творчества, в которых охраноспособный результат достигается автоматически, и формы, в которых полученный результат подлежит дополнительной оценке с точки зрения отличимости от уже существующих. При этом случай невозникновения правовой охраны во втором случае отнюдь не предполагает какую-то недобросовестность, вину со стороны создателя.

Можно предположить, что именно смешение принципиально различных с точки зрения соотношения «деятельность – охраняемый результат» сфер художественного и технического творчества, а точнее, перенос принципов первого (где субъективная и объективная новизна, как правило, совпадают) на второе вызвало вышеуказанную методологическую ошибку. Это предположение находит прямое подтверждение в работе А.А. Пиленко («творчество художественное и творчество техническое в своей сущности одинаковы» [1, с. 258]). Справедливости ради следует отметить, что такое *reductio ad absurdum* критерия новизны указанным исследователем привело его, несмотря на легальное закрепление термина, к отказу от данного критерия вообще [1, с. 247].

Итак, новизна в качестве критерия творчества в силу возможности его субъективного толкования не является удачной. Предпочтительно говорить о категории отличимости, более непосредственно указывающей на действия по сравнению с существующими объектами, которые необходимо совершить для определения рассматриваемого результата в качестве охраноспособного. Отличимость можно подразделить по степени различий на простую (когда рассматривается вопрос совпадения/несовпадения), имеющую место в подавляющем большинстве случаев, и квалифицированную (когда подразумевается существенное ее возвышение над существующими объектами и их комбинациями). В качестве примера последней, безусловно, напрашивается «изобретательский уровень», но можно указать и на такое, например, условие регистрации товарного знака, как наличие различительной способности. Согласно п. 2.3.1 Правил составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания, утвержденных Приказом Роспатента от 5 марта 2003 г. № 32, указанной способностью не обладают «обозначения, представляющие собой отдельные буквы, цифры, не имеющие характерного графического исполнения, сочетания букв, не имеющие сло-

весного характера; линии, простые геометрические фигуры, а также их сочетания, не образующие композиций, дающих качественно иной уровень восприятия, отличный от восприятия отдельных входящих в них элементов». Иными словами, различимость товарного знака означает, в частности, существенную отличимость заявленного обозначения от указанных элементов, включая их комбинации.

Основанием для другой дифференциации категории отличимости является предмет сравнения. Если речь идет об объектах, охраняемых в созидательном режиме, то сравнивается форма. При этом для произведений – объектов авторского права – имеет значение как внешняя (под которой для литературных произведений понимаются текст, язык изложения в непосредственной данности), так и внутренняя (несущественные внешние различия, тем не менее позволяющие утверждать об основанности одного произведения на другом в силу единства внутренней формы – системы образов) формы. В более редких случаях, например для баз данных как объектов смежных прав, имеют значение только отличия внешней формы. В отношении регистрируемых объектов традиционно считается, что охраняемым является содержание, соответственно, оно и подлежит сравнению. Разумеется, данное различие с учетом нематериального характера и тех, и других объектов, а также отсутствия общего субстрата (в котором можно было бы их выделить) является достаточно условным. Содержательное определение представлено в виде формализованного описания – формулы изобретения. По существу, различие формы и содержания в данном контексте означает, что если объекты авторского права имеют один вариант представления (хотя оно возможно на разных носителях: скажем, картина может быть представлена в виде репродукции, в цифровом виде и т.п., но форма представления одна – графическая), а объекты патентных прав одновременно представлены в нескольких формах: текстовом описании (патентная формула), графическом (чертеж), материальном воплощении.

Нельзя сказать, что предлагаемый критерий является абсолютно новым. Так, А.А. Пиленко при характеристике легального критерия патентной новизны оперирует словом «отличающихся» [1, с. 282].

Преимущество понятия отличимости состоит в его универсальном характере. Отличимость является критерием не только творческой, но и любой другой ин-

теллектуальной деятельности, поскольку последняя порождает охраноспособный результат. Из толкования Гражданского кодекса недвусмысленно следует подразделение результатов интеллектуальной деятельности на творческие (имеющие такого субъекта, как автор) и иные, обозначаемые в доктрине (В.А. Дозорцев) как результаты координационной деятельности. Очевидно, различие между ними предопределено характером интеллектуальной деятельности: если в ней доминирует иррациональное начало, мы говорим о результатах первого вида; а если результат достигается с помощью действий, допускающих в значительной степени формализацию (выше была обозначена как репродуктивная деятельность), мы имеем дело с нетворческим результатом (например, информация, собранная в базу данных).

Кроме того, понятие «отличимость» легко соотносится с характеристикой объектов иных, чем охраняемые в двух вышеуказанных правовых режимах. Например, с понятием неизвестности третьим лицам применительно к секретам производства (ст. 1465 ГК РФ). Более того, на примере товарных знаков (знаков обслуживания) выше было показано, что данная категория применима и к объектам, не являющимся результатами интеллектуальной деятельности. Говоря о новизне, мы противопоставляем ей «старое» – достижения людей в той же сфере, в том же направлении деятельности. А отличимость позволяет сопоставлять объект с иными по своему происхождению: например, в вышеприведенном смысле различительной способности товарных знаков.

Подытожим рассуждения следующими выводами:

1. Критерии, с помощью которых право конструирует интеллектуальные объекты, следует подразделять на общие, характеризующие их как результаты интеллектуальной деятельности, и специфические для каждой сферы деятельности.

2. «Новизна» не может являться критерием результатов интеллектуальной деятельности в силу возможности заведомо неприемлемого субъективного истолкования понятия. Универсальным критерием, характеризующим объекты интеллектуальных прав, является категория «отличимости».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пиленко А.А.* Право изобретателя. М., 2001. 688 с.
2. *Ионас В.Я.* Произведения творчества в гражданском праве. М., 1972. 166 с.

Н.Ю. ЧЕРНУСЬ

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОБОРОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК

канд. юрид. наук, научный сотрудник,
Институт философии и права СО РАН
e-mail: preiudicia@yandex.ru

Проблема правового регулирования гражданского оборота культурных ценностей всегда относилась и относится к числу актуальных для цивилистической науки и правоприменительной практики. Связано это прежде всего с тем, что законодательство, регулирующее оборот таких ценностей, содержит ряд пробелов и противоречий. Кроме того, отсутствуют монографические исследования гражданского оборота культурных ценностей. Особенности правового режима археологической находки и посвящена статья.

Ключевые слова: *археологическая находка, культурные ценности, исторические ценности.*

Механизм вовлечения археологических находок в гражданский оборот может быть раскрыт посредством выявления особенностей, во-первых, имущественного оборота этих объектов, во-вторых, охраны исторических и культурных ценностей, к которым относятся находки, обнаруженные в результате проведения раскопок. При этом важно учитывать, что имущественный оборот регулируется нормами гражданского права, тогда как вопросы охраны культурных ценностей – по большей части нормами административного права, где преобладающим методом правового регулирования является императивный метод.

Актуальность заявленной тематики, связанной с гражданским оборотом археологической находки, сегодня не вызывает особых сомнений. Как никогда в последние десятилетия распространенным становится явление так называемой «черной археологии», которая наносит вред интересам государства не только тем, что обнаруженные объекты не попадают в государственную собственность и не становятся народным достоянием, но и причиняется непоправимый ущерб археологическому наследию России. В литературе [1] отмечается, что в археологии огромное значение имеет «контекст находки» (какие вещи встречены вместе, при каких обстоятельствах они попали в землю и т.д.). В этой связи охране в советское время подлежали недвижимые памятники культуры, но не обособленные движимые объекты. Формирование рынка движимых культурных ценностей, не всегда добытых законным путем, диктует необходимость совершенствования законодательства, регулирующего эту сферу социального бытия.

Данная тенденция известна и законодателю: на проблему отсутствия должного правового регулирования оборота археологических ценностей не раз обращалось внимание. В частности, 19 марта 2004 г. в Совете Федерации Федерального собрания Российской Федерации состоялся «круглый стол» на тему «Сохранение археологического наследия России»; были выработаны рекомендации, касающиеся, прежде всего,

совершенствования действующего законодательства в данной сфере. Однако прошло достаточно времени, и многие из рекомендаций остались до сих пор нереализованными. Предполагаемой причиной можно назвать необходимость обеспечения баланса частных и публичных интересов при обнаружении ценностей в процессе проведения поисковых работ. С одной стороны, обнаруженные особо охраняемые культурные ценности должны поступать в собственность государства, а с другой стороны, лицо, обнаружившее ценности, должно иметь право на получение соответствующего вознаграждения. При этом извлеченные из земли находки не всегда представляют культурную ценность, поэтому они могут оставаться и в собственности обнаружившего их лица.

Анализ действующего законодательства, устанавливающего особенности правового режима археологической находки, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в Российской Федерации объекты археологического наследия выделены как особый вид объектов культурного наследия, к которым относятся «частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки» (ст. 3 Федерального закона от 24 мая 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [2]). Во-вторых, объекты археологического наследия относятся к памятникам культуры федерального значения (ст. 4 Закона), которые сразу после обнаружения, без проведения государственной историко-культурной экспертизы приобретают статус выявленных памятников, объектов культурного наследия и подлежат государственной охране с момента обнаружения, а не после постановки на учет или регистрации, до определения его границ и научной составляющей (п. 6 ст. 18 Закона). В-третьих, объекты археологического наследия поступают в государ-

ственную собственность и не могут быть объектом приватизации.

Тем не менее следует обратить внимание на то, что в законодательстве речь идет об археологическом наследии, а не об археологической находке, поскольку объекты археологического наследия могут быть как недвижимыми, так и движимыми. В большинстве случаев археологические находки (движимые вещи) обнаруживаются при раскопках недвижимых археологических памятников. При этом полагаем, что не всякая находка достойна статуса археологического наследия, поэтому коснемся вопросов определения археологической находки, а именно: когда извлеченный из земли предмет получает статус археологической находки и какие особенности содержит в себе ее правовой режим?

Обратимся более детально к определению археологического наследия. 16 января 1992 г. Россией была подписана Европейская конвенция Совета Европы об охране археологического наследия [3], но пока она не ратифицирована. В ней содержится определение археологического наследия, которым являются все остатки и объекты и любые другие следы человечества из прошлых эпох: во-первых, сохранение и изучение которых помогает проследить историю человечества и ее связь с природной средой; во-вторых, для которых раскопки или открытия и другие методы исследований, касающихся человечества и относящейся к нему среды, являются основными источниками информации; и, в-третьих, которые находятся в любом районе в пределах юрисдикции сторон. При этом археологическое наследие включает строения, сооружения, ансамбли зданий, освоенные места, движимые объекты, памятники другого рода, а также окружающее их пространство, находящиеся на суше или под водой. Конвенция предписывает, что в отношении объектов археологического наследия должны осуществляться меры по их охране, и выбор этих мер зависит от различных факторов. Полагаем, что такими факторами могут быть культурная, историческая или археологическая ценность находки, ее физическое состояние, возможность обеспечения ее сохранности частными лицами. Как видим, исходя из смысла Конвенции, гражданский оборот археологических находок вполне допустим.

Обратимся к Конвенции ООН «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (Париж, 16 ноября 1972 г.) [4], ратифицированной СССР 9 марта 1988 г. В ней под «культурным наследием» понимаются памятники, ансамбли и достопримечательные места. Памятниками являются произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки. Содержание указанной Конвенции также позволяет прийти к выводу, что памятники культуры могут быть объек-

тами гражданского оборота при условии обеспечения их сохранности.

Действующее российское законодательство определяет порядок проведения археологических раскопок, устанавливая, в частности, административную ответственность за ведение археологических разведок или раскопок без полученного в установленном порядке разрешения (открытого листа) либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением (открытым листом) (ст. 7.15 КоАП РФ), т.е. ведение раскопок и разведок памятников археологии допускается только при наличии разрешений — открытых листов, которые выдаются Российской академией наук (п. 49 Положения об охране и использовании памятников истории и культуры, утвержденного Постановлением Совета Министров СССР от 16.09.1982 г. [5]). При этом законом предусмотрена конфискация объектов, добытых с нарушением установленного порядка ведения раскопок. Судьба находок, добытых с соблюдением установленного законодательством порядка, зависит от статуса субъекта, проводившего раскопки, а также от ценности самой находки. Особо ценные объекты культурного наследия народов РФ являются исключительно федеральной собственностью, причем изменение формы собственности указанных объектов либо их перепрофилирование не допускается (п. 6 Положения об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 30 ноября 1992 г. [6]). К особо ценным объектам культурного наследия народов РФ относятся объекты, представляющие собой материальные, интеллектуальные и художественные ценности эталонного или уникального характера с точки зрения истории, археологии, культуры, архитектуры, науки и искусства. Объекты археологического наследия (частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение), основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки [7]), поступают в государственную собственность (федеральную или собственность субъекта РФ). Остальные извлеченные в результате раскопок ценности могут находиться в федеральной собственности, собственности субъектов РФ, муниципальной собственности, частной собственности, а также в иных формах собственности, в зависимости от обстоятельств обнаружения находки.

При этом следует обратить внимание, что после того как находка извлечена из земли, без фиксации данного факта сложно установить ее происхождение: появилась ли она у лица в результате археологических раскопок или же была добыта иным путем. Приведенное суждение позволяет сделать вывод, что правовой режим археологической находки или иной культурной ценности не должен различаться и зависеть от способа ее приобретения тем или иным лицом (была она извлечена из земли ее владельцем или нет). Более того,

не всегда представляется возможным уверенно квалифицировать тот или иной объект как археологическую находку после того, как он был извлечен из земли.

Близким по своей сущности является другой способ обнаружения ценностей – клад (ст. 233 ГК РФ). Добытые в качестве клада ценности, если они не относятся к памятникам истории и культуры, поступают в собственность обнаруживших их лиц, а также лица, которому принадлежит имущество, где был сокрыт клад.

В приведенных положениях законодательства говорится о возможности существования различных форм собственности в отношении ценностей, добытых при проведении археологических раскопок или при обнаружении клада. Последующая судьба таких находок зависит от их признания (квалификации) в качестве ценностей, имеющих особое культурное значение для государства.

Помимо приведенных положений законодательства, определяющего правовую судьбу извлеченных из земли ценностей, установлены особенности гражданского оборота вещей, которые относятся к движимым культурным ценностям и являются археологическими находками. Они определяются ГК РФ, Законом РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей», устанавливающим специальные правила перемещения движимых культурных ценностей через таможенную границу Российской Федерации, Федеральным законом «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», закрепляющим за государством право преимущественной покупки движимых культурных ценностей, отчуждаемых их собственником.

Прежде всего, главной обязанностью лица, владеющего вещью, отнесенной к культурным ценностям, является обеспечение надлежащего содержания этой вещи. Данная обязанность закреплена в Конституции РФ, Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», Федеральном законе «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», Законе РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей». Исходя из анализа законодательства, надлежащее содержание вещей, относимых к культурным ценностям, предполагает:

- 1) обеспечение их физической сохранности, недопущение порчи (потери ими своих качеств);
- 2) осуществление, в случае необходимости, мероприятий по их ремонту (реставрации);
- 3) принятие мер по недопущению их хищения;
- 4) недопущение передачи культурных ценностей лицу, не способному обеспечить их надлежащее содержание.

За нарушение обязанности по надлежащему содержанию культурных ценностей установлена ответственность (ст. 240 ГК РФ, ст. 190 и 243 УК РФ, ст. 7.13 КоАП РФ).

Гражданский кодекс не указывает на специальные правила о форме сделки в отношении движимых культурных ценностей, однако в ч. 1 ст. 45 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» такие правила предусмотрены. В соответствии с данной нормой сделки в отношении движимых культурных ценностей должны заключаться в письменной форме, причем сделки, заключенные с нарушением установленного порядка, признаются недействительными (ч. 3 ст. 45 Закона).

В отношении движимых культурных ценностей, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, предусмотрена государственная регистрация сделок в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации. В соответствии с ч. 4 ст. 10 Федерального закона «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» передача прав собственности и другие действия физических и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей в отношении музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда, производятся только после регистрации сделки в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации». В каталоге ведется реестр сделок (реестр действий физических и юридических лиц, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей в отношении музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда). В соответствии с Положением о Государственном каталоге Музейного фонда в реестре сделок регистрируются следующие сделки с музейными предметами и коллекциями: купля-продажа, дарение, мена, передача во временное или бессрочное владение или пользование, наследование.

Таким образом, в отношении определенной категории движимых культурных ценностей (ценностей, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации) законодателем предусмотрена не только письменная форма, но и государственная регистрация сделок в специальном каталоге. Что касается движимых культурных ценностей, не входящих в указанную категорию, то такое требование не установлено.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее.

1. Законодательство, регулирующее оборот движимых культурных ценностей в Российской Федерации, в настоящий момент находится в стадии развития. Основным направлением этого развития должно быть обеспечение сохранения культурных ценностей для последующих поколений. При этом необходимо ориентироваться на положительный опыт, выработанный в данной сфере правового регулирования зарубежными правовыми системами, на нормы международного права, а также на некоторые прогрессивные нормы советского права, не потерявшие своей актуальности.

2. Способ приобретения лицом культурных ценностей не должен влиять на последующее определение

их судьбы. Общий правовой режим необходимо распространить на любые объекты, относящиеся к культурному наследию Российской Федерации.

3. Существует значительная специфика правового регулирования гражданского оборота движимых культурных ценностей, связанная, прежде всего, с наличием четко выраженного публичного интереса в их сохранении и, как следствие, со значительным количеством императивных норм, направленных на обеспечение этого интереса.

4. В действующем гражданском законодательстве, регулирующем оборот движимых культурных ценностей, обнаруживаются коллизии и пробелы. Нуждаются в скорейшей доработке нормы, регулирующие отношения, связанные с приобретением культурных ценностей по давности владения, выкупом государством культурных ценностей, заявленных к вывозу за рубеж, страхованием временно вывозимых культурных ценностей, осуществлением принудительного отчуждения бесхозяйственно содержащихся культурных ценностей, осуществлением государством преимущественного права

покупки культурных ценностей, регистрацией сделок с культурными ценностями.

5. Продуманное и теоретически обоснованное применение гражданско-правовых норм для регулирования оборота движимых культурных ценностей будет способствовать становлению и развитию в Российской Федерации легального и цивилизованного рынка культурных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова М. А. Актуальные правовые аспекты археологической деятельности // Закон. 2006. № 7.
2. Парламентская газета. 2002. 29 июня.
3. СПС Консультант Плюс.
4. Сборник международных договоров СССР. М., 1991. Вып. XLV. С. 482–492.
5. СП СССР. 1982. № 26. Ст. 133.
6. Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 23. Ст. 1961.
7. См.: ст. 3 ФЗ от 24.05.2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Парламентская газета. 2002. 29 июня.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. РЕЦЕНЗИИ

MOURELATOS, ALEXANDER P.D.
The Route of Parmenides: revised and expanded edition; with a new introduction, three supplemental essays, and an essay by Gregory Vlastos (originally published 1970). Las Vegas: Parmenides Pub., 2008. lix, 408 p.

Книга профессора философии и классики Техасского университета (Остин, США) Александра Мурелатоса «Путь Парменида» не нуждается в особом представлении,

она давно стала в некотором роде классикой в изучении поэмы Парменида. Первое издание этой книги в 1970 г. явилось буквально сенсацией благодаря оригинальному стилю изложения, необычной методологии и новой яркой интерпретации и надолго стало наиболее влиятельным и важным трудом в области досократической философии на Западе. Сегодня благодаря деятельности «Parmenides Publishing» (Лас-Вегас), которое называет своей миссией «возрождение интереса к мысли и мышлению как методу», мы имеем не просто переиздание этого замечательного труда спустя почти 40 лет (что само по себе было бы знаменательным событием), а получили новую оценку и новый взгляд на этот труд, сделанный в первую очередь самим Александром Мурелатосом.

Этот труд имеет свою историю и именно этим определяется структура как нового предисловия, написанного к данному изданию, так и всего издания. В книге три части, девять глав, четыре приложения и подробный развернутый справочный аппарат.

Книга открывается весьма подробным и содержательным оглавлением, которое обеспечивает хорошую навигацию по структуре книги и по основным позициям автора. Предисловие попутно выполняет и функцию послесловия, о чем говорит название: «Возвращение в Элею: предисловие и послесловие к пересмотренному и расширенному изданию “Пути Парменида”». Здесь Мурелатос излагает свой *путь* изучения поэмы Парменида и историю написания книги. Он начинает с критического обсуждения основных мыслей, высказанных в его диссертации (1963 г.), еще раз кратко просматривает те проблемы, которые обсуждались в «Пути...», и те, которые возникли как резонанс на издание книги (1963–1968 гг.), обсуждает трансформацию некоторых своих позиций в 70-е гг. Наконец, поднимает вопрос о перспективах концепции, изложенной в «Пути...» в 2008 г. Это очень личная часть книги, из которой мы узнаем о Мурелатосе не только как об исследователе, но и как о человеке. Эта часть важна и с определенных дидактических позиций. Дело в том, что очень редко в научной среде исследователи обращаются к критической ревизии собственных позиций и еще реже способны дать отрефлексированную оценку собственных заблуждений или тупиковых интерпретаций прошлых лет. Мурелатос смог это сделать.

Как следует из предисловия (на что также указывает посвящение книги Уилфриду Селларсу, который был, как мы бы сказали, научным руководителем Мурелатоса), строгий

аналитический подход в его комбинации с классическими историко-философскими исследованиями не случаен в трудах Мурелатоса. Это его стиль и визитная карточка. Ему первому удалось не только успешно сочетать, казалось бы, несопоставимые методологии классических исследований и аналитической философии, но и передать этот метод своим последователям (например, П. Керд).

Жанр ревью не позволяет остановиться и зафиксировать все аспекты и взаимосвязи терминов, понятий и значений, вытекающих из анализа греческого текста, их роли в концепциях Парменида, а также даже кратко обрисовать содержание каждой главы – сделать это и оценить вклад А. Мурелатоса предстоит каждому читателю самостоятельно. Сразу отмечу, что Мурелатос не делает выводов в главах, предоставляя это читателю, и не всегда выявляет позицию автора оказывается простой задачей. Тем не менее, нельзя сказать, что это недостаток книги, скорее автор (намеренно или нет) написал свою книгу как своеобразный путь или квест, и для внимательного читателя его позиция по мере прочтения становится вполне явной, тем более что в данном издании эта позиция четко оговорена в предисловии и проиллюстрирована в приложениях второй и третьей части. Поэтому я возьму на себя смелость представить не просто обзор глав, а интерпретацию Мурелатосом учения Парменида, тем более что она знакома, вероятно, не каждому российскому читателю.

В 1960-е гг. в англоязычном парменидоведении установился определенный консенсус точек зрения на учение Парменида, который был назван Мурелатосом «стандартной интерпретацией» (СИ). В рамках СИ дискуссии велись вокруг строк В2.3* и В2.5** поэмы, либо упуская из виду остальные почти полторы сотни ее строк, либо настаивая на том, что поэма противоречива, и та часть, которая посвящена «Доксе», включена «отцом логики» в текст поэмы по ошибке или на забаву публике. Тем самым свою задачу Мурелатос видит в том, чтобы дать собственную оценку и переводы строк В2.3 и В2.5 поэмы (в силу чего собственную интерпретацию он также считает связанной со стандартной) и получившийся результат включить во всю ткань поэмы так, чтобы получить целостную и непротиворечивую доктрину Парменида, которая была бы органично включена в проблематику предшествующей философии и ряда последующих концепций плюралистов (чему обычно не удовлетворяла стандартная интерпретация, где Парменид стоит особняком и понимается не как «натурфилософ», а как «отец логики»).

* <Два пути. Из них> «Первый гласит, что «есть» и «не быть» никак невозможно». (Я предлагаю наиболее известный российскому читателю вариант перевода А.В. Лебедева по изданию: Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989).

** «Путь второй – что «не есть» и «не быть» должно неизбежно».

Стандартная интерпретация предполагает согласие относительно содержания фрагментов В2.3 и В2.5 по трем пунктам: 1) ἔστι («существует») и εἶναι («быть») имеют экзистенциальное значение (т.е. передают смысл «нечто существует»); 2) отсутствует субъект для этих глагольных форм (сразу отмечу, что, по мнению Мурелатоса, эти высказывания имеют вид «___есть___», т.е. у Парменида пропущен как субъект, так и предикат, но при этом СИ комментирует только пропуск субъекта, не интересуясь возможными предикатами высказывания); 3) такая ситуация не предписывает «имперсональности» ἔστι. Критика Мурелатоса направлена против экзистенциального значения ἔστι.

Мурелатос выстраивает свои возражения против экзистенциального прочтения на основании анализа других прочтений значения глагола ἔστι. Во-первых, он рассматривает истинностное (veridical) использование «быть», сформулированное Ч. Каном (Charles Kahn) («когда εἶναι используется без предиката, то означает не “существовать”, а “быть именно таким”, “факт, что”, “истинно, что”» (р. 48)). Во-вторых, это точка зрения Г. Калогеро (G. Calogero), полагающего, что Парменид смешивает копулятивный* и экзистенциальный смыслы глагола «быть». Калогеро делает вывод, что в В2.3 и В2.5 мы не имеем никакого высказывания, а только логическую структуру, образец для формулирования всех последующих высказываний. Позиция Калогеро, согласно которой для Парменида возможны только позитивные предложения, а любые негативные предложения он запрещает, уязвима, как уязвима, по мнению Мурелатоса, любая интерпретация, «базирующаяся на изначальном смешении копулятивной и экзистенциальной предикации» (р. 54). Тем не менее, Мурелатосу она симпатична, поскольку в итоге запрещает экзистенциальное «быть» и отдает предпочтение копулятивному. Разумеется, он не поддерживает точку зрения Калогеро о высказывательной структуре, поскольку все остальные строки поэмы вообще не имели бы тогда никакого смысла. Такое прочтение для Мурелатоса влечет в первую очередь предикационный характер, поскольку, если известен субъект и имеется связь между субъектом и предикатом, то это с необходимостью влечет сам предикат. Эту мысль подхватывает П. Керд** и анализирует знаки сущего как его возможные предикаты.

Сам Мурелатос говорит не столько о предикатах, сколько о частном случае такого значения «быть», а именно, вводит и анализирует понятие «спекулятивная предикация». По его мнению, предикация у Парменида должна отвечать на вопрос «Что это?» и, следовательно, означать «скорее полное обнажение чего-либо, способность проникать в суть, идентичность вещи и сути таким образом, что вопрос о том, что есть вещь, больше никогда не возникнет» (р. 57) и что «субъект полностью объясняет себя в терминах самого себя. Предикация, таким образом, понимается как

* Таков смысл глагола «быть», когда он понимается как связка в предложении между субъектом и предикатом, например в предложении «Дом есть белый»; в русском языке такой глагол-связка, как правило, опускается, в английском, например, это сделать невозможно.

** См.: Вольф М.Н. Обзор книги Patricia Curd. The legacy of Parmenides. Eleatic monism and later presocratic thought. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2004. 309 с. // Вестн. НГУ. Сер.: Философия. Т. 3, вып. 1. 2005. С. 130–135.

одновременно анализ, экспликация и объяснение» (Ibid.). Такой вариант предикации говорит о «реальности», но он вполне приемлем для доктрины Парменида.

Аргументы в пользу такого прочтения следующие. Во-первых, Мурелатос рассматривает понятия φύσις и ἀλήθεια как конечную цель поиска философов. По его мнению, для доктрины Парменида предпочтительнее второе слово. Философия Парменида – это «когнитивный квест»* (р. 67–70), и потому он нацелен на разыскание ἀλήθεια, а не φύσις, которая была целью предшествующей философии. Этот вывод делается на основании анализа этимологии слова: «α (отрицание) + λεθ + суффикс эстивительного: отрицание положения или состояния λανθάνειν, «избегать объявления, обнаружения» (р. 64), т.е. не-сокрытое**. Это означает, что путь Парменида – это путь от «ближайшей, но “сокрытой” к трансцендентной, но “несокрытой” идентичности вещей» (р. 67). И хотя, подводит итог Мурелатос, переводить ἀλήθεια разумеется лучше словом «истина», поскольку это привычный и законный перевод, но аргументы указывают на то, что ἀλήθεια и τὸ ἐόν («сущее») у Парменида эквивалентны, и он употребляет эти слова в значении «реальное» и «реальность». Выстраивая свою аргументацию, Мурелатос привлекает еще два взаимосвязанных понятия – δίζησις и νοεῖν как наиболее отвечающие смыслу спекулятивной предикации. «Пути, представленные богиней, открываются уму (νοῆσαι) как квест (δίζησις) к реальности (ἀλήθεια)» (р. 70).

И, наконец, последний штрих относительно отклонения экзистенциального смысла «быть» показан переводом ὅπως ἔστιν и ὡς ἔστιν в В2.3 и В8.2*** не как «что оно есть» (что как раз наиболее характерно для экзистенциального прочтения), а «как оно есть», и такой вариант сразу переводит нас от простого указания на существование в первом случае («X существует») к предикационному смыслу («X есть Y», «X существует как Y» или «X подлинно существует как F», т.е. «X существует в качестве Y или F»).

* Слово δίζησις, стандартное для досократического вокабуляра, обычно переводят как «отыскание» или даже «исследование», Мурелатос переводит как «квест», аргументируя тем, что именно это слово современного словаря наилучшим образом указывает на смысл «планомерно отыскивать что-либо по предложенным знакам или указаниям». Такой перевод правомерен. Исторически слово quest берет начало в рыцарских романах, означая «приключение». Суть приключения в том, что рыцарь ищет приключений, получая задание, последовательно выполняет его и заслуживает в итоге награду. В современном русском языке слово «квест» занимает прочное место в так называемом «геймерском лексиконе», сохраняя прежнее значение, и хорошо известно тем, кто знаком с компьютерными играми. Именно так выглядит и путь поиска сущего Парменидом.

** Мурелатос полагает, что переводить ἀλήθεια словом «истина» (truth) не совсем верно, так как теряется значение α-отрицания. α-отрицания в эпике занимают очень важную роль, и точно так же они важны и для содержания поэмы Парменида. По мнению Мурелатоса, наиболее близким к греческому значению слова будет немецкое Unverborgenheit. Е.В. Орлов любезно указал мне на еще одну возможность перевода этого слова на русский с сохранением значения α-отрицания как «незабвенное».

*** «Что нерожденным должно оно быть и негибнущим также».

Относительно В2.5 Мурелатос утверждает, что «отрицание негативного пути не есть отрицание негативной предикации в целом» (р. 75). Это, скорее, отрицание негативных атрибутов в ответе на спекулятивные космологические вопросы. «Те виды сущностей, которые вовлечены в ответ на спекулятивные вопросы о том «Что оно есть на самом деле?», не могут являться противоположностями. Так как если эти сущности противоположны, тогда только одна из них может считаться $\epsilon\acute{o}\nu$ (существующей. – М.В.), а другая будет не более чем неопределенностью пустоты» (р. 80). Мурелатос критикует точку зрения Аристотеля, который полагал, что Свет у Парменида есть существующее, а Ночь – то, что не существует (р. 325). Невозможно рассматривать Доксу в отрыве от Истины, поэтому негативный путь – это не отрицание одной из противоположностей в паре. Речь идет, скорее, о том, что негативный путь «абсолютно неинформативен». Поскольку знание – это результат квеста или путешествия, то и путь «есть не-Ф», т.е. «в не-Итаку», например, оказывается бессмысленным. По мнению Мурелатоса, важным оказывается в этой связи понятие логоса Гераклита (которое принимает Парменид), посредством которого устанавливается связь между доктринами этих двух философов. Мир понимается и тем, и другим не как мир вещей, не их смесь, а «мир, который достигается посредством языка», «текстуальный или логос-структурированный мир... артикулируемый в логическом пространстве» (р. 328).

В связи с этим и знаки сущего у Парменида в В8 оказываются не просто предикатами, а своего рода программными положениями и доказательствами подлинного сущего, структуру которых Мурелатос анализирует на протяжении двух глав (р. 94–135).

Анализируя В8.34*, Мурелатос приходит к выводу, что существуют «обязательства мышления по отношению к реальности». Прежде всего, он оговаривает функцию $\nu\omicron\epsilon\acute{\iota}\nu$ у Парменида: это эпистемологический термин, а не психологический. Мурелатос признает, что «знать» или «понимать» – наиболее подходящий перевод для этого термина**, но

останавливается на наиболее привычном варианте – «думать» (to think). По его мнению, « $\epsilon\acute{o}\nu$ – это не только возможный, но и необходимый объект ума». Но, утверждает Мурелатос, даже если мы говорим о «необходимости» характера отношений ума и реальности, тем не менее неправильно думать, что мышление уже с необходимостью связано с сущим. Реальность не существует непосредственно и совместно с умом, человек должен достигать ее через предъявление аргументов. Иными словами, реальность, предоставляемая органами чувств, ошибочна, и только на основании верных доказательств, двигаясь по ним, как по вехам или знакам на пути, человек в состоянии завершить свое путешествие к реальности, отыскать подлинную реальность. Если доказательства пренебречь, то и реальность окажется не подлинной, «не-существующей». Такова в очень кратком приближении интерпретация Мурелатоса.

Книга представляет значительный интерес для всех, кто занимается изучением наследия раннегреческих философов, в первую очередь Парменида и Гераклита, их философских концепций и языка. Книга также будет полезна для студентов, изучающих древнегреческий язык и раннюю греческую философию. Мурелатос сумел предоставить полный обзор интерпретаций учения Парменида, имевших место в 1960-е гг., сформулировав в результате так называемую «стандартную интерпретацию», и он также сумел заложить начало нового качественного направления в парменидовских исследованиях, объединив аналитический и классический методологические подходы. Аргументировав невозможность рассмотрения пути Доксы в отрыве от пути Истины, он вернул тем самым Парменида в череду досократических философов, продемонстрировал единство и связность философских доктрин этого периода. Для тех, кто знаком с первым изданием книги, настоящее издание представляет исключительный интерес, поскольку читатель получает не только исследование, но и критический комментарий, представленный как во введении, так и в двух последних частях книги, и может лично проследить трансформации в концепции Мурелатоса и ее дальнейшие перспективы.

М. Н. Вольф
канд. филос. наук, доцент,
старший научный сотрудник,
Институт философии и права СО РАН

* «То же самое – мысль и то, о чем мысль возникает».

** Мурелатос согласен с интерпретацией *nous* у Курта фон Фритца и, опираясь на нее из соображений простоты изложения, дает перевод «думать» или «мысль». – Об интерпретации фон Фритца см.: *Von Fritz, K. Nous, Noein, and Their Derivatives in Pre-Socratic Philosophy // The Pre-socratics. A Collection of Critical Essays / Ed. by Alexander P.D. Mourelatos. Anchor Press. Doubleday; New York, 1974; Вольф М.Н. О связи понятий $\nu\omicron\omicron\varsigma$ и $\xi\acute{\nu}\nu\epsilon\iota\varsigma$ у Гераклита // Вестн. НГУ. Сер. «Философия». 2007. Т. 5, вып. 2. С. 118–123.*

ПОЛИТИКА И ПРАВО: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

II Международная научно-практическая конференция

27–28 марта 2008 г. сектором общей теории государства и права Института философии и права СО РАН совместно с молодыми учеными-юристами Исследовательского центра публичного права и преподавателями Сибирского государственного университета путей сообщения была проведена Международная научно-практическая конференция «Политика и право: проблемы интеграции и пути их решения», посвященная обсуждению современных проблем и тенденций интеграции политических и правовых явлений и процессов в условиях глобализации и европейского сотрудничества, перспектив развития политической и правовой системы России в XXI в. На конференции заслушано 80 докладов и сообщений от ученых, преподавателей, аспирантов и студентов Новосибирска, Москвы, Омска, Екатеринбурга, Ростова-на-Дону, Оренбурга, Тулы, а также выступали практические работники (политологи, юристы, психологи, педагоги и др.). Высокий уровень организации конференции способствовал привлечению ученых и преподавателей зарубежных государств (Южная Корея, Таджикистан, Казахстан, Украина). Были проведены не только заседания отдельных секций («Современные проблемы политики и права», «Проблемы исторической науки», «Геополитические проблемы развития транспортной системы России»), но и круглые столы, посвященные проблемам отечественной системы образования, совершенствования кадрового потенциала в сфере железнодорожного транспорта.

На пленарном заседании выступили д-р юрид. наук, д-р филос. наук, Заслуженный деятель науки РФ проф. А.К. Черненко, декан факультета «мировая экономика и право» СГУПС А.А. Мальцев, заведующая кафедрой иностранных языков СГУПС О.А. Демина, канд. филос. наук, доцент, ученый секретарь Института философии и права СО РАН В.В. Бобров, директор Исследовательского центра публичного права А.Ф. Жданов, преподаватель кафедры правоведения НГУ А.Б. Дидикин. В пленарном докладе А.К. Черненко был представлен анализ качественных характеристик процесса интеграции политики и права, связанного с изменениями властных отношений в политической системе России в условиях инновационного развития, поиском новой стратегии развития России на ближайшие десятилетия, а также обоснована необходимость активной разработки методов и принципов правовой технологии и их практического применения с целью повышения эффективности функционирования политической и правовой системы российского государства.

В докладах участников пленарного заседания большое внимание уделялось современному состоянию и взаимосвязи процессов централизации и децентрализации в федеративном устройстве современной России (А.Ф. Жданов), роли

исторических и политологических дисциплин в воспитании гражданственности и формировании квалифицированных специалистов в современных условиях (В.В. Бобров). Участники пленарного заседания отметили особую значимость правовой составляющей в процессе осуществления политической деятельности государства. В пленарном докладе А.Б. Дидикина выявлен ряд проблем и противоречий процесса интеграции России в систему европейского правопорядка, представлен анализ современного состояния российской правовой системы и, кроме того, вынесены на обсуждение проблемы применения европейских стандартов в области прав человека в судебной системе РФ. Обосновано положение о том, что в настоящее время критериями оценки действующего конституционного законодательства выступают практика применения и исполнения решений Европейского Суда по правам человека против России и процесс ратификации Россией конвенций и основных нормативных документов Совета Европы.

Заседание секции современных проблем интеграции политики и права проходило в обстановке обсуждения преподавателями и аспирантами Института философии и права СО РАН путей и перспектив развития российской государственности, а также оценки эффективности деятельности института судебного конституционного контроля (Ж.В. Нечаева), механизма защиты конституционных прав и свобод граждан (Е.Ю. Серкова), избирательной системы России (Н.В. Фокина), осуществления реформы местного самоуправления (Ю.В. Нечаева), формирования правового государства (М.Б. Софиенко).

Особенностью проведения конференции стало не только заседание студенческой секции, но и организация круглых столов. Под руководством доктора пед. наук, проф. Н.В. Силкиной состоялся круглый стол, посвященный проблемам непрерывного профессионального образования, с участием преподавателей кафедры профессионального обучения, педагогики и психологии СГУПС. Активное межвузовское сотрудничество научно-педагогических кадров Новосибирска наиболее ярко проявилось в работе круглого стола под руководством д-ра филос. наук, проф. Н.В. Наливайко по вопросам совершенствования национальной системы образования.

Таким образом, опыт проведения научно-практической конференции международного уровня показал глубокую заинтересованность научного и педагогического сообществ Сибири в осмыслении и разрешении проблем отечественной политической и правовой системы, готовность участвовать в выработке конструктивных предложений и рекомендаций по ее совершенствованию и реформированию.

*д-р юрид. наук, д-р филос. наук,
проф. А.К. Черненко,
младший научный сотрудник А.Б. Дидикин,
Институт философии и права
СО РАН, Новосибирск*

SUMMARY*

Tselishev V.V. History of Church's Thesis

Church's thesis is considered from the historical point of view. It is shown that the initial version of the thesis was offered in connection with λ -calculus, and only later was substantiated with reference to the Turing machine.

Key words: Church's thesis, Turing machine, axiomatic method, problem of calculability, formal system, recursiveness.

Golovko N. D. Davidson, Instrumentalism and Need for Reference.

Davidson's position on the need of an explanatory correspondence notion of truth is always interesting primarily because of its reliance to the central problems of semantic realism. Davidson gives truth the central role in semantics, he uses Tarski-style truth theory and deflationary notion of truth but deny any place to theory of reference. The paper shows that Davidson's position may be seen as unacceptable instrumentalism about reference. So his conception is simple not interesting for those who interested in the development of semantic realism.

Key words: D. Davidson, Principle of Charity, Principle of Rationality, semantics without reference.

Karpovich V.N. The concept of truth and logical ontology.

Philosophers of various persuasions were concerned to investigate the ontology of truth. That is, they were interested in the extent to which one needed to assume the existence of entities serving some role in accounting for the truth of sentences. Certain of these entities were conceived as the bearers of the properties of truth and falsehood. But instead of, or in addition to, truth-bearers, one must assume the existence of certain entities in virtue of which sentences and/or propositions are true. Any entities which are candidates for this role are called truth-makers. The paper argues that the ontology of truth can be conceived as situational in the sense that truth-makers are specially and temporally determined.

Key words: logic, ontology, truth, concept, proposition, truth-bearers, truth-makers, situation.

Goran V.P. The Crisis of Democracy in Ancient Greece and the Philosophy of Socrates (IV).

In order to draw near the solution of the question concerning the political motivation of the trial on Socrates, the manifestations of the hostile attitude to the philosopher before the trial are investigated. The special attention is paid to the fact that contents of the indictment

against Socrates coincides with the image of the philosopher by Aristophanes in his comedy "The clouds".

Key words: Socrates, the trial on Socrates, the contents of the indictment, Aristophanes, the comedy "The clouds", the political motivation of the trial on Socrates.

Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. Three Models of Historical Process in Marx's Philosophy of History

In analysis K. Marx's philosophy of history the authors point out that in Marx's theory, along with social-production (materialistic) conception of history, there is existential interpretation of the history in which the historicity is the gradual movement from the universal toil [die Arbeit] through the class division of toil and delight to the total prevalence of the spontaneous action [die Selbstbetätigung] that is characterized by the freedom and the delight.

Key words: Marxism, materialist conception of history, historicity, praxis, labor (toil), spontaneous action, delight, existential interpretation of the history.

Izgarskaya A. The Space of Social Relations in the World-System and Geopolitical Aspects

This article is devoted to the research of the space of social relations using the approaches of contemporary geopolitical theory and a world-system analysis. As a result, the author offers typology of spaces of social relations and a theoretical toolkit for analysis of societies belonging to different world-system levels.

Key words: geopolitical advantages, geopolitical disadvantages, levels of world-system.

Shmakov V.S., Serdjukova J.S. To the problem of modeling of social processes: methodological aspects

In clause the analysis of modern social and economic development of village is given, opportunities of mathematical modelling of social processes are considered. At mathematical modelling use of a method of imitating modelling with application imitating многоагентной is offered to model.

Key words: social adaptation, social processes, mathematical modelling.

Tsibrienko R. Methodological problems of analysis of adaptation processes at the society of global transformations

The system approach, offered the author constructed on unity philosophical, sociological and sinergetical of principles of knowledge of a nature and a society, is used by the researcher for

the analysis of poly-subjective space adaptation of activity, development of process virtualization of conditions of functioning mezzo systems and its influence on the scripts of adaptive behaviour of the people which have been switched on in organizational interaction.

Keywords: A system methodology; a unity of universal, particular and individual; double measuring of social processes; general tendencies of modern development; the social methods of management; subjects of adaptation; specializing organizations; virtue adaptations.

Yermakhanova S.A. Regarding the conception development about sociocultural aspects of modernization.

This article views modernization as a complex process that has quantity perspectives and components, including sociocultural aspect. On the basis of literature review it is concluded that transformation in scholars' opinions regarding the modernization process over the last two centuries. Nowadays these opinions contain more sociocultural components. The results of socio-logical polls which were carried out on the territory of Kazakhstan in 2006 revealed the presence of a quantity of national cultures, inconsistency of different value systems in social groups leaving an imprint on the character, substance and rate of modernization processes. This makes the development of universal strategy problematic which would be equally suitable for all groups of population.

Keywords: modernization theory, modernization, culture, sociocultural modernization, models of modernization.

Bodryakova E.A. Methodological aspects of interpretation of the term «quality» by economic theory

In this article the basic concepts of quality for the purpose of finding-out of scientific validity of the economic works providing solutions to important applied problems of an estimation of quality in economic practice are stated. Conclusions about limitation of separate theories of quality, applied models and techniques of an estimation of quality are substantiated. In interpretation of the term "quality" by the economic theory the author reveals essential contradictions. It is recognized, that the basic gnoseological obstacle in practical use by the economic theory of a philosophical category "quality" is the impoverished theoretical maintenance of the economic term "quality", depriving an economic object of the necessary and sufficient quantitative definiteness. Theoretical enrichment of the substance of the category "quality" is offered to implement by means of the philosophical criticism of a principle of understanding of quality as static substance of essence. The problem of research the quality as the process providing all variety of functioning of an economic reality is set.

Keywords: quality, substance, estimation methods, criteria, economic quality, philosophical quality, process.

V.V. Markhinin, I.V. Udalova. Demographic processes and inter-ethnic relations in Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra.

On basis of statistics and sociological research data the authors review demographic processes (natural and migration

population increase) in Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra and their influence on interethnic relations. It is being shown that the demographic situation in Yugra and interethnic relations are determined by the policy of "radical reforms" in the country and peculiarities of economic development in Yugra. The authors discover tendency of constant decrease of Russian and Slavic population share in Okrug, which is the ground of interethnic tension increase.

Key words: interethnic relations, migration and demographic processes.

Musijchuk M.V. The communicative mechanism of humour through the prism of reception of wit «irony»

The summary is considered the communicative mechanism of humour on the basis of reception of wit «irony». The communicative mechanism of humour is a change of sense as a result of connection of various words or expressions of relatives on sounding, construction, value. Language has effective forms of change of sense in the course of perception. It is a basis of the communicative mechanism of humour.

Keywords: the Communicative mechanism of humour, reception of wit «irony», communicative *умение*, communicative modalities, semantic perception of humour.

Didikin A.B. The historical and legal grounds of the forming constitutional legal science in Russia.

The paper attempts to analyze the historical and legal aspects of the forming of Russian constitutional legal science. The political situation and its influence to Russian system of legal science and education concerning the problems of the conceptual grounds and methodology of the constitutional legal theory are considered. The author suggests the new approach to the legal historical research introduced to analyze the external and internal factors of development of constitutional legal science.

Key words: constitutional legal science, constitutionalism, constitutional projects.

Chernenko A.K. Innovation as a tool of forming the modern Russian legal system.

The paper attempts to analyze the genetic nature of the modern innovational process in Russian legal system. The problem situation and its crisis aspects in the Russian legal science concerning the problems of the conceptual grounds and methodology of the legal theory, classification and criteria of the legal creation are considered. The author suggests the genetic approach to the legal innovations introduced to analyze the internal logic of self-determination of the legal phenomena's.

Key words: innovation, legal creation, levels of the legal system.

Markov U.G. The economy of the future: of right collective property

Work is dedicated to the problem of the selection of the prevailing right of property in the economic system of Russia. It is shown that the economy of future, will be most likely, built

within the framework collective property, to be more precise, of general longitudinal property. For this form of property one must be prevailing, since it not only in the best way considers the interests of working people, but also it corresponds to the historical values of Russia, to its sociocultural basis. In the article the presented facts, which confirm thought about the high efficiency of the cooperative economies, based on collective property of participants.

Keywords: right, property, cooperative economies.

Nechayeva Yu.V. Formation of the structure of local authorities: Problems of realization of the constitutional principle of independence

The article discusses the question of 'controversies' between the Federal norms and the existing situation at the level of municipalities. A conclusion is made about adoption of a statute regulating issues of forming a control authority of the municipal entity.

Key words: local government, municipal institution, local authorities.

Tsihotskiy A.V. The Procedural Enforcement in Civil Procedure

The issues of enforcement in civil procedure in the mechanism of legal guaranteeing of justice's efficiency are considered. It is proved that enforcement in civil procedure is a part of social reality, the existential phenomenon, which situated in complex mutual relations with different parties of legal procedure and legal sense of procedural participants. Mentioned phenomenon is aimed at making preconditions for achievement of justice's purposes.

Keywords: Law, legal procedure, illegal behavior, remedial compulsion, responsibility measures, law and order measures of protection, preventive measures.

Lisitsa V. N. The Admission of Foreign Persons to Investment Activity

In the article the concept of admission of foreign investors to investment activity is related to granting them the right on business and other activity in territory of the accepting state and is expressed, first of all, in establishment of restrictions and additional duties imposed on them (in comparison with the citizens of the state). The state independently carries out the legal regulation of foreign investments and, in particular, determines at own discretion, on what conditions the foreign investors can begin to carry out their activity in its territory.

Depending on the character of participation of the state, by analogy to the ways of creation of a legal person it is offered to

distinguish three forms of admission of foreign investors: authorization, reviewing, and notification order.

Key words: International law; investment law; regulation of investment activity.

Bukhtoyarova O.A. The right to lay an action defending public interests

The research work investigates (analyses) the right to lay an action defending public interests in the civil procedure. It is being proved that justice in the case with a multiple (numerous) group of persons (known as well under the term of «a non-fixed circle of persons») is open to general use. The rights and duties of the public prosecutor and state power organs of control are being observed with the purpose of defending the rights, freedoms and legal interests of other persons.

Key words: law, justice, public interests, the right to lay an action, a non-fixed circle of persons, the defend of the human rights, civil procedure.

Zykov S.V. Distinguishability as a Standard of Objects of Intellectual Rights

The objects of intellectual rights as material objects have no direct grounds in sensual reality.

The author divides criteria for individualization of the results of intellectual activity into general and specific. In a few theoretical research papers the universal criterion was identified as a novelty standard. The author argued over this conception because of its possible subjective interpretation. The term "distinguishability" is offered and universality of this term is proved: it can be correlated not only with legal features of the results of intellectual activity, but also with means of individualization of legal persons, goods, work and services.

Keywords: intellectual property, objects of intellectual property, novelty [of the invention].

Chernus N.Y. The legal regulation of a cultural value's civil turn.

The problem of legal regulation of a civil turn of cultural values always concerned and concerns to number actual for civil sciences and experts. It is connected, first, by there are no monographic researches of a civil turn of cultural values, secondly, the legislation regulating a turn of such values, contains a number of blanks and contradictions. Article is devoted to features of a legal regime of an archeological find.

Key words: archeological find, cultural values, historical values.